E49
1511

ЭНГЕЛЬСОН В. СТАТЬИ ПРОКЛАМАЦИИ ПИСЬМА
1934

19 1511

В. ЭНГЕЛЬСОН

СТАТЬИ ПРОКЛАМАЩИИ *письма*

издательство
ПОЛИТКАТОРЖАН
1934

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. экз. изд. _____

Вологда, тип. „Сев. Печатник", Зак. 1[illegible]

[illegible] фонд

Е49—
1511

ЭНГЕЛЬСОН. В.

СТАТЬИ
ПРОКЛАМАЦИИ
ПИСЬМА.

ОБЪЕДИНЕННАЯ
БИБЛИОТЕКА
М. К. П.
141440
Ср. 5739.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
141440 19 г.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Вводная заметка

Эта статья появилась в печати впервые на французском языке, в 1908 г., в №№ 13 и 14 парижского журнала «La Revue Bleu», *как статья А. И. Герцена.* М. К. Лемке перенес ее в свое собрание сочинений Герцена и, таким образом, как бы узаконил авторство последнего. Между тем для этого нет никаких оснований. Наоборот, есть все основания утверждать, что статья принадлежит не Герцену, а Энгельсону и, быть может, только поправлена и отредактирована Герценом.

Уже простое ознакомление с текстом статьи, без всяких изысканий в области ее истории, вызывает сомнение в ее принадлежности перу Герцена, до того лишена она всех признаков герценовского стиля, герценовской литературной манеры. Попросту говоря, она для Герцена — слишком сера, обыденна; в ней нет ни герценовского блеска, ни герценовских характеристик, ни герценовского остроумия, ни герценовских обобщений. Нельзя представить себе герценовской статьи о Петрашевском в 1851 г. без ярчайшей характеристики Николая, без напоминания о декабристах, без горящего негодованием описания сцены отмененного на эшафоте повешения!

Но, бедная яркими красками, эффектными характеристиками и обобщениями, без которых не обошлось бы перо Герцена, статья богата тем, чего не было и не могло быть у Герцена: знанием деталей биографии Петрашевского, мелочей его жизни в школе и после нее, вплоть до подробностей его домашнего быта, осведомленностью в настроении официальных и оппозиционных кругов Петербурга в 1848—1849 гг. Всего этого не мог с такой подробностью знать Герцен, никогда не встречавшийся с Петрашевским и покинувший Россию в начале 1847 г. По собственному признанию Герцена, относящемуся к 1850 г., дело Петрашевского было ему «мало известно» («Былое и Думы», III, 22). Но все это хорошо знал Энгельсон, товарищ Петрашевского по лицею, друг и сожитель Спешнева, сам привлекавшийся к следствию по их делу и оставшийся в России до 1850 г. Между тем статья явно написана человеком, лично знавшим Петрашевского и его друзей, лично соприкасавшимся с петербургскими кружками эпохи 48—49 гг.*, пристально и не только по газетным сведениям следившим за ходом процесса петрашевцев.

Эти общие соображения, подсказываемые содержанием статьи и ее стилем и заставляющие отвергнуть авторство Герцена и признать его за Энгельсоном, могут быть, однако, подтверждены и рядом более конкретных данных, связанных с ее историей.

---

* Картина настроений петербургской оппозиционной молодежи в 1848 г. в связи с европейскими событиями, данная в статье, между прочим, совершенно совпадает с той, которая вырисовывается из «Дневника» Чернышевского за те же дни. Это придает страницам статьи особый интерес и, заодно, подтверждает, что она была создана автором, лично наблюдавшим ее.

Как сказано выше, статья увидела свет лишь через 57 лет после своего написания. Ее первый публикатор, французский историк, муж дочери Герцена, Габриэль Моно, нашел ее французский текст в бумагах историка Мишле вместе с несомненно принадлежащей Герцену статьей «М. Бакунин». Быть может, это последнее обстоятельство и побудило Моно приписать Герцену и статью о Петрашевском. Как бы то ни было, мотивов Моно, за которым последовал и Лемке, мы не знаем, — никаких доказательств авторства Герцена Моно при публикации статьи не приводит, — но зато мы знаем то, чего не знал Моно и что упустил из виду Лемке, именно: письмо Энгельсона Герцену от 10 июля 1854 г. (№ 17 в наш. издании), в котором он говорит о «пропаже без плода моих писаний, посланных еще осенью 1851 г. к Michelet, о Петрашевском, о книге «Russland und Gegenwart» и Тенгоборского».

Судьбу этих статей мы можем проследить по переписке Мишле и Герцена. Этой переписке посвящена специальная глава работы М. О. Гершензона «Герцен и Запад» в сборнике «Образы прошлого» (М. 1912 г.) и ряд замечаний Лемке в его комментариях к Герцену. Но и Гершензон и Лемке здесь безбожно напутали, заблудившись среди авторов, дат и статей. Устраняя их ошибки и ни на чем не основанные домыслы, следует притти к следующим выводам.

7-го ноября 1851 г. Герцен послал Мишле свою статью «М. Бакунин». 11-го ноября Мишле извещал Герцена о получении этой статьи, а также о получении рукописи, которую он называет «извлечением из прусского сочинения». По поводу последней он пишет Герцену, что она велика для газеты, что в газету можно было бы устроить из нее лишь отрывки — об освобождении крестьян и о финансах, а целиком, быть может, согласится напечатать ее какой-нибудь журнал, напр., «Liberté de penser». Герцен отвечает 15-го ноября; предлагает Мишле распорядиться своей статьей о Бакунине по собственному усмотрению и продолжает: «Что касается остальных статей, то я был бы рад, если бы отрывки из них появились в какой-нибудь газете и, по возможности, целиком — в «Liberté de penser». Автор этих двух статей — мой соотечественник, сильный, но только еще начинающий работник; это будет для него поощрением, которого он во всех отношениях заслуживает. Его имя пока — тайна (VI, 520). Гершензон без всяких оснований предположил, что дело идет об «изложении известной книги Гакстгаузена», вышедшей в 1847 г.; Лемке повторил эту догадку и столь же бездоказательно добавил к ней утверждение, что автором рукописи был А. А. Чумиков. Между тем ясно, что речь идет о статье Энгельсона о немецкой же книге «Russland und Gegenwart» Буддеуса, только что вышедшей.

Наконец, 17-го ноября Мишле сообщает, что получил рукопись статьи о Петрашевском, характеризует ее как «интересную», но затрудняется напечатать ее, так как она без подписи (все это явно не могло бы относиться к статье Герцена), и продолжает: «Дайте свое имя или разрешение подписать их [то есть эту статью и ранее полученную статью о немецкой книге. *Л. К.)* моему протеже» [одному молодому французскому литератору. *Л. К.*].

На это письмо отвечает по поручению Герцена Гаук: «В Вашем письме от 17-го Вы пишете, что присланная Вам статья не может быть напечатана, так как под нею нет подписи... Прошу Вас смотреть на статьи, которые он [Герцен] прислал Вам, как на предназначенный для Вас материал и, следовательно, поступать с ними по Вашему усмотрению, — переделать, исправить и подписать как найдете нужным. Автор последней статьи, принужденный сохранить строжайшее инкогнито, прислал свою рукопись Герцену с просьбой располагать ею совершенно свободно» (Гершензон, стр. 236—237).

Ясно, что цитированная переписка отвергает в корне предположение о принадлежности статьи о Петрашевском Герцену и целиком

подтверждает заявление Энгельсона об его авторстве. Таковы основания, по которым мы включили эту статью в наше издание.

Установление того обстоятельства, что Энгельсон является автором этой статьи, имеет значение и для характеристики Энгельсона и для характеристики Петрашевского. Пока статья эта приписывалась Герцену, заключающиеся в ней данные о Петрашевском (его внешнем облике, привычках, школьных годах, умственных интересах и политических взглядах) не могли почитаться точными и достоверными: Герцен мог писать обо всем этом только понаслышке. Авторство Энгельсона, лично знавшего Петрашевского и его друзей, придает этой характеристике значение непосредственного, достоверного и осведомленного свидетельства. С другой стороны, признание Энгельсона автором этой статьи влечет за собой признание и того, что Энгельсон стоял гораздо ближе к петрашевцам и был гораздо более осведомлен в их настроениях и делах, чем это принималось до сих пор даже такими авторитетными исследователями, как В. И. Семевский.

Рассказ Энгельсона содержит ряд мелких неточностей в датах, ходе слежки за петрашевцами и т. п. Мы их не исправляли и не отмечали. Нельзя забывать, что статья Энгельсона — первое описание дела петрашевцев, написанное по свежим следам событий при полном почти отсутствии каких-либо документов. Внесенные последующими исследователями этого дела фактические поправки и уточнения к изложению Энгельсона легко найти хотя бы в работах названного сейчас Семевского. Перевод, данный в П. соб. соч. Герцена, в ряде пунктов исправлен.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Если Барбье[1], говоря о святой черни, разумел величавую простоту, чистоту побуждений, смелость перед последствиями, полное отсутствие коварства и всякой задней мысли о личном тщеславии, — качества, которые в наше время встречаются к сожалению, только в простонародьи и, как исключения, в других классах общества, — то Петрашевского можно, без всякого преувеличения, считать святым. Парижский гамен, который идет умирать на баррикаду, не заботясь о том, вспомнит ли кто-либо о нем после смерти, а в случае победы, забывает попросить себе должность или орден, — таков европейский тип, к которому ближе всего можно причислить Петрашевского. Он был гаменом не по воспитанию и не по убеждению, — он был им по призванию, по характеру. Гаменом был он даже по внешности: угловатая фигура, ниже среднего роста, руки нервные, голова круглая, слегка наклонившаяся на бок, нос маленький, но правильный; его темно-серые глаза сверкали беспрестанно; его походка и все движения отличались порывистостью; мечтательность, dolce far niente[2] были для него невыносимы. Несмотря на совершенно искреннее желание хорошо одеваться, галстук у него был надет всегда криво, но предметом особенной радости для посещавших его насмешников служил его халат: со времени окончания гимназии и вплоть до ареста он не мог обзавестись приличным, цельным халатом; один рукав был всегда оторван от плеча, так что, одеваясь, Петрашевский надевал сперва халат без этого рукава, а потом не без труда всовывал в свободный рукав свою руку. В этом именно одеянии, хорошо известном его друзьям, он был застигнут 23 апреля (5 мая) 1849 г., в 4 часа утра генералом Дубельтом, который пришел его арестовать. — «Будьте любезны,— сказал генерал, объявив свое звание, — одеться и ехать со мной в III Отделение Собств. Е. И. В. канцелярии» — «Я готов», — ответил Петрашевский. — «Однако, — возразил генерал удивленный, что он, повидимому и не думал одеваться,— неужели вы думаете ехать в таком костюме?» — «Сейчас ночь, — сказал Петрашевский, — а я в это время не привык

одеваться иначе». — «Так как вы не знаете, — возразил Дубельт — с кем вам придется говорить, то я советую вам надеть более приличное платье». — «Ладно», — ответил дерзкий шалун и начал одеваться, а генерал стал рассматривать книги, разбросанные по столу и по полкам. — «Генерал, ради Бога, не смотрите этих книг!» воскликнул Петрашевский. — «Почему же?» — «Потому что у меня, видите ли, есть только запрещенные сочинения; при одном взгляде на них вам станет дурно». — «Почему же вы бережете такие книги?» — «Это дело вкуса», — ответил Петрашевский, добродушно покачивая головой.

Он был крепкого здоровья, никогда не пил и курил только в лицее, потому что там это было запрещено. Познания его были разнообразны, выражения — остроумны. Необходимость практической деятельности не оставляла ему ни времени, ни спокойствия нужного для построения социальной системы; он даже не остановился определенно ни на одной из готовых социалистических доктрин, хотя считал себя фурьеристом; он занят был исключительно изысканием возможных средств для низвержения современного управления в России, а так как он полагал, что главной причиной порабощения русского народа были религиозные представления, то направил свою атаку главным образом против религии. Что касается его идей о национальности, то мы можем цитировать собственные его слова, напечатанные в энциклопедическом словаре, о котором еще будем говорить.

«Всякий народ или нация, рассматриваемая с гуманной точки зрения, является в тех же отношениях к целому человечеству, как вид отношений к роду, и только постепенно развиваясь, т. е. утрачивая свои индивидуальные, частные признаки или прирожденные свойства, он может стать на высоту человечественного, космополитического развития, тогда только может настать для него время постижения общечеловеческих интересов, тогда только развитие его жизненных сил будет совершаться гармонически с требованиями целого человечества. Тогда только может какой-либо народ внести свою собственную лепту в сокровищницу человеческих знаний, дать самодеятельный толчок общечеловеческому развитию, когда будет им усвоена, вместится в нем совершенно вся предшествовавшая образованность и будут поняты все интересы жившего до него человечества и пережиты им все его страдания путем собственного тяжелого опыта. В этом смысле Россию и русских ждет высокая и великая будущность... Чем на низшей степени своего нравственного, политического или религиозного развития находится какой-либо народ, чем менее способов к всестороннему и разнообразному удовлетворению его потребностей

представляет ему развитие у него промышленности, чем менее находится он в дружественном общении с прочими народами, чем правосудительнее и даже чем беззаконнее для него кажутся сношения с чужестранцами, усвоение себе их идей и форм их быта общественного, — тем резче будет выказываться его национальность (овеществление в нем общечеловеческого духа), тем резче будет он отличаться от других народов, тем будет он национальнее и уединеннее среди общения общечеловеческого, тем более отпечатков дикости и варварства будет носить в себе его национальность; и тем с большим фанатизмом будет он ее держаться и даже будет бессознательно готов принесть в жертву благосостояние других народов для торжества своей национальности, погубить плоды тысячелетних трудов человечества, сравнять с землей памятники наук и искусств, и на развалинах их гордо и самодовольно раскинуть свою кочевую палатку и рассадить капусту...»

В интимной обстановке Петрашевский был весьма мягкий, крайне снисходительный человек. Всякое возражение со стороны порядочных людей, всякая критика, как бы горька она ни была, принимались им и никогда не возбуждали в нем никакой вражды. Никогда мысль о своем превосходстве над окружающими не только не проскальзывала в его словах, но даже не приходила ему в голову; он был слишком поглощен своими проектами, чтобы заниматься собственной персоной.

Поступив 13 лет в Царскосельский лицей (учреждение, основанное в 1811 г. императором Александром для воспитания государственных деятелей, совершенно переделанное ныне Николаем; оно прославлено пребыванием Пушкина в числе его учеников), Петрашевский с первых же месяцев выделился своими способностями и усидчивостью в такой же степени, как и своими шалостями. В этом отношении он оставлял далеко за собой большинство своих товарищей, зараженных аристократической спесью и нелепыми понятиями о приличии: вот почему большинство их, и особенно немцы, прервали с ним всякую товарищескую связь. Петрашевский не мог понять золотой середины, столь свойственной немецкому характеру, и когда заходила речь о каком-нибудь заговоре учеников для наказания надзирателя за нахальство, он тотчас предлагал свои услуги даже враждебным ему товарищам, брал на себя исполнение мести и просил, в качестве вознаграждения, только сохранения тайны. Но затем, обычно, он переходил границы желаний своих сообщников, которые после упрекали его в том, что он навлек на всех них порицание за отступление от царившего в лицее корпоративного духа.

Кончив в 1839 г. курс наук, он, за свое непослушание,

получил только самый последний из *чинов*, присвоенных лицеистам. Когда его позвали вместе с товарищами для вручения им бумаг, Петрашевский поразил всех присутствовавших при этой церемонии, произнеся речь (вещь мало употребительная в России), в которой в самом серьезном тоне благодарил начальников заведения за их попечения о воспитанниках и приглашал своих товарищей передать отныне забвению их школьные ссоры. Изумленное столь мудрой речью, исходящей из уст Петрашевского, начальство публично выразило свое сожаление, что до сих пор не сумело оценить по справедливости воодушевлявшие его чувства. Настолько не поняли, что речь эта была фарсом, который Петрашевский разыграл, чтобы смутить педагогов; до такой степени не заметили иронии в обращенных к начальству благодарностях, что литератор Булгарин [3], прославившийся своим раболепием перед правительством, напечатал эту речь в «Северной Пчеле», а «Петербургские ведомости» перепечатали ее.

Петрашевский поступил на службу в министерство иностранных дел, сохраняя за собой право, присвоенное воспитанникам лицея — слушать в течение двух лет лекции в петербургском университете, продолжая считаться на действительной службе. По истечении двух лет он блестяще выдержал экзамен в университете, что подвинуло его по службе на два класса. В министерстве он служил переводчиком в тех случаях, когда жившие в Петербурге иностранцы имели какие-либо столкновения с полицией. Это поставило его в близкие отношения с чиновниками столичной полиции — презренный класс людей, вид которых возбуждал отвращение в петербуржцах, — но зато это же подало ему повод вывести из затруднительного положения несколько бедных людей, попавших в когти полиции.

Его революционная деятельность началась еще в университете. Там он начал общаться с молодыми людьми, старался давать им запрещенные цензурой книги и просвещал их в беседах. Интересно отметить, что сочинением, которому Петрашевский приписывал наибольшую революционную силу, был старый и плохой русский перевод французской книги, изданной в конце прошлого столетия или в первых годах XIX одним иезуитским аббатом, которого звали, если не ошибаюсь, Баррюэль, под заглавием — «*Якобинцы и вольтерьянцы*» [4]. Эта книга, написанная с той неистовой яростью, которая свойственна духовным авторам, представляет французскую революцию результатом обдуманного заговора, который давно был составлен главой фанатиков Вейсгауптом, Вольтером, Руссо, Робеспьером и несколькими другими лицами. Автор до такой степени увлек Петрашевского, что он наметил в своем воображении, и довольно остроумно, план

обширного заговора. Поэтому Петрашевский рекомендовал эту книгу всем своим знакомым, полагая, что для всех, кто знакомился с нею, как и для него, не существовало больше вопроса о том, законна ли и желательна ли революция в России, а оставалось только найти средства для ее выполнения. Вследствие такой манеры относиться к настроению петербургских умов, он сразу оттолкнул от себя много молодых людей, которые охотно либеральничали, желая считать себя вольнодумцами, но не размышляли серьезно о революции. В то же время эта роковая иезуитская книга внушила самому Петрашевскому, хотя он и не замечал этого, мысль, что революция может быть делом нескольких отдельных лиц, без участия толпы, которую толкают на этот путь сила событий, промахи правительства и распространение идей. Поэтому он никогда не мог совершенно отказаться от мысли организовать тайное общество, чтобы нанести удар правительству. Нескольким его друзьям, державшимся противоположного взгляда, удалось, все-таки, отвлечь его на некоторое время от этой идеи, и до 1848 г. Петрашевский ограничивал свою революционную деятельность привозом книг из-за границы с помощью одного несчастного книгопродавца, которого правительство стерло теперь с лица земли, устной пропагандой своих идей в собраниях, которые еженедельно устраивались в его доме, и печатанием статей в энциклопедическом словаре.

Появление этой маленькой книги в России, классической стране цензуры, и под покровительством покойного великого князя Михаила, брата императора Николая, которому посвящен этот труд, — факт удивительный. Узнав, что некий Кириллов намерен издавать, с чисто коммерческими целями, «*Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка*», Петрашевский пришел к нему и предложил себя в сотрудники, прося, и то только для того, чтобы не возбудить подозрения, весьма умеренного вознаграждения. Предприниматель, обрадовавшись столь выгодному предложению, представил Петрашевскому объяснение выбранных слов. Петрашевский с жадностью схватился за случай распространить свои идеи при помощи книги, на вид совершенно незначительной; он расширил весь ее план, прибавив к обычным существительным имена собственные, ввел своей властью в русский язык такие иностранные слова, которых до тех пор никто не употреблял, — все это для того, чтобы под разными заголовками изложить основания социалистических учений, перечислить главные статьи конституции, предложенной первым французским учредительным собранием, сделать ядовитую критику современного состояния России и указать заглавия некоторых сочинений таких писателей, как Сен-Симон, Фурье, Гольбах, Кабэ, Луи Блан и др.

Основная идея Фейербаха относительно религии выражена без всяких околичностей в статье о *натурализме*. Петрашевский дошел до того, что цитировал по поводу слова ода стихи Беранже.

Успели выйти (в 1845 г.) только два выпуска словаря (до слова — орден рыцарский) и продано было лишь несколько сот экземпляров, как полиция арестовала все остальные, лежавшие в книжных лавках. Цензор (Крылов) был представлен в верховный цензурный суд; я не знаю, какая судьба постигла его; это был очень боязливый и робкий человек; он несколько раз говорил Петрашевскому, что его статьи доводят его до головокружения от панического страха, но Петрашевский уверял его, что нигде не переступил границ, указанных в тексте цензурного устава.

Поспешим сказать, что Петрашевский поступал совершенно добросовестно по отношению к цензору: он сам искренно думал, что русское правительство хотело, помощью политики, укрепить уважение к законности. Он хорошо понимал, что если бы правительство исполняло законы, хотя бы им самим изданные, оно компрометировало бы свой жизненный принцип — принцип произвола, который, вследствие соучастия в нем всех государственных чиновников, делает из учреждения административного коммерческую компанию, имеющую целью эксплоатацию страны. Но Петрашевский полагал, что если к правительству подступить с вопросом о законности, то у него нехватит бесстыдства сорвать с себя, по крайней мере, официально, маску ее. Он жалел, что в России нет людей, которые захотели бы поймать правительство на его пресловутом уважении к законности, и попробовал сам сделать этот опыт. С этой целью он вздумал открыть у себя адвокатскую контору и объявил об этом в петербургских газетах; но так как у лиц, которые предлагали ему защиту своих дел, были только денежные тяжбы с частными лицами, то он отказался от частных дел и брался за процессы в суде только в тех случаях, когда они лично его касались. Обладание двумя домами в столице и имением в Петербургской губернии доставляло ему много таких случаев. Так как в России можно жаловаться на чиновника только его непосредственному начальству, и так как начальство это, по сложившемуся обычаю, хотя и противному тексту закона, не давало ходу таким жалобам, не объясняя даже причин отказа, то Петрашевский, переходя от одной юридической инстанции к другой, вошел, наконец, в сенат с жалобами на начальника полиции и на петербургского генерал-губернатора и потребовал привлечения их к ответственности. Несмотря на иронический смех, с которым принимались эти жалобы, как совершенно «неподходящие», необычные, Петрашевский настаивал на том, чтобы

они получили движение, и просил разрешения, согласно закону, устно защищать свое дело перед собранием сенаторов. Секретарь указал ему, что закон, на котором он основывал это свое второе требование, не будучи формально отменен, давно, однако вышел из употребления, и что, по теперешним обычаям и привычкам сената, истцы дают свои объяснения лишь письменно. Петрашевский не захотел уступить ради самовольно введенного обычая, установленное в законе, и его жалобы никогда не достигали своего назначения.

В качестве землевладельца он имел совещательный голос в собраниях петербургского дворянства, которое созывается раз в три года для выборов предводителей, судей и других должностных лиц, а также для распределения местных налогов. Здесь Петрашевский выступал поборником строгой законности и заставлял вписывать в протоколы заседаний свои протесты против нарушений закона, на которые он напрасно указывал членам собрания. В январе 1848 г. он распространил между ними проект, составленный, повидимому, с целью остановить все возраставшее падение цен на дворянские имения. В качестве главной меры он предлагал разрешить купцам приобретать населенные имения, с условием обращать крепостных, прикрепленных к общинным землям, во «временно-обязанных крестьян» *. Он требовал, кроме того, образования ипотечных банков, основанных на принципе подвижности имений **, взаимных

---

* Указ от 2 апреля 1842 г., который официальные писатели восхвалили, как великую хартию освобождения русских крестьян, дает право помещикам входить в соглашения со своими крепостными и составлять договоры (одобренные и утвержденные государем), устанавливающие те отношения, которые существуют теперь только на деле между хозяевами и крепостными. Правительство заявило помещикам, что раз права и взаимные обязанности выражены на бумаге, то оно уже берет на себя заботу о точном исполнении общинами их обязательств, «а ваши помещики, — говорило оно крестьянам, — не смогут отныне увеличивать, по своему желанию, ваши обязательства, и вы не будете больше называться крепостными, но крестьянами *обязанными*». Но так как перед глазами крепостных всегда стояла судьба 20 милл. государственных крестьян, еще более печальная, чем их собственная, и так как они считали вмешательство правительства в их дела новым и неисчерпаемым источником беззаконий и насилий, то не спешили воспользоваться правом, которое предлагало им отеческое правительство — узаконить договорами то, что они считали несправедливым, и князь Меншиков мог с полным правом дать тому классу крестьян, который хотели создать, прозвище «крестьян обязанных».

** В настоящее время недвижимость, заложенная в каком-нибудь зависящем от правительства кредитном учреждении, не может служить залогом какого бы то ни было нового займа, если даже ее ценность многим превосходит гарантируемый ею долг. Неудобства этой системы уже внушили князю Любецкому, члену Государственного Совета, мысль, которую он сообщил царю, — образовать в России национальный банк, который был бы, по примеру Польского банка, основан на принципе

страховых обществ и т. д. Собрание не приняло этого весьма разумного проекта.

Вспыхивает февральская революция. Известие об этом произвело в Петербурге потрясающее впечатление. Прекратились сейчас же все слухи, которые особенно сильно распространялись в ноябре 1847 г., о намерении царя провозгласить освобождение крестьян. В мире официальном делались бесконечные упреки Франции вообще и Луи-Филиппу в особенности — «этой непризнанной бездарности», как говорили о нем, приписывая это выражение Тьеру [6], «которая должна была служить пробкой, удерживающей взрыв революционного народа, и не сумела не полететь вверх». Но скоро упреки сменились мрачным, безмолвным унынием; не знали, что сказать, когда прусский король водрузил знамя единства в Германии, а Метерних последовал примеру Луи-Филиппа. Все были так заняты, что даже великий князь Михаил, этот образец военного педантизма, отказался выйти на смотр к войскам, которые он велел привести для этого: он был погружен в чтение газет. Я говорю «газет», потому что иных осведомительных источников у правительства не было; быстрота событий так смутила императорские посольства, что они не знали, как составлять свои телеграммы, и не посылали их совсем. Смущение было так велико, что для того, чтобы получить точные разъяснения европейских дел, царь не стал больше обращаться к Нессельроде [7], а послал на место событий помощника начальника тайной полиции, Сагтынского, того самого старика с седыми волосами, который совершил кругосветное путешествие по Европе в июне этого года и по возвращении которого в Петербург Карлье [8] оказался кавалером русского ордена *. В кофейнях Излера и Доминика публика вырывала друг у друга газеты; собирались в группы и кто-нибудь громко читал известия, потому что нехватало терпения ждать своей очереди. Тому, кто знает угрюмую чопорность петербуржцев, этот простой факт может показаться невероятным. Молодежь, и особенно друзья

подвижности поместий. Граф Канкрин, тогдашний министр финансов, противился этому проекту: «Несомненно, государь», сказал он самодержцу, «что торговля и даже казна будет процветать, но через десять лет В. В. не придется управлять Россией, потому что она станет совсем другой страной» (См. интересную и добросовестную книгу, изданную недавно в Лейпциге анонимным конституционалистом, под заглавием — «Russland und Gegenwart» [5]).

* Наградам, которые дает царь, можно, действительно, приписать своего рода тайную силу: едва прошло три месяца, как Карлье был сделан придворным, и происходит скандал в лотерее золотых слитков, причем газета, обыкновенно защищавшая Карлье, «Indépendance Belge», делает даже намек на то, что отставка, которую получил префект полиции, может стоять в связи с этим делом.

Петрашевского, бросились в лихорадочную деятельность. Нельзя было оставаться в границах обычного благоразумия. Почти на глазах у царя в четырех местах были установлены периодические собрания. Надежды на то, что русские революционеры не окажутся отвергнутыми революционерами немецкими и французскими, укреплялись известиями о дружественных отношениях Бакунина и Герцена с такими людьми, как Прудон. Еще до февраля «Система экономических противоречий» Прудона продавалась открыто, благодаря грубому невежеству полиции, и ее изучали с жадностью, неведомою в странах, где отсутствие цензуры отнимает у революционных сочинений всю сладость запретного плода. Один генерал-адъютант, впавший в немилость, объявил себя во всеуслышание последователем Прудона. Потом номера «Représentant du Peuple» [9], которые доставили контрабандой, выучивались буквально наизусть. Июньские газеты, правда, огорчили петербургскую молодежь, но все же, проклиная Марраста, Кавеньяка [10] и их товарищей, она не падала духом. Наоборот, Версальский и Буржский судебные процессы [11] довели умы до фанатизма; говорили не столько о радости триумфа, сколько о благородстве мучеников. Каждый завидовал высокой роли Барбеса.

Но уже в августе 1848 г. министр внутренних дел получил уведомление о поведении Петрашевского. Он поселил одного шпиона, в качестве торговца табаком, в доме Петрашевского, чтобы войти в доверие его прислуги, а другого, по фамилии Антонелли, официально причисленного к министерству иностранных дел, обязали сообщать министерству о заседаниях общества. Счастливый своим открытием, Перовский докладывает о нем государю, но, может быть, вы думаете, что он шепнул об этом и своему коллеге по тайной полиции, графу Орлову? Боже сохрани! он потерял бы тогда отличный случай доказать царю, что тайная полиция состоит из ничтожеств. Перовский хочет оставить себе одному честь спасения отечества. Поэтому гр. Орлов в течение шести месяцев не знает об этом большом деле; Перовский потирает себе руки и ухмыляется. К сожалению, он не может велеть государю хранить тайну: в минуту гнева государь, прежде чем его птицелов успел протянуть все силки, сказал графу Орлову, что у его ищеек нет нюха, что это — сопливые собаки. Оскорбленный в своем самолюбии, граф Орлов собирает сведения и докладывает царю, что министр внутренних дел, чтобы возвысить себя, наговорил его величеству всякого вздора, что дело это совсем не так значительно, как его описывают, что не надо разукрашивать его особенно в глазах иностранцев, и, приняв некоторые отеческие меры против главных вождей, можно прекратить дело без шума и скандала. Тогда Перовский,

боясь, как бы столкновение мнений не выяснило правду, как бы не нашли только зародыш заговора, далеко не достигшего приписываемых ему размеров, и опасаясь, что вследствие этого ему не будет дан в вознаграждение графский титул, упрашивает царя отсрочить арест виновных. При этом он сказал царю (он сам хвастался потом): «Государь, позвольте мне еще некоторое время следить за поведением этих заговорщиков, и я обещаю доложить вашему величеству не только об их разговорах, но и мечтах, грезящихся им во сне». Но у государя хватило терпения только на 8 месяцев; статья в «La Semaine» [12], которая, обсуждая венгерские дела, говорила, что скоро у царя будет много своих хлопот, была каплей, переполнившей чашу. Царь не внял убеждениям Перовского и назначил набег в ночь на 23 апреля (5 мая) 1849 г. Взаимное недоверие между начальниками двух полиций было так сильно, что каждый послал своего помощника. Со стороны графа Орлова был генерал Дубельт, а со стороны Перовского — Липранди. Они вместе в одной карете, приехали к дому Петрашевского, но так как в эту ночь надеялись захватить собрание всех участников, то Липранди решил предоставить своему военному коллеге риск подняться в квартиру Петрашевского, а сам спрятался в карете. Дубельт нашел Петрашевского в обществе одного друга, перед отходом ко сну. В начале этой заметки мы уже рассказали, что произошло между ними. Как только первые подсудимые, в числе 48, были приведены утром в канцелярию графа Орлова, он имел удовольствие убедиться собственными глазами в том, что доклады Перовского были не вполне точны, по крайней мере, в смысле личной значительности заговорщиков. Среди обвиняемых, на которых падали самые тяжелые подозрения, был мальчик 14—15 лет; жандармы разбудили его рано утром, и он мирно доканчивал свой сон в зале канцелярии, пока его не разбудил внезапно громкий голос графа Орлова: «Что заставило вас устроить заговор, а?.. Вас слишком хорошо кормили, сукины сыны, вы с жиру беситесь!» *. Этот взрыв гнева не был притворством знатного графа; он был искренен, потому что видел перед собой молодых людей, при помощи которых министр внутренних дел чуть было не подставил ему знатную подножку **.

---

* Подумать только, что слова эти были произнесены человеком, родной брат которого (Михаил Орлов) участвовал в заговоре 14 декабря!

** Министр внутр. дел Перовский внушает большой страх своим соперникам в соискании царских милостей, потому, что его считают человеком, который ловко умеет устраивать свои дела. Он и его брат, генерал-адъютант Перовский (прославившийся своей неудачной экспедицией в Хиву), — незаконные дети графа Разумовского. Его законный

Следственная комиссия работала уже три месяца, не жалея пыток для заключенных; Липранди, назначенный в канцелярию самого графа Орлова, копался, с почти религиозным рвением, в бумагах, взятых у подсудимых; каждый день привозили новых арестованных из Москвы, из провинции и даже из Сибири; и, все-таки трудно было доказать, что Перовский открыл заговор, поставивший, было государство на край гибели. Царь, который никогда не имеет терпения дождаться конца интересующих его процессов, следит, обыкновенно, за их ходом и приказывает возобновить следствие, если думает, что первое расследование не поведет, по закону, к тяжелым наказаниям, почувствовал себя смущенным при виде оборота, принимаемого делом Петрашевского; он с грустью признается, что слишком поспешил с арестом подсудимых, и раскаивается, что не последовал совету Перовского «дать заговору созреть и расшириться, чтобы можно было одним ударом вырвать все плевелы из русской земли». Перовский торжествует: не удастся доказать, что он преувеличил опасность, а если следы заговора потеряны, то в этом виноват не он. Тогда разгневанный царь в первых числах августа приказывает устроить новую облаву в Петербурге. «Пусть посадят, — пишет он из одного летнего лагеря в следственную комиссию, — половину жителей столицы, но пусть отыщут все нити заговора». И ночные аресты возобновились с новым неистовством.

Ярость, с которой полицейские агенты приступили к домашним обыскам, заставляла думать, что правительство боится не просто мирной пропаганды, а чего-то другого. В некоторых домах стали ломать рояли и поднимать половицы, чтобы найти бумаги и оружие. Грустно признаться в этом, но жандармские нижние чины, не получившие никакого воспитания, обращались гораздо человечнее, чем высшие чины и адъютанты, на которых был внешний лоск светских людей. В качестве образца жесткости называют особенно некоего Иноземцева, адъютанта при генерале Полозове [18], молодого человека, имеющего порядочный капитал и служащего в полиции только ради чинов.

Действительно ли обвиняемые имели в виду сделать покушение на жизнь государя? Мы этого не знаем. Скажем только, что в Петербурге ходили слухи, будто некоторые из них хотели заколоть царя кинжалами в ночь на 21 апреля (3 мая) 1849 г. в публичном маскараде, который устраивался в зале дворянского собрания, что будто в этот вечер должна была быть лотерея и что они приготовили уже воз-

сын был лишен наследства и заключен в Спасо-Ефимьевский монастырь во Владимирской губ., под предлогом неуважения к матери Перовских; его держали в монастыре больше 15 лет. Говорят, что он сошел с ума.

звания с призывом к восстанию, — их они думали бросить в колесо. План Петербурга, где указаны были места для баррикад, был, говорят, найден у одного офицера; передавали, что государь сказал коменданту Царского Села: «Представь себе, эти чудовища хотели не только убить меня, но и уничтожить всю мою семью». Если о подобных проектах не упоминается в официальном отчете, то это не доказывает, что их не было; царь, быть может, боялся распространять слух о них, так как он, постоянно старается отдалять от народной мысли идею покушения на его жену. Какой строгий выговор сделал он императрице за то, что узнав о неудавшемся покушении в Позене [14], она приказала отслужить благодарственный молебен в петербургском Казанском соборе: войскам и народу, присутствовавшему на этой религиозной церемонии, не сообщали ничего о причине, по которой царица велела отслужить молебен, а после, чтобы успокоить народное любопытство, распространили слух, что он был по случаю большой победы, одержанной на Кавказе.

В сентябре комиссия окончила следствие по делу Петрашевского. 23 человека были преданы чрезвычайному военному суду; остальные были выпущены из казематов Петропавловской крепости, где провели предварительное заключение, и большая часть была сослана в «места не столь отдаленные», с обязательством поступить на казенную службу «регистраторами» или писцами (официальный доклад выражает это так: «Все лица, признанные вовлеченными в преступные намерения другими либо случайно, либо по их легкомыслию, были по высочайшему повелению освобождены от всякого дальнейшего законного преследования»). Что касается 23-х преданных суду, то все думали, что их приговорят, самое большое, к отдаче в солдаты на Кавказ или, в крайнем случае, к ссылке в Сибирь на поселение. Таково было, повидимому, и намерение судной комиссии под председательством генерала Перовского (брата министра внутренних дел). Но государь, узнав об этом, пришел в ярость: «Если суд будет столь милостив, то мне останется, действительно, пользуясь правом помилования, совершенно простить преступников! Но разве судьи не знают, что подобное добродушие с их стороны представляет собой захват права помилования, которое является прерогативой монарха? Суд должен применять закон во всей строгости, а это уж мое дело обратить внимание на смягчающие обстоятельства!» Поэтому царь приказал возобновить процедуру суда и судить на этот раз не по общему уголовному своду, а по военным законам. Суд приговорил всех к расстрелу. Это решение проникло в публику лишь 23 декабря 1849 г. (4 января 1850 г.).

В этот день, когда утренний туман еще не успел рассеяться, войска большими колоннами выстроились на Семеновском плацу. Они образовали параллелограм вокруг эшафота, состоявшего из подмостков, на которые поставлено было семь виселиц. Вокруг войск, на широком расстоянии, городовые образовали цепь, чтобы удерживать народ, который стекался массами, желая видеть даровое зрелище, преподносимое ему царем-батюшкой. Около восьми часов показался ехавший быстрой рысью кортеж, который открывался рядом жандармов с обнаженными шашками; за ними следовала двадцать одна карета, по одному осужденному в каждой *, под стражей двух солдат внутри и двух жандармов верхами, около дверцы; окна карет были закрыты и замерзли, так что через них нельзя было видеть лиц заключенных; процессия замыкалась вторым отрядом жандармов. Заключенные не знали, с какой целью заставляли их делать эту прогулку. Привезя на Семеновский плац, их поставили на эшафот и прочитали смертный приговор, вынесенный судом; затем на них надели саваны с капюшонами, падавшими на лицо, и поставили по трое к виселицам. Хрипло прозвучал рожок — был сильный мороз; прокатилась барабанная дробь; из рядов каждого батальона вышли солдаты с ружьями, приблизились к осужденным и стали целиться. Воцарилось гробовое молчание... Но отчего солдаты так долго не стреляют? Может быть, для того, чтобы продлить у осужденных предсмертную тоску? Петрашевский, всегда верный себе, приподнял капюшон, чтобы посмотреть, что происходило вокруг.

Наконец, становится известным, что все это было простым фарсом, декорацией, лишним парадом, устроенным его величеством. Генерал Ростовцев объявляет приговоренным, что царь дарует им жизнь. Напрашивалась мысль, что из всех генералов был выбран именно этот для объявления милости, потому, что он был заикою. Солдаты возвращаются в строй, а преступникам читается указ, которым государь, по своей неизреченной доброте, заменяет смертную казнь для одних каторжными работами в сибирских рудниках, для других зачислением в дисциплинарные роты, для третьих отдачею в солдаты на Кавказ и киргизские границы.

Почему же царь не обошелся с этими людьми так же, как с поляками? Это объясняют тем, что несколько недель назад он узнал, что австрийское правительство велело повесить всех венгерских офицеров, которые сдались Паске-

---

* Из двух остальных, обвиненных следственной комиссией, один был оправдан судом, — в официальном отчете мы видим, что сделал государь; другой сошел с ума во время процесса.

вичу, хотя Паскевич ходатайствовал за них в Вене, а с мятежниками, которые сдались австрийским генералам, поступило менее строго; был оскорблен этим, считая такой способ действия «неслыханным», и, в то время, как г. Толстой начал писать свои *Донесения о действиях русской армии в Венгрии* *, он сам захотел пристыдить венский кабинет своим «милосердием» по отношению к заговорщикам.

Когда чтение акта о помиловании было кончено, на Петрашевского надели костюм каторжника и кандалы. Осматривая себя в этом одеянии, он сказал, улыбаясь: «Ей-Богу, как они умеют одевать людей! В таком костюме делаешься противен сам себе!» Генерал Греч, помощник командира, плюнул ему в лицо и воскликнул: «Экий ты негодяй, сукин сын!» — «Сволочь, — ответил Петрашевский, у которого руки были уже закованы, — хотел бы я видеть тебя на моем месте». Его бросили в сани и повезли прямо в Сибирь, в свинцовые рудники. Когда сани тронулись, какой-то неизвестный, выйдя из толпы, снял с себя меховую шапку и шубу и бросил их Петрашевскому. Генерал Греч умер вскоре после этого.

Остальные двадцать были отведены с Семеновского плаца в Петропавловскую крепость, где они сидели во время процесса. Их отъезд был назначен на следующий день. Родственники думали, что им будет позволено, как это делалось со времени приговора заговорщикам 14 декабря 1825 г., проститься с осужденными, и столпились около крепости. Но комендант Набоков объявил им, что не может разрешить свиданий, не получив предварительного разрешения от государя. А как добиться его? Обратились к графу Орлову, человеку, которого Николай представлял неаполитанскому королю, как «своего близкого друга». Граф Орлов совершенно отказался передать государю просьбу несчастных родственников. Попробовали просить императрицу ходатайствовать за них перед царем, — она тоже побоялась. Тогда в отчаянии, родственники бросились опять к генералу Набокову. Наконец этот ворчун 1812 года, который за свирепой солдатской и отталкивающей внешностью скрывал не вполне извращенное и полное благочестия сердце, решил осмелиться и, осенив себя крестным знаменем, рискнул войти в кабинет царя. Он получил милостивое разре-

---

* В «Indépendance Belge» (последние числа октября) сообщают из Вены, что г. Толстой приступает теперь ко второму изданию этого сочинения, и что предисловие будет раскаянием, которое делает честь правдивости автора. Он скажет там, что все, написанное им о недоверии австрийцев к русской армии, было заблуждением. Если бы можно было допустить, что г. Толстой пишет сам от себя, то его отпирательство могло бы служить примером для шпионов, чтобы они осторожнее писали свои доносы [19].

шение дать родителям проститься с детьми. Но так как один из осужденных, лейтенант Момбелли, после мучений, которые он потерпел во время следствия, страдал от костоеды, а Набоков отправил его в военный госпиталь, прежде, чем сослать его при морозе в 23° Р. в рудники, то несмотря на орден, полученный им за следствие, в котором он председательствовал, государь сделал ему строгий выговор за такую мягкость по отношению к государственному преступнику.

Министр внутренних дел Перовский имел удовольствие видеть 11 000 листов, заполненных протоколом дела, и не менее 500 арестованных, из которых 22 были наказаны публично, а вдвое большее число сослано без суда. За это он получил титул графа. Но помощнику его, Липранди, досталась в награду только тысяча рублей. Он тяжко заболел; поднявшись же с одра болезни, пришел в канцелярию министерства внутренних дел и грозил скоро представить новые и еще более неопровержимые доказательства слепоты полицейских агентов графа Орлова. Можно поэтому надеяться, что полицейские графы не прекратили, а только приостановили свой поединок на шпионах.

* * *

P. S. Едва мы кончили эту статью, как газеты подтвердили наше предположение. «Кельнская газета» напечатала следующее письмо, посланное ей с границ Польши, от 20-го октября: «Здесь ходят слухи, что в Петербурге открыли новый заговор среди дворян и что арестовано много влиятельных лиц, имеющих близкое отношение ко двору. Заговор открыт будто бы гвардейскими офицерами-черкесами. Их пробовали подкупить, но они пошли и объявили обо всем государю. Подробности еще неизвестны» (см. «La République» от 25 окт.).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Барбье (Barbier) — французский поэт-сатирик, прославившийся сборником «Ямбы» (1831 г.), в котором он во имя и от имени «святой черни» бичевал корыстную буржуазию, использующую в своих интересах даже лучшие порывы народных масс.

2. Dolce far niente — сладкое безделье.

3. Булгарин — редактор «Северной Пчелы», официозного органа русского правительства.

4. Точное заглавие книги Баррюэла (Barruel): «Вольтерианцы или история о якобинцах, открывающая все противохристианские злоумышления и таинства масонских лож, имеющих влияние на все европейские державы».

5. «Russland und Gegenwart» — «Россия и современность», написанная в умеренно-либеральном духе книга А. Буддеуса (Buddeus, 1819—1880), немецкого публициста-путешеств., вышедшая анонимно в Лейпциге в 1851 г. (2 тома). Буддеусу принадлежит еще несколько книг о России.

6. Тьер, впоследствии палач Парижской коммуны, был одно время министром Луи-Филиппа, но, лишившись министерского поста, последние годы царствования этого короля (1841—1848) находился в оппозиции.

7. Нессельроде — многолетний министр иностранных дел Николая I.

8. Карлье, начальник парижской полиции, назначенный на этот пост Луи Бонапартом в 1849 г., должен был в октябре 1851 г. покинуть службу в связи с мошенничествами, обнаруженными в организации одной из парижских общественных лотерей. Карлье находился в ближайшей связи с царским посольством в Париже и оказывал постоянные услуги русской политической полиции; им был подписан приказ о высылке из Парижа Герцена и т. д.

9. Représentant du Peuple» — «Представитель народа», газета Прудона, выходившая в Париже с апреля по август 1848 г.

10. Марраст, Кавеньяк — председатель парижского учредительного собрания и главнокомандующий парижскими войсками, подавившие июньское (1848 г.) восстание парижского пролетариата.

11. Версальский и Буржский процессы — происходившие в 1849 г. в г. Версале и в г. Бурже процессы по поводу майского и июньского движений парижского пролетариата. Обвиняемыми в обоих процессах являлись виднейшие представители революционного движения, во главе с О. Бланки и А. Барбесом; последний обвинялся в попытке разгона учредительного собрания, вел себя мужественно и был приговорен к пожизненному заключению.

12. «La Semaine» — парижский республиканский еженедельник.

13. Полозов Д. П. — начальник петербургского жандармского округа.

14. Покушение в Позене — не осуществившаяся попытка террористического покушения на Николая I во время его проезда через город Позен в германской Польше. Французское выражение «l'attentat de Posen» (позеновское покушение) Лемке перевел «покушение Позена» (П. соб. соч., VI, 515), превратив таким образом известный город в неведомого истории террориста.

15. Все это примечание — намек на то, что автор «Отчета о действиях русской армии в Венгрии под руководством фельдмаршала Паскевича, князя Варшавского, графа Эриванского», вышедшего на французском языке в конце 1849 г. в Париже, Я. Н. Толстой — агент III отделения и писал свою апологию контрреволюционного похода Паскевича в революционную Венгрию по заказу русского правительства. И то и другое вполне соответствовало действительности. С содержанием книги Толстого можно ознакомиться по ст. Б. Модзалевского «Я. Н. Толстой» в «Русской Старине», 1899 г., т. С.

ПОСВЯЩЕНИЕ КНИГИ „АНАРХИЯ“ [1]

Мой друг, Вы, вероятно, без труда отгадаете, что юноша, к которому я обращаю мою речь, — никто иной, как сам автор. Была минута, когда я готов был на самом себе исполнить совет, который даю ему: пистолет был уже заряжен, душа моя была так же мрачна, как природа — вьюга, полумрак, ветер и стужа. В эту минуту мне случайно попалась на глаза одна из Ваших полных бодрости, дышащих силою статей «О дилетантизме в науке», напечатанная в журнале, который редактировал наш незабвенный Белинский. [2] Я читал эту статью с юношески бьющимся сердцем, затаив дыхание, потому что здесь была для меня новая жизнь; затем, я отыскал Ваши предыдущие статьи, начал сам размышлять о затронутых в них вопросах — и забыл о моем плане самоубийства. Спасибо Вам за это, дорогой друг! Как желал бы я, чтобы эти страницы, хотя бы и в гораздо меньшей мере, оказали подобную услугу Вам, т. е. заставили Вас хоть на минуту забыть удручающие Вас заботы!

Быть может, иной читатель удивится, встретив рядом с Вами еще одного «красного русского» на поприще немецкой литературы. Может быть, он даже примет нашу красноту за румянец стыда, т. е. подумает, что мы похожи на тех школьников, которые вне класса ведут себя между своими товарищами тем буйнее, тем более — как говорится — брыкаются, чем более чувствуют, что товарищи имеют право упрекать их за чрезмерное благонравие в классе, под ферулой учителя. К сожалению, однако, русским в настоящее время не за что краснеть ни перед немцами, ни перед французами; опыт последних лет показал, что эти народы только с виду дальше подвинулись на пути свободы, чем мы; о братьях Джон Буле и Янки этого нельзя сказать.

Причина нашей красноты весьма проста: мы красны потому, что мы — доныне ничтожное меньшинство — отреклись от деспотизма и, верные духу нашего народа, создавшего пословицу: «середка на половине» (что на середине, то половина), не можем остановиться на juste-milieu. Если

мы, быть может, лучше других сознаем ничтожность писанного права, это объясняется еще и тем обстоятельством, что наше правительство яснее, чем доныне прочие правительства, доказывает нам призрачность закона, представляющего собою, говоря вульгарно, лишь голубой дым (чернильных испарений). Царь не хочет дать нам никаких прав: ну что ж! подумаем, так ли уж они важны и нельзя ли прожить кое-как и без них.

Принято думать, что в общественной жизни русские — коммунисты; я же проповедую безусловный индивидуализм. И это объясняется теми же причинами, которые не позволяют нам быть конституционалистами: легче перейти из одной крайности в другую (ибо, как известно, les extrèmes se touchent *), чем из середины между обеими, на которой стоит феодально-римская Европа, дойти до какого-либо из этих полюсов.

Но наглядно показать европейскому читателю, как легко эмансипируется наш брат, как тут нужен только один — первый — шаг, потому что в нашей стране нет и намека на какие-нибудь правовые институты, — это умеете Вы одни, Вы, которые впервые в своем лице и своих произведениях показали европейцам красную Россию. Для этого я жду от Вас лишь нескольких очерков из Вашей жизни в ссылке [3], и именно с целью некоторым образом побудить Вас к этому я открыто посвящаю Вам свою работу, а вовсе не для того, чтобы пред кем бы то ни было сделать Вас ответственным за ошибки и погрешности, которые могут оказаться в ней; это было бы с моей стороны изменою исповедуемому мною принципу индивидуализма.

Я спокойно беру на себя риск быть пригвожденным к позорному столбу за мой образ мыслей как аристо-, так и демократами. Обе эти партии мне почти равно чужды, т. е. непонятны. В первой я не понимаю упорства, с каким она держится за привилегии, которые не только оспариваются у нее, но и несомненно — как она уже и сама видит — сами собой исчезнут. Говоря Вашими словами из «С того берега», я не понимаю, как можно находить удовольствие в том, чтобы «грабить нищих и на глазах умирающих с голода доводить еду до обжорства». Неужели такая жизнь может доставлять наслаждение? А если нет, зачем насильственно продолжать ее? Впрочем, — и на это Вы обратили мое внимание — так называемая теперь аристократическая партия состоит собственно не из аристократов, а из буржуа. Настоящая аристократия не дрожала так скупо и жадно над своим добром; в ночь 4 августа она обнаружила свое рыцарское благородство, спокойно и с достоинством, без задержки,

* Крайности сходятся.

вернув то, чего больше не желали оставлять за нею; она не довела дела до того, чтобы ее оскорбили насилием и вырвали у нее ее привилегии[4]. Русский более склонен к мотовству, чем к скупости; мелочный расчет ему противен — он предпочитает промотать свои деньги.

В демократах мне странен способ, которым они надеются достигнуть своей цели. Мне кажется, что теперь, совершенно так же, как в эпоху Конвента, они в итоге лишь упрочивают и сильнее централизуют то, что они стремятся разрушить. Какой смысл имеют, например, эти непрестанные толки о национальности и национальной независимости?

Русский многое сделает, да и сделал, для национальности и национальной независимости, но никогда он не примет ее за важнейшее. Ему в сущности безразлично, называется ли эксплоатирующий его господин барон фон Штокпрюгель или генерал Кулаков: часто даже соплеменный хозяин является худшим деспотом, чем иноземный. Поэтому русский и свободен от закоренелых национальных антипатий и симпатий и прилежно изучает немецкий, как и французский, французский, как и английский. Если национальность — не нечто неотчуждаемое, а нечто такое, что всегда нужно ревниво охранять, чтобы оно не утратилось, то не стоит и труда хранить ее*. А для русского важно одно: не быть эксплоатируемым ни Штокпрюгелем, ни Кулаковым.

Для него также безразлично, назван ли он в одном из бесчисленных законов, которые издаются для него, но которых он и не знает и не имеет охоты знать, так как твердо уверен в том, что — с законами, или без них — он все равно будет управляться по прихоти своих повелителей, — назван ли он, говорю я, в одном из этих законов «крепостным» или «обязанным»; он не предпочитает одно другому, потому что он хочет быть *своим собственным*. Точно так же министру государственных имуществ приходится у нас поистине солоно, когда он, как утверждает Гакстгаузен, силится привить народу «правовое сознание»[5]. Известный женевский деятель был, по-моему, вполне прав, когда выразился в Вашем присутствии, как Вы передавали мне, что объяснить русскому, что такое закон — вещь совершенно безнадежная[6]. Русская солдатская песня в следующих словах поясняет, что понимает народ под «законным правопорядком»:

Царь наш православный
Не любит брать насильно,
Берет добровольно —
Наступив на горло.

---

* Да и во всех странах, при образовании национального могущества, национально-гордыми являются преимущественно высшие слои, а не низшие, служащие лишь удобрением для гордости знати.

И признаюсь, я вполне согласен с г. Romieu[7], когда он говорит в своем Spectre rouge, что слова Бланки: «У кого железо, у того и хлеб» — самая глубокая истина, какая была высказана за последние 60 лет.

А если так, — возразят мне, — то почему же в России все остается по-старому? Потому, что русский до сих пор не может притти в себя — стоит и по привычке чешет за ухом, сбитый с толку ловкой шуткой, которую сыграл с ним Петр I. Но время — советчик, или вернее, хороший совет приблизит урочное время — то время, когда, опомнившись, он соберется с силами, и тогда — сторонись с пути Европа!.. Тебе нечего бояться, старая дева, что Россия пойдет по твоей дороге: со времен Геродота скифы не были склонны к завоеваниям и никогда не станут такими, что бы ни делало антинациональное правительство, потому что мы не алчны, не имеем ни орлиных, ни ястребиных носов и вообще не похожи на хищных птиц; мы кротки и миролюбивы, пока нас не заденут. А если — тогда берегись, благомудрая Германия, берегись еще раз осчастливить нас сворой Голштейн-готторпских, Ангальт-цербстских и прочих потентатов и заступаться за потомков Тевтонского ордена и меченосцев.

Пусть эта твердая вера в нашу будущность даст Вам силу, дорогой друг, перенести страдания текущего дня, как бы жестоки они ни были. Пусть снова раздастся твоя героическая песнь, как назвал твои произведения Мишле[8], — и если в твоем голосе будут слышны новые слезы, слезы, которые мы вместе с тобой льем о нашей дорогой Наталии[9], — тем глубже проникнет он не в сердце изменнически льстящего тебя Гервега, а в сердца искренно и верно любящих тебя русских.

Генуя, 13 июля 1852.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Подлинник — на немецком языке — был переслан автором А. И. Герцену при письме от 13 июля 1852 г. Последнее напечатано ниже, в III отделе (№ 5), и свидетельствует, что эти строки должны были по мысли автора служить предисловием к книге «Анархия», над которой он тогда работал. Эта работа, однако, повидимому никогда не была закончена или, по крайней мере, напечатана. Во всяком случае о ней ни разу больше не упоминается ни в переписке ни в статьях Энгельсона. Быть может, отдельные части задуманной работы вошли впоследствии в статью «Что такое государство?» Заглавие дано редакцией; подлинник — в Гос. библиотеке имени Ленина в Москве.

2. Статьи Герцена «Дилетантизм в науке» печатались в «Отечественных Записках» в течение 1843 г. Они произвели сильное впечатление не только на Энгельсона. В. Г. Белинский, который не был тогда — вопреки словам Энгельсона — редактором журнала, а только его авторитетнейшим и влиятельнейшим сотрудником, писал после появления первой из четырех статей Герцена: «...статья до-нельзя прекрасная, я ею упивался».

3. Слова Энгельсона о том, что он ждет от Герцена «нескольких очерков из Вашей жизни в ссылке» относятся, конечно, к «Тюрьме и ссылке» последнего, составивших впоследствии вторую часть «Былого и Дум». Эти очерки Герцен начал писать только в Лондоне, в 1853 году, но слова Энгельсона заставляют полагать, что их замысел возник еще в Ницце в 1851—1852 гг. и уже тогда стал известен его друзьям.

4. Представление Энгельсона о «ночи 4 августа» 1789 г., когда французское учредительное собрание отменило ряд феодальных прав дворянства, конечно исторически неверно: постановления 4 августа только зафиксировали — и то с ограничениями — революционный переворот, уже происшедший в деревне. Но это ошибочное представление было свойственно не только Энгельсону, но и Герцену. Вообще все это место представляет лишь парафразу взглядов Герцена, изложенных им в «Письмах из Франции и Италии» и «С того берега», вышедших по-немецки в 1850 г. и, конечно, хорошо известных Энгельсону. Еще в своих «Письмах из «Avenue Marigny» Герцен писал: «Французское дворянство погибло величественно и прекрасно... в добровольном отречении от феодальных прав есть много величественного». См. «Письма из Франции и Италии. — С того берега», ГИЗ, 1931, стр. 23.

5. Автор имеет в виду «Исследование внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» барона А. Гакстгаузена, два тома которых вышли в 1847 г. по-немецки и по-французски, и деятельность министра гос. имуществ П. Д. Киселева, в которой немецкий исследователь-реакционер находил попытку приучить русских крепостных ведомства госуд. имуществ к «законности».

6. Женевский деятель — Дж. Фази. Отголосок разговора между ним и Герценом, на который намекает здесь Энгельсон, см. в «Былом и Думах», изд. 1931 г., т. II, стр. 171.

7. Romieu — реакционный французский публицист, автор памфлета «Le spectre rouge de 1852» («Красный призрак 1852 года»), вышедшего в 1851 г. Внимание Энгельсона на этот сенсационный памфлет, «призывавший контрреволюционную диктатуру», обратил Герцен, который писал о нем в «Письмах из Франции и Италии» немедленно по выходе его в свет. Ср. указанное выше издание «Писем», стр. 218.

8. Мишле (Michelet) — французский историк и публицист, республиканец и мелкобуржуазный демократ, поддерживавший дружественные отношения с Герценом. Упоминаемое Энгельсоном выражение Мишле употребил в своих статьях «Pologne et Russie. La légende de Kocsiusko» (Польша и Россия. — Легенда о Косциошко), печатавшихся в 1851 г. в одной из парижских газет, а в 1852 г. вышедших отдельным изданием (Paris, стр. 130). Оно вызвано французским изданием брошюры Герцена «О развитии революционных идей в России» (Ср. П. соб. соч., VI, стр. 674).

9. Наталия — жена Герцена, Наталья Александровна, умершая 2 мая 1852 г. О роли, сыгранной в жизни Герцена и его жены немецким поэтом Г. Гервегом, см. в примечаниях к III отделу «Письма».

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО?

Вводная заметка

Эта работа Энгельсона появилась впервые в 1 книжке «Полярной Звезды» Герцена, вышедшей в Лондоне в конце июля 1855 г., когда личные отношения между обоими были уже окончательно разорваны. Впрочем, подготовка книжки началась еще в марте, немедленно после известия о смерти Николая I. «Энгельсон, — сообщает Герцен, — принялся, наконец, за свою статью о социализме, о которой еще говорил в Италии» («Былое и Думы», III, 44). Эти слова Герцена указывают, что статья является хотя бы частичным осуществлением работы, которая первоначально мыслилась автором в виде книги под заглавием «Анархия». Свой рассказ Герцен продолжает: «Статья еще не была до конца напечатана, как новая ссора... почти окончательно прервала все сношения между нами». Здесь допущена хронологическая ошибка. «Ссора», которую здесь имеет в виду Герцен и которую он ниже описывает, произошла 9 февраля (ею вызвано письмо Энгельсона от 10 февраля; см. в III отделе, № 23), а Николай I умер 4 марта. «Полярная Звезда», следовательно, тогда еще не подготовлялась, и статья Энгельсона не могла еще печататься. Повидимому, Герцен спутал две «ссоры» — что было и немудрено — и статья Энгельсона «не была до конца напечатана» к моменту новой, на этот раз действительно окончательной, ссоры, имевшей место в мае того же года (ее отголосок — последнее письмо Энгельсона к Герцену от 22 мая, № 24 в III отделе).

Таким образом, точная дата статьи Энгельсона: март — май 1855 г. Общая оценка статьи и отношения к ней читателей даны в вводной статье. Здесь необходимо отметить одну техническую деталь. Статья Энгельсона снабжена обширными примечаниями, некоторые из которых носят характер самостоятельных экскурсов; одно из них, чисто философского, гносеологического характера, само занимает $^1/_2$ печатного листа. Статья, конечно, обсуждалась Энгельсоном вместе с Герценом, но возможно, что участие Герцена в составлении «примечаний» к ней шло и дальше простого совместного обсуждения готового текста. Через семь лет после появления статьи Энгельсона Герцен, полемизируя с пессимистическими настроениями И. С. Тургенева, ссылавшегося на Шопенгауэра, парировал эти ссылки: «о Шопенгауэре я и Энгельсон писали в 1-й «Полярная Звезда» (XV, 549). Это указание может относиться только к одному из примечаний в статье Энгельсона и невольно наводит на мысль, что кое-что в этих примечаниях принадлежит перу Герцена. Как бы то ни было, объем и характер этих примечаний заставили Герцена напечатать их в «Полярной Звезде» не в виде подстрочных ссылок, а отдельно от нее, в самом конце книжки. Мы принуждены последовать этому примеру: иначе первое же примечание, растянувшись на несколько страниц, перерезало бы текст самой статьи. В связи с этим пришлось прибегнуть и к двойному обозначению примечаний; цифры обозначают примечания *автора*, цифры со звездочкой *наши* примечания, расположенные позади примечаний автора.

Статья «Что такое государство?» не перепечатывалась в России. Но она не была окончательно забыта в революционной среде. В 70-х годах она была переиздана в Женеве отдельной брошюрой одной из русских революционных групп. Мы не видели этого издания и потому не могли установить, какой именно. Повидимому, переиздание ее могло показаться полезным тогдашним бакунистам

ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО?

«У колыбели всех властей, решительно, всех, встречаем мы насилие... Но все власти отрекаются от такого происхождения... Пользуясь своей давностью, они говорят, будто бы они основаны на иных началах».

Гизо. История европейской гражданственности, урок 3-й [1*].

— Что такое Государство?

— Тайное общество, заговор, — отвечаю я.

— Что ж, это шутка? — Пародия на прудоновское изречение о собственности? — говорит читатель.

— Нисколько не шутка и не пародия того изречения, а разве только дополнение к нему.

Прудон сказал: «Что такое собственность? — Кража».

Я говорю: «Что такое государство? — Заговор имущих собственность против неимущих».

— Но что же *тайного* в существовании государств? — Кто же не знает о нем? — Для кого может государство быть тайным обществом, когда все люди в народе от монарха до последнего простолюдина, завербованы в это общество?

— Да цель-то, на которую он дал себя завербовать в члены этого общества, составляет тайну для простолюдина! Она от него скрываема. Он по большей части и сказать не умеет зачем, на что он платит подать, приносит себя в жертву государству.

Ему говорят агенты тайного общества «Правительства»:

«Ты должен платить подать, потому что все платят, все с нами и за нас, кроме незначительного числа злодеев, которые за то и не избегают наказания».

Говорить *каждому* человеку порознь: «Ты с нами, не правда ли? — все с нами», — уловка общеупотребительная у заговорщиков для увлечения толпы.

В учебных заведениях агенты — профессора толкуют юношам для какой цели они огродясь, без собственного согласия, безвыходно на веки вечные, завербованы в тайное общество государство. Но вместо того, чтобы дать удовлетворительное объяснение, профессора умышленно затемняют вопрос

отвлеченными словами; выдают, напр., государство за какое-то страховое общество, учрежденное для безопасности, но — безопасности от чего? — против чего застраховка? — это никогда ясно не высказываемо юношам.

Тайна — как о цели, для которой, так и о средствах, которыми ведется общество Государство — хранима в каждом народе небольшим числом людей, называемых именно потому «Тайными советниками» или, вообще, «государственными людьми». Эти люди во всех странах составляют небольшое количество семейств или родов. Частью по лени, частью по невозможности лично управлять всем народом, они в известной степени приобщают к государственной тайне, посвящают в нее, и людей из чуждых им родов, но никогда не иначе, как подвергнув их предварительно долголетним, строгим испытаниям, никогда не иначе как искусив наперед преданность посвящаемых интересам тайного общества. От непосвященных же в тайну, государственные люди требуют одного: слепого, беспрекословного доверия к ним, как к своим благодетелям, как к «отцам отечества», как к людям, без которых они (непосвященные) натерпелись бы несказанных бедствий. В таком доверии или повиновении заставляют они людей давать клятвы-присяги, и вследствие сего они выдают каждого им непокорного за клятвопреступника, за бесчестного человека, не держащего своего слова.

Постараюсь описать как составились тайные общества, называемые Государствами.

I

Вступить с кем-нибудь в союз, составить общество, значит: разделить с ним какой-нибудь труд. Нет, и не может быть, обществ, которые бы не были основаны на разделении труда, на обмене произведений (товаров) труда, разделенного между членами общества. Мена, обмен, торг — одно и то же. Итак можно утвердительно сказать: нет общества, которое бы не было торговым обществом.

Так и государство есть торговое общество.

Кто же в нем торгующие, обменивающие между собой свои товары-произведения?

С одной стороны, государственные люди или правительство; с другой, подданные или народ.

Подданные работают в поте лица и производят все богатства, какие только есть на земле. Из них они отдают правительству часть, именуемую податью, из которой правительство берет себе жалование. Взамен этого жалования правительство дает народу распределение податей, т. е. дает направление производительным жизненным силам; оно дает

ему сверх того суждения (творит суд), указания (указы, законы); словом, дает ум, мысли, направление воли.

— Но что же во всем этом тайного? — восклицает с косой усмешкой неблагосклонный мой читатель [1].

— Тут все — тайна, начиная уж с того, что никакое правительство не хочет признаться, что оно торговая компания. А не хочет оно потому, что в душе сознает, что промышляет таким товаром, каким честным промышленникам торговать не подобает. Скажите, как возможно честным образом брать деньги за ум, за мысли, за суждения? Какое, где мерило между ценностью мысли и ценностью произведений труда механического, которая одна первоначально и собственно представляема монетой? Каждый может рассчитать, сколько времени и труда ему нужно, чтобы произвесть кусок хлеба. А кто же может измерить сколько труда и времени ему нужно было для того, чтобы набресть на умную или на глупую, на истинную или на ложную мысль, на вдохновение? — И, сверх того, разве мысли уменьшаются, убывают от того, что ими поделишься, так как убывает кусок хлеба, когда им поделишься с другими? Мысль как огонь. Сколько ни давай засветить свои свечи об ту, которую ты держишь заженною у себя в руке, у тебя-то ведь света не убудет, твоя свеча ведь от того не погаснет. Продавать мысли за деньги, это все равно, что скупиться на огонь, на свет, на пламень; это все равно, что скрыть свет под спуд и говорить проходящим мимо вас в темноте: «У меня есть светило, вы идете по краю пропасти; как раз можете обступиться; я готов вам засветить ваши свечи, но сколько вы мне за то дадите?» Наконец, умом промышлять так же позорно, как промышлять поцелуями, красотою. Красота, крепость здоровья, точно так же как расторопность ума, драгоценные блага, не всем в удел достающиеся, редкие; они, точно так же, как блестящие умственные способности, были доселе уделом — не «черного народа», а — аристократических родов. Они, так же, как счастливое устройство мозга, обыкновенно (не говорю: всегда) вырабатываются поколениями живущими в довольстве. Нужда истощает, притупляет, делает чахлым не только самого того человека, который ее претерпевает, но и детей им порождаемых, которых он не в состоянии порядочно вскормить, не только воспитать. Но уже не говоря о том, что для того чтоб другие за них работали, изнурялись и тем самым доставляли прародителям первых средства их взлелеять, — из чего следует, что эти, первые, своими преимуществами обязаны именно изнурявшимся и должны за то воздать их потомкам, — не говоря уже об этом, я спрашиваю читателя, которого предполагаю одаренным высоким умом: было ли бы честно с его стороны, если б он стал променивать на трудовые произведения дру-

гих то, что ему-то самому досталось даром, по наследству?— Спрашиваю читательницу, которую предполагаю красавицей: было ли бы честно с ее стороны, если б она требовала от других то, что они приобретают в поте лица, за удовольствие взглянуть на ее изящную осанку, которую она ведь не сама же себе дала? [2]

Дело в том, что вовсе не все может истинно быть обращено в специальность или ремесло; занятия не могут быть произвольно разделяемы людьми между собою. Другими словами (так как *разделение занятий* значит *общество)*: сочетание людей в общества, составление между ними союзов столь же мало нечто произвольное, столько же подлежит известным законам, сколько сочетание химическое. Далеко не каждая (механическая) смесь тел представляет (химический) союз этих тел.

Есть пределы делимости наших отправлений, т. е. есть дела, которые каждый из нас должен непременно сам за себя отправлять и не может исполнять за другого (непременно! т. е. *если* он не хочет погибнуть); и именно потому, что каждый из нас неделимое (individuum). — Если я подряжаюсь за другого мыслить, брать вместо него решения по какому пути ему итти, то тем самым я обязываюсь избавить, отрешить его от его собственного ума, от его собственной воли. Мы с ним тогда разделили занятия таким образом, что на меня имеют перенестись отправления его головы. Голова его, после этого, должна собственно быть уже не на его плечах, а на моих, чужих ему. Исполним ли такой порядок?.. А ведь правительства берут его на себя и говорят, что они его исполняют.

— Да все-таки я ничего не вижу *тайного* в том, что занятия так разделены между людьми, что одни мыслят, хотят, заботятся («пекутся») за других, а эти другие работают за первых мышцами, замечает мне читатель. Какое же правительство не выдает себя торжественно за «главу» народа?— Кажется этот секрет разглашается довольно громко уже со времен знаменитого государственного мужа Менения Агриппы, которому именно таким объяснением удалось усмирить возмутившихся было римских Плебеев и уговорить их возвратиться в повиновение к Патрициям.

Да и как можно называть неестественным образом разделения труда, на основании которого управление или правительство составляют специальность некоторых людей, когда этот порядок длится тысячелетия, несколько видоизменяется иногда так называемыми революциями, но в сущности остается непоколебимым! Как ни странно, но, видно, большинству людей искони приятнее слагать свою голову на чужие плечи, а самим ходить безголовыми туловищами; видно, Иезуиты верно знают человеческую природу, твердя тем,

которых они обращают: «верьте, что слушаться спокойнее чем повелевать; ничто не может быть лучше для человека чем ходить руководимому старшим его так же покорно, как ходит трость в руках старца...»

Наконец, если отношение между правительством и народом, как вы говорите, торговая сделка, то тем самым правительство оправдано; если правительство *предлагает* свой товар, да притом находит ему сбыт, то ведь это возможно лишь потому, что народ, с своей стороны, делает *спрос* на этот товар. Торговые сделки — отношения полюбовные, добровольные...

— Нет! торг торгу рознь, и далеко не все торги дела полюбовные, миролюбовные. Доселе весьма редко спрос соответствовал предложению, потребность предлагаемым для нее средствам. Сначала в каждой отрасли промышленности предложение предшествует спросу, товар *навязываем* продавцом покупателю. Лишь впоследствии, когда покупатель уже успел ознакомиться с товаром, привыкнуть к нему, найти его почему-либо соответственным своим нуждам, является с его стороны запрос, заказ. Торговля до того, в сущности, не мирное дело, что она даже везде возникла из хищнических набегов, и первые торговцы были ничто иное, как морские разбойники, а не кроткие «гости». Не говорю только о Финикиянах и Карфагенцах, об известном стихе Виргилия: Timeo Danaos, et dona ferentes[2*], а напоминаю, что и Ганза и Венецианцы, наконец и современные нам англичане (воевавшие с китайцами за то, что эти хотели было не покупать от них опиум) не руководствовались правилами Общества друзей мира.

Вообще сношения между людьми начинаются не иначе как враждою, боем, состязанием. Ужиться, поладить между собою есть цель, есть предел, к которому люди постепенно приближаются, а вовсе не исходная точка их развития. Сначала *сладить, совладать* с человеком значит: поработить его себе. В Книге Бытия говорится, что когда на земле было всего два брата, тогда первым делом было то, что один другого умертвил, завидуя его стаду. — Лишь со временем сильный мира сего, т. е., просто сказать, разбойник нападает на мысль, что для него выгодно не убивать слабого побежденного, и даже не грабить его до тла, а оставлять ему и жизнь и из произведений его что крайне необходимо для того, чтоб раб мог продолжать работать, производить, и чтоб разбойник-победитель мог, по мере того, как раб что наработает, отнимать это у него периодически. Другими словами: разбойник предпочитает постепенный, рассроченный грабеж и умерщвление однократному; он предпочитает отнимать — не произведенное, а — производимое. С этой целью разбойник налагает руку или клеймо

свое на все, что служит для побежденного орудием для добывания себе средств жизни. Земля, дорога, строение, лес, скот побежденного, все объявляется *собственностью* победителя, который становится между ними (орудиями-то производства) и побежденным — производителем и говорит последнему: «Я мог убить тебя; я не сделал этого, цени мое великодушие и помни мою милость! Я не только оставляю тебе дыхание, но я даже готов дать тебе и способы пропитывать себя. Здесь все мое. Хочешь пользоваться им? — пользуйся; я дозволяю тебе проезд к тому моему полю чрез эту мою дорогу и заставу, дозволяю тебе пахать поле, засевать его и собирать с него жатву, но как оно *мое,* то ты столько-то из снопов, которые ты нажнешь, принесешь на мой господский двор. И горе тебе, если ты, за мое великодушие, попытаешься отплатить мне неблагодарностью, т. е. показать меньшее число снопов, чем то, которое в самом деле будет тобою набрано».

Это говорит разбойник тем из невольников, которых он не заблагорассуждает оставить при своей особе, на своем дворе, и которые называются крестьянами, поселянами, разных наименований. Тем же, которых он при своей особе оставляет, — дворовым холопам его, — *величество* гласит: «Ребята, или Малые! вы, чай, знаете, что вы — мои, что я каждого из вас могу повесить на первой осине. Но я не хочу этого! Напротив того, я хочу прокармливать каждого из вас, обувать и одевать, дать каждому ночлег под моей кровлей. Понимаете ли вы всю необъятность моего милосердия? (он не сделал все то зло, которое он *мог* сделать; он не сделал того, что ему показалось излишеством, не нужным) — за то вы будете мне денно и нощно служить верой и правдой, т. е. исполнять все, что бы я ни приказал. И горе неблагодарному преступнику!»

Условия, на которых победитель оставляет побежденному жизнь и дает ему разрабатывать что-либо, называются впоследствии *законы гражданские.* Угрозы, тем, которые вздумали бы нарушать эти условия, это *законы уголовные.*

Затем проходят годы, поколения сменяются поколениями, как на стороне победителей, так и на стороне побежденных. Между потомками тех и других воспоминание об ожесточенной борьбе, бывшей, при завоевании, постепенно утрачивает свою живость; ненависть между внуками не столь яростна, сколько она была между их дедами. Это называют постепенным *смягчением нравов* народа, и состоит в том, что потомки победителей находят гораздо приятнее в мире и тишине пользоваться хоть бы меньшими доходами с своей собственности (т. е. трудами побежденных), чем вырывать их насильственно, хотя бы и в большем количестве. Побежденные, с своей стороны, предпочитают

«худой мир доброй ссоре». — И вот на устах всех слова: *Мир, упрочение мира.* — Победители слагают с себя оружие и приходят уже без копий, панцырей и мечей на площади собраний. Этот момент оставался долго памятен древним; народы Греции хвастались тем, у которого из них это событие совершилось раньше чем у других; Фукидит (1,6) говорит, что честь первенства принадлежит его, Афинскому народу. Переворот этот в нравах называется также переходом из варварства в *гражданственность* (по-гречески politeia, откуда французские слова police и politesse).

Итак вот мы уже в периоде процветания *полиций* или «управ *благочиния*», «благоустроенных» государств и правительств! Насилие, «грубая сила», грубое приневоливание официально презираемы как бесчинство, как «нарушение общего порядка, мира, спокойствия, тишины, согласия»; наконец — «любви», которые объявляются существующими между гражданами. Сохранять, поддерживать мир и порядок, вот цель общества, в которое теперь люди устроились, сложились и которое называется *Государством.*

Прекрасно! — Итак уже изглажены все воспоминания борьбы, вражды, бывшей между людьми? — от завоевания или покорения одного племени другим уже не осталось никаких следов? — Нет больше ни господ, ни рабов, а есть лишь равные между собою, друг друга любящие граждане, «сыны» одного и того же любезного отечества и потому «братья» между собою?

Нет! — дело не совсем так. Цель «благоустроенного» государства есть, разумеется, сохранение, содержание порядка, однажды установленного; от того оно и называется по-латыни Status, словом выражающим стойкость, неподвижность, по-русски *Держава,* словом, намекающим на сжатый кулак, который смыкает людей, не дает им разойтись своевольничать. — Возле *державы* всегда находится ей на помощь в случае нужды *скипетр,* слово греческое (skeptron) значащее: палка. И то и другое, и скипетр и держава, всегда представляемы в лапах какого-нибудь животного, но непременно хищного, как напр. орла, и т. п... Цель «благоустроенного» государства есть, разумеется, сохранение, содержание *мира;* оно потому только и существует, что мир заключен. Но — мир не бывает заключен без договоров, уговоров, оговорок, условий; мир — «не беззаконный»; его главное условие или главный закон — чтоб вон то, что на гербах государственных изображено под видом хищного-то зверя, орла, либо льва, чтоб *оно* в мире и тишине (тайне) пользовалось плодами трудов своих предков, — трудов состоявших в умерщвлении тысячей людей и порабощении сотней тысяч других. Государство полагает себе

целью упрочить не иной какой-либо *порядок* вещей, не иные какие-либо отношения между людьми, не иной какой-либо *мир* как тот или те, в котором или которых оно при возникновении своем застает людей. А как оно всегда и везде возникает лишь после покорения одного племени другим, лишь после установления последним Собственности, то порядок, упрочиваемый государством, есть не иной чем установленный силою, насилием, войною.

Где не было нашествия иноплеменных, там нет и «благоустроенной» собственности (особенно поземельной, первобытной), там нет учреждения, называемого «благо»-устроенным государством, имеющего назначением быть оплотом собственности. Более того, — чем нашествие иноплеменных где было сильнее, покорение или завоевание ими туземцев полнее, тем там и собственность и государство благоустроеннее, прочнее, крепче, резче, определеннее развиты: — у патриархальных народов, у которых все люди одноплеменны, более или менее родственники между собою, не видать ни письменных законов, ни ясно очерченной частной собственности, ни властей в роде государственных. Они кочуют с места на место; вместо законов есть у них лишь кой-какие неопределенные, не строго обязательные обычаи; если есть и собственность, то лишь общинная, родовая, принадлежащая целому племени в совокупности; если и есть власти или начальства, то лишь родовые, походящие на родительские, семейные, на власти старшинства. — Отчего? Да когда же родные, друзья, полагают между собою форменные, казенные условия? — Зачем бы им это делать? — Условия, договоры, *законы* поставляются лишь как предохранительные меры, как рубежи, пределы *(коны)*, ограды, между друг другу не доверяющимися; и степень точности их изложения всегда соразмерна степени недоверия между договаривающимися сторонами. В странах, где и бывали нашествия иноплеменных, но где эти не оседали, как напр. в России (напоминаю Варягов и Татар, — но не Немцев), там и государственные учреждения, все относящиеся к собственности — остались в шатком, неопределенном виде[3]. Естественно, что наплыв племен был сильнее, что нашествия их оставляли больше осадка — в тех краях, которые привлекали племена своим климатом и плодородием почвы, и из которых развойдя в них, они не могли легко двигаться далее, находя на такие естественные границы, как моря. Оттого в южных и западных странах Европы государства возникли раньше, чем в средних и восточных.

Из сказанного видно, что коренная погрешность государства состоит в том, что, выдавая себя имеющим целью *мир*, оно стремится упрочить результаты завоевания.

Поэтому оно необходимо находится в *ложном* положении,

должно прибегать к средствам лжи: к таинственности, или скрытности, к двуличности, хитрости, обману.

Явное насилие, непосредственное, исчезает при установлении Государства, но только чтоб уступить место косвенному приневоливанию, приневоливанию чрез обман — насилию благовидному.

Одною из главных мер, принимаемых господствующим классом для удержания невольников в покорности, есть гнушение им мысли, что *как что есть, так оно и должно быть и иначе быть не может;* эта мысль, справедливо сказал Эдгар Бауэр [3*], есть краеугольный камень *религии* [4]. Религия значит: связь, вера связующая человека. — Все господа искони твердят рабам: «Несть власти разве от Бога, а потому, если мы владеем вами, если вы наша собственность [5], если вы нам при-над-лежите (т. е. вы — прилагательное, придаточное (attributa), а мы — главное, существительное), а не наоборот, то это потому, что Бог так уже раз навсегда установил, — мы сыны божии (divi, бог-атыри, бог-атые, бож-ественные, благо-родные, aristoi, дети Марса), а вы — сыны человеческие».

Стоит ли напоминать, что религия везде и всегда окружает себя таинственностью, что первосвященники люди из таких знатных родов, как род Юлия Кесаря?..

Первый шаг к перевороту в религиозно-фаталистическом миросозерцании совершается тогда, когда люди начинают полагать, что и не только сила, власть и богатства дары от Бога, но что и болезни и страдания им же ниспосылаемы смертным. — В древности это воззрение выражено в Песни Иова; в новейшие времена Руссо возобновил его, сказав именно: властвующие похваляются, говоря, что каждая власть от Бога, но ведь и лихорадки также от него.

Ближайший вывод отсюда: — что от властей, поставленных хотя бы и Богом, но не в облегчение судьб людей, а в тягость им, так же позволительно стараться избавиться как от чумы и саранчи.

А отсюда не мудрено дойти и до той мысли, что как «судьбы Божии неисповедимы», то почем знать кто перед ним выше: бедный ли, искушаемый страданиями, или могучий, искушаемый властью? — И вот является в Иудее *Сын человеческий,* который ничуть не отпирается в том, что он сын человеческий, который так себя и называет, но притом говорит, что вместе с тем он и *Сын Божий* и что даже никто ближе чем он не знает его Отца, Бога. Зная «неисповедимые» для других «судьбы Божии», Иисус Христос отвечает на предыдущий вопрос: Пред Богом Лазарь выше богача; пред Богом первые будут последние, и последние первые. — Он, — глава, вождь своих, его обожающих, последователей, — он омывает им ноги, как слуга, и тем сокру-

шает всякое чинопочитание[6]. — Он говорит, что скорее верблюд пройдет сквозь ушко иголки, чем богатый человек войдет *в царство небесное* или Божие[7], т. е. в тот порядок вещей, который не есть настоящий, а имеет лишь *впредь* быть установлен Богом. Нынче же не Бог, а Дьявол — «Князь мира сего», говорит Христос. — Для водворения царствия небесного людям, по учению Христа, прежде всего нужно отвергнуть право частной собственности[8], оставить взыскание долгов[9] и разделять между собою произведения своих *кровных* трудов, произведения добываемые в *поте* лица — хлеб и вино — по-братски[10].

Явно, что с таким учением Государство не могло существовать. Либо Христово учение, либо Государство должно было пасть.

Христос этого не скрывал от своих приближенных, он прямо говорит: Не думайте, что я пришел мир принесть на землю: «я не мир, но меч принести пришел»[11]. Ему, разумеется, нужно было сперва распространить свое учение, которое он называл «Доброю вестью» — и доброю именно для бедного народа[12], — распространить его сперва, говорю я, между бедным народом, составить себе из этого народа многочисленное войско, прежде нежели вступить в открытый бой, — в бой вооруженной рукою — против Государственных властей. Оттого он часто бывал в необходимости не только лично скрываться из города в город, из села в село[13], из страны в страну, бежать иногда даже в степь, но он бывал принужден и скрывать прямой смысл своего учения перед лазутчиками-шпионами (Фарисеями и Иродианами), которых правительство к нему подсылало. — Кому не известно, что правительство («князь мира сего», Дьявол, сказано в Евангелии[14]), разведав, что Христос соединился с Иоанном Крестителем, который сам имел большое число последователей[15], разведав также, что Христос находился в крайней нищете[16], попыталось переманить его на свою сторону, прельщая («искушая») его предложением ему власти, т. е. высокого, важного места в правлении? — Кому не известно, что Христос отослал «искусителя» к «чорту»? Кому не известно, что те же самые лазутчики-шпионы подъехали однажды[17] к нему с запросом: А как по-вашему? следует ли платить подати царю? — Христос, «познав их лукавство», отвечал: *Лицемеры!* — что искушаете (шпионите) вы меня? Покажите мне монету, платимую в подать. — Они подали ему денарий. — Чье изображение, чья надпись тут? спросил он их. — Кесаря. — Ну так отдавайте кесарю что кесарево, отвечал он, а Богу отдавайте лишь то, что Божие. — И лазутчики, — говорит Евангелист, — ушли смущенные.

Но, благодаря попам, умышленно читающим скороговоркою некоторые места Евангелия, многие упускают из виду,

что Христос именно с гневом, с негодованием высказал знаменитое «кесарю кесарево», что он дал им понять, чтоб они убирались, отстали от него, не надоедали ему их кесарем и всем, что к кесарю относится. А между тем это вовсе не иносказательно высказано в Евангелии Матфея гл. XXII, ст. 15, 16, 18, в Евангелии Марка гл. XII, ст. 13, 15, особенно же явственно у Матфея в гл. XVII, ст. 24—27 [18].

Христос наконец был казнен как Государственный преступник, когда правительству удалось подкупить изменника Иуду [19].

Но со смертью Христа не прекратилось распространение и действие «Доброй вести».

II

Когда верная мысль возникает в человечестве, распинать людей на крестах, вешать их, расстреливать, ссылать на каторгу или сажать в тюрьмы — средства недостаточные, чтоб остановить распространение мысли. Поэтому гонения, воздвигнутые на Христиан императорами, как они ни были свирепы, скорее способствовали к торжеству Евангелия чем подействовали во вред ему. Поэтому Апостол Павел нанес гораздо менее вред учению Христову, когда он, под именем Саула, с лютой яростью [20] преследовал Христиан, чем когда он, став Апостолом, начал искажать самую мысль Христа, втеснив в нее пресловутое свое учение о необходимости повиновения каждой власти [21]. — Этим он сделал Христу больше вреда, чем сам Иуда Искариот.

Господствующим сословиям удалось лишь тогда совершенно затмить первоначальный, простой, практический смысл Евангелия, перетолковать его в свою выгоду, сделать из него оплот своей власти, — представить простолюдинам Иисуса Христа каким-то приторно-чувствительным человеком, наговорившим будто бы множество непонятных вещей, относящихся не столько к этой жизни, сколько к существованию загробному, толковавшим будто бы преимущественно не о водворении «царствия Божиего» на земле, а о царствии Божием за облаками; — им удалось отвлечь умы от нравственных, общежитейских мыслей, содержащихся в Евангелии, направить внимание людей на разбор вопросов о могущих быть отношениях между Богом Отцом, Богом Сыном, Богом Духом Святым, Богородицею, Ангелами, и т. д., — словом, сделать из христианского учения учение совершенно языческое; — это окончательно удалось господствующим сословиям, когда произошел в Римской империи тот огромный переворот, который называется в истории переселением народов. — Христианство пало вместе с древним, классическим миром, в котором оно

возникло. — Правда, и то и другое впоследствии воскресли; но сперва было восстановлено языческое государственное воззрение древних; потом лишь стало восставать из мертвых и Христово воззрение. Можно с Белинским[22] утвердительно сказать, что подлинное значение Евангельского учения стало воскресать лишь с конца прошедшего столетия.

Римское государство не дожило до преобразования своего в общество Христианское; оно распалось, сломилось под напором на него тех племен, которые были исключены из круга его образованности, которых Рим презирал, называя себя Миром-Градом (urbs et orbis). Следствием этого переворота вовне было то, что «преображение», «возрождение» человечества, как выражались Христиане, было — отсрочено на десятки веков, что люди теперь — при некоторых различиях, о которых я упомяну — вообще не далее ушли вперед на пути общественного устройства, уживчивости, согласования или улаживания своих интересов, чем до той точки, на которой уже были древние непосредственно перед эпохою переселения народов, во время распространения учения Христова в Римской империи. — Я объясняю себе это следующим образом:

Сколько ни было лжи, лицемерия или — по вежливому выражению Римских правоведов — *фикций* (fictiones) в основе всего устройства языческого Римского общества, люди в нем все-таки настолько было уже обжились, что они дорожили миром, ценили миролюбие. Поэтому можно принять, что если б они не были развлечены вторжением Варваров, они бы не долго продолжали, для сохранения права собственности, вести войну между собою ложью и хитростями, что они сложили бы с себя оружия обмана, как они уже раз, устав воевать между собою копьем и мечом, сложили с себя оружия боевые. Глубокая тоска, томившая тогда людей, свидетельствует, что образ жизни, который они дотоле вели, успел было уже им надоесть. Прожив в оседлости несколько веков сряду, древние имели досуг развить в себе мышление; они были доступны голосу рассудка, истины. Этому доказательства — дошедшие до нас (т. е. неистребленные под предлогом ереси позднейшими вселенскими соборами) писания таких отцов церкви, как напр. Августин, Тертуллиан. — Можно допустить, что древние, благодаря хранившейся у них в памяти тысячелетней веренице опытов, через которые прошли их предки, были в состоянии рассудить, что — если люди желают жить в безопасности друг от друга и обеспечить себя сколь возможно против случайностей внешнего человеку мира, то этого нельзя им достигнуть, держась системы частной собственности, т. е. частных *запасов* (épargnes) (откладываемых в сторону, скрытых или

сокрытых сокровищ), а только разве введением гласной системы круговой поруки (solidarité) между людьми, только *равным* участием всех и каждого в общем страховом обществе —

— Страховом от чего? — перебивает меня читатель.

— И Боже мой! — как от огня так и от града, как от наводнения так и от неурожаев, как от бешеных собак так и от бешеных людей, в роде Неронов; словом, от всего грозящего опасностью и следовательно от Зондербундов[4*], т. е. обществ людей вооружающихся, от Правительств, от Государств... Продолжаю:

Можно допустить, мне кажется, что древний мир был близок к тому, чтоб извлечь из долголетней своей опытности в деле общежития подтверждение мысли, указанной Христом, что: Каждому из нас присущий, непреодолимый инстинкт самосохранения (упрочения, утверждения своего существования, или «спасения себя», уцеления) не удовлетворим ни крепкими замками на наших «житницах», ни булатным мечом стража, которого мы приставляем к охранению замков житниц и того, что в житницах. Снутри — житницы подвержены «червьям и рже» [23]; снаружи — сторож с мечом может погибнуть от меча же [24] (в вольном переводе: «палка о двух концах»). Не привязываясь к вещам, а лишь вступая в честный, дружеский, обоюдно-выгодный союз с себе подобными, может человек стать — из случайности, подверженной всяким непредвидимым, неотвратимым им одним, ненастьям судьбы — нечто упроченное, застрахованное. На аксиоме, что значительное число случайностей, вместе взятых, выходят из-под зависимости слепого, непредвидимого Случая (hasard) и становятся под постоянные, легко исчислимые Законы Природы, — на этой аксиоме основаны все нынешние частные общества застрахования. Личные труды земледельца Н. Н. могут в известный год остаться втуне, но если он заключил договор с миллионами других и в этом договоре выговорил: Если меня-де, Н. Н., постигнет такая-то беда и я не соберу с обрабатываемого мною поля нужного мне количества хлеба (именно: столько-то), то такие-то (имя рек) обязуются снабдить меня по мере сил своих, с тем, что я, с моей стороны, обязуюсь делать то же в таком же случае против каждого из них; — если Н. Н. заключил такой союз (который ничто иное как переложение заповеди: Люби ближнего как самого себя; делай другим что ты хотел бы, чтоб они делали тебе), то не вероятно, чтоб Н. Н. не превозмог постигшей его невзгоды. Невзгоды никогда не бывают повсюдны, всегда предвидимы в *больших размерах*. А впрочем, если б и случилось всеобщее несчастье... э! так — «на людях и смерть красна»; горек... «горек жребий одиночества среди людей». — Разу-

меется, что с подобными договорами право частной собственности не совместимо. На что копим мы, откладываем мы в сторону, если не на «черный день», как говорится? — т. е., если не на то, чтоб в «черный день» не иметь нужды прибегать к пособию ближнего? — Мы делаем запасы не для того, чтоб быть в союзе, чтоб общиться с людьми, а, напротив того, чтоб быть независимыми от их пособий. Но достигаем ли мы наверное этим путем нашей цели?.. Не говоря теперь уже ни о червях, ни о рже, ни о татях, какой запас неистощим, если наступит ряд голодных годов? какой не лишен, не сгниет в продолжение нескольких лет изобилия?...

— Да мы в года плодородные будем прошлогоднюю рожь в запасных наших магазинах свежею заменять!

— В таком случае вы полагаетесь на труд, на текучую производительность, на непрерывное продолжение работ, а не на самый готовый запас сложенных в житницы произведений. Но полноте, скопидомы! Известно, каким образом вы помышляете сделать запасец ваш неистощимым на веки вечные. Не в годину общего благоденствия намереваетесь вы его подновить. Нет, вы ликуете, когда вам снятся семь *тощих* коров Фараона. Запасаясь, вы действительно рассчитывали на «черный день», но только на черный для ближних ваших, и тем самым светлый для вас. Не собственную вашу нужду-беду имели вы в виду, делая запас, а нужду-беду ближнего вашего. Ею-то считаете вы воспользоваться, и благодаря ей хотите вы — не только стать сами *независимыми* от вашего соседа, но еще сделать его зависимым от вас. Вот что собственно у вас на уме, а речи ваши об обеспечении личной вашей независимости — только предлог.

И вы подлинно думаете, что взимая проценты с нуждающихся за то, что вы ссужаете их тем, что для вас лишнее, тем что вы сами потребить не в силах, — вам удастся — и самим, и детям вашим, и внучатам, и правнукам — проживать свой век в лени и изобилии?... Может быть на ваш век и хватит этой проделки, может быть она вам удастся и еще несколько поколений сряду. Но вечно, и наверное — это удаваться не может.

Ведь для того, чтоб богатые могли беспрерывно жить процентами, или доходами с своей собственности, пускаемой в рост (не хранимой уже в частных житницах!), надобно, чтоб должники никогда не выходили из долгов. Беда богатым, если должники разбогатеют и возвратят им вместе с процентами и капиталы их, не нуждаясь в них более. Что богачи тогда будут делать с своими капиталами? Что будут они с ними делать, скажите мне, если они не будут более *нигде* находить людей *нуждающихся* в их

капитале? — Но им равно беда и в том случае, если должники обеднеют, разорятся до того, что у них нечем будет платить проценты, что у них не будет сил вырабатывать проценты. Ведь «на нет и суда нет».

Итак, что же богатым остается делать?

Блюсти за тем, чтоб должники держались «середка-наполовине», ни слишком богатели, ни чересчур беднели.

Это-то и ставят себе втайне задачею государственные мужи, как видно из их действий, мер, как между прочим мы узнали и из обмолвки покойного министра Канкрина [5*], смеявшегося над теми, которые серьезно ожидают, что правительства будут не на-шутку заботиться о разбогащении народов (разбогатеют, говорил он, ведь от рук отобьются! [25]); — и от министра Гизо, сказавшего знаменитое «la travail est un frein» (работа узда народу).

Но история свидетельствует, что когда раз собственность выходит из состояния *недвижимости в движимость* — когда она раз пущена в оборот (circulation), — словом, когда она (proprietas) перестала однажды быть простою барщиною, господством (auctoritas), т. е. прямым, непосредственным приневоливанием раба работать на господина, и стала косвенным, либеральным, принуждением работника работать на господина, из-за отдаваемой последним первому земли в оброк, либо принуждением слуги работать на хозяина из-за наемной платы, либо принуждением должника работать на заимодавца в зачет долга; тогда никакая правительственная сила не в состоянии остановить собственность на полпути описываемого ею оборота. Этот оборот или круговорот состоит в том, что движимая собственность, раз заняв место возле недвижимой, постепенно поглощает последнюю; затем, движимые капиталы вступают в соперничество (concurrence) между собою, причем большие подрывают меньшие. Эти, как говорят, обанкручиваются. — Тогда тщетно Солоны в Афинах, Ликурги в Спарте, Неемий в Иудее [26], стараются положить предел постепенному поглощению средних состояний громадными, объявляя государственным законом, что не в пример будущим временам, займы, сделанные до известного дня могут быть неуплачиваемы; тщетно еще заранее Моисей установляет через каждые 49 лет юбилейный год, в который каждому должнику должна быть возвращена земля, отданная им под залог [27]. Как ни Солон, ни Ликург, ни Моисей, ни Неемия не искореняют права собственности, а лишь подстригают отростки этого дерева распри и лжи, то оно вскоре вместо отрезанных отпрысков пускает новые, — собственность воспринимает свой, лишь на время задержанный, оборот. Он достигает, наконец своего предела, когда с одной стороны остается весьма маленькое число несметно

богатых капиталистов, с другой в нищенском положении почти целые народонаселения стран, находящихся между собою в торговых сношениях. Тогда массы уже так обеднели, что они не только не представляют надежных заемщиков, но даже не имеют на что покупать товары, торговля которыми в руках капиталистов. Посему и торговля, и ссуда, и наем, все сделки, посредственно вытекающие из права собственности, должны прекратиться; собственность должна остановиться в своем движении, т. е. стать — чем она была первоначально — недвижимою (или — уничтожиться, быть снятою чем-либо ей высшим); земля вся тогда принадлежит большим капиталистам; не-капиталисты, имея предлагать им лишь свои руки, становятся поденщиками, рабами баронов нового рода — баронов уже не от копья, а от копейки. — В Риме в последние времена оставалось таким образом после исчезновения всех Плебейских родов на все народонаселение лишь две тысячи собственников [28].

Итак, подумай ты, господин средней руки, который ныне выступаешь яростнейшим поборником «священного» права собственности, — что предстоит, если не тебе самому, то твоим потомкам, которых ведь ты, выдающий себя за защитника Семьи, должен же любить? — одно из двух: либо стать, по-неволе, в ряду многочисленного класса ничего не имеющих, кроме рук своих; либо вылететь в постепенно уменьшающееся число несметно богатых. Явно, что в лотерее, в которую ты играешь, гораздо более вероятностей, что тебе или твоим выпадет один из многочисленных жребьев, чем что вам достанется один из редкостных. — Расчетливый семьянин! зачем же играть в азартную игру? зачем не хочешь ты обеспечить и себе и детям твоим верный «хлеб насущный» на каждый Божий день, вместо изобилия в настоящее мгновение с предстоящей возможностью завтра же быть в нищете?.. Средство обеспечения себе хлеба насущного указано в Евангелии. Прямой смысл его, после того, что он был утрачен на долгое время, ныне, как я уже сказал, снова найден, и именно людьми, как Сен-Симон, Фурье, Кабэ, Прудон. — Если читаешь в писании, не держась мертвой буквы, а вникая в дух, нельзя не увидеть, что действительно мы теперь разрабатываем то самое учение, которое древние начинали усматривать по указанию Христа. Мы только иначе теперь выражаемся; говорим с Фурье, что цивилизации предстоит преобразиться в Обеспеченность (Garantisme); с Прудоном: перейти в период Взаимного Дарового Заимодательства (du Credit mutuel gratuit); с Эмиль Жирарденом [6*]: во Взаимное Страхование (Assurance mutuelle); но в основе все то же самое направление. — И теперь люди не только в развитии умозрений снова пришли на ту точку, на которой находился

древний мир в первые века Христианские; но и в практической жизни Европы теперь повторяется то, что происходило тогда в Римской империи: Июньские дни 1848 г. в Париже соответствуют социальным войнам в древней Италии...

Но ты, господин средней руки, пожимаешь плечами и отворачиваешься от меня — не потому, чтоб ты думал, что я неправду говорю, а... сказать ли тебе откровенно почему? — Потому что ты про себя думаешь, чего громко сказать не смеешь, что тебе мало дела до участи, ожидающей твоих внуков. «Стало бы лишь на мой век моего трудом скопленного, еще с большим трудом сохраненного, капитала и ныне существующего, защищаемого мною, выгодного для меня, общественного устройства!» — говоришь ты про себя. — Да, я знаю, что ты гораздо более на словах, чем на самом деле, любишь семью. Любовь к семейству, о которой ты столько толкуешь, служит тебе лишь предлогом, под которым ты скрываешь свою любовь к холению самого себя в лени. — И древние были себялюбивы, сибариты. — Но вот в чем разница между тобою и теми древними, вот почему древние доселе внушают, даже тебе самому, невольное уважение к ним, между тем как ты ведь не уважителен даже в собственных твоих глазах: — Они, при всем своем себялюбии, быть может именно по причине разумного своего себялюбия, устраивались как будто бы они думали жить вечно. Взгляни на развалины их зданий, которые еще ни зуб времени, ни секира варваров не успели истребить; въезжай в Рим из Чивита-Веккии по дороге Аппия, взгляни на самый Рим, и я уверен, что будь ты хоть мелочный лавочник, хоть гусарский офицер, ты поймешь, что Римляне не всуе называли свою столицу «вечным городом».

— А знаешь ли ты, что в том-то и состоит разница как между зверем и человеком, так и между ребенком и взрослым, между диким человеком и образованным, что первые, т. е. зверь, дитя, дикарь — при всяком деле говорят себе: Было бы мне сегодня привольно, а там по мне хоть трава не расти! Между тем как вторые — люди, взрослые, образованные — находят такой образ мыслей недостойным человека. — Знаешь ли ты, что с человеком, который заботится только о настоящей ему минуте, не обращая внимания на последующее время, невозможно ужиться? что на него ни в чем нельзя полагаться? что следовательно с ним нельзя заключать союз, вступать в общество? — Он как раз пожертвует всем минутному соблазну. — А нравственно именно — то, что споспешествует к общежитию, говорит Прудон, как безнравственно — то, что не совместимо с стремлением людей к общительности. Нравственно, говорит с своей стороны Л. Фейербах, то, что полезно *роду* (Gattung) человеческому;

т. е. не только ныне живущему числу людей, но и грядущим поколениям. Поэтому я осмеливаюсь поставить следующий афоризм: Скажите мне о человеке, как велико пространство времени, которое он имеет в виду при общем соображении своего поведения, и вы тем самым дадите мне мерило его нравственности, укажете мне степень уважения, на которое этот человек имеет право со стороны своих ближних и потомков.

Вот Варвары-то, которые вторгнулись в Римскую империю, именно потому и находились на низшей ступени нравственного развития, чем древние, что в них не было нисколько желания упрочить свою судьбу (что совпадает с миролюбием). Эти варвары были истинно дикари. Они предавались невоздержно мгновенным своим влечениям; нападали ли они на готовые припасы, они ели и упивались до пресыщения; от пресыщения они впадали в ярость, свирепели, и поэтому жгли, истребляли все чего они не могли проглотить. Многим годам надобно было протечь, пока Вандалы пресытились убийством и грабежом, пока в них пробудилось чувство бережливости, и они, движимые им, в свою очередь напали на мысль, уже изношенную древним миром, что для победителя выгоднее не разом убивать побежденного, не вдруг все у него отнимать, а — исподволь, — установлением «священного» права частной собственности; — на мысль, будто бы бережливость значит исключительность, скупость, скряжничество.

Оттого-то с нашествия Варваров человечество начало сызнова проходить школу общежития, пройденную-было уже в мире классическом.

III

Западная Европа вышла из периода застоя и несется теперь с возрастающею быстротою... Но куда, к чему? — К тому ли, чтоб, в свою очередь, развив до крайних последствий принцип частной собственности, притти в состояние неподвижности и быть вытесненной из него натиском чуждых племен, так как Римская империя была сдвинута с места нашествием Германских? — Или, в этот раз, образованнейшая часть человечества предупредит толчок, чтоб выйти из битой колеи собственности на другой широкий путь и увлечь на него за собою все остальное человечество?

Для уяснения себе этого вопроса бросим взгляд на развитие западных обществ со времени падения Рима.

Прежде всего замечу, что говоря о *застое,* происшедшем в развитии человечества, я употребил это выражение только по тому праву, по которому в математической географии утверждают, что солнце останавливается, когда оно вступает в Поворотные круги [29].

— Собственно говоря, застоя не было.

Все время с V-го века, в котором совершилось падение Рима до VIII, Варвары-пришельцы употребили на то, чтоб притти в оседлость, установить свое покорение, собственность поземельную. — Эта собственность *тронулась,* когда завоеватели принялись переводить своих рабов с барщины на оброк, превращать их в крепостных людей; — что, по мнению Конта [30], произошло во Франции (историю которой с падения Римской империи можно принять за мерило *общественного* развития всей остальной Европы) в половине VIII столетия.

В XI оброчные общины начинают откупаться на волю. Где помещик строптив, там они берут с боя, чего им не хотели уступить за деньги.

В XII и XIII столетиях — крестовые походы. — Землевладельцы покидают свои вотчины, отправляясь к Святым местам. — И слава Богу! бедные люди вздохнут повольнее, когда они поудалятся от них. Да и не мешает господам помещикам пристраститься к бродячей жизни; это повлечет за собою «странствующее рыцарство», которое будет иметь последними своими представителями Дон-Хуанов, да Дон-Кихотов, — господ, с которыми народу, бесспорно, легче будет справиться, чем с их предками, людьми закалки Карлов Мартелей и Роландов. — Вкусив роскоши на Востоке, господа захотят завести ее дома у себя, вызовут поэтому к существованию торговлю и мануфактурную промышленность, которые обогатят не их, а мещан. Они же постепенно не только смягчатся в нравах, но распустятся, ослабнут, разорятся... Благо уже теперь, во времена крестовых походов, они входят в долги [31]; — на дальний путь, для житья на чужбине им нужно иметь деньги, а пока они не трогались с своих пепелищ, они могли продовольствоваться домашними изделиями своих дворовых и крестьян и жить каждый про себя, особняком. Теперь же они вовлечены в омут общественной жизни. Раз вошедши в долги, им из них не выпутаться; — недаром проценты называются Ростом. — Им, *господам,* имущество досталось по наследству, без труда; оттого и нет в них той ретивости сохранить его, с которою *хозяин*-приобретатель, мещанин, гонится за ним. — Напрасно стараются они государственными законами поставить преграды выходу *родовых* своих имений из их родов; имения перейдут в руки тех, которые назовут их своею благоприобретенной собственностью, как будто желая тем выразить, что, по их мнению, родовая собственность есть дурно приобретенная.

Ни Конетабль Дюгесклин [7*], бравший приступом замки мятежных дворян, ни кардинал Ришелье, казнивший Монморанси, «первого барона Христианства» [8*], не нанесли дворян-

ству — представителю недвижимой собственности — удара столь сильного, как Людовик XIV и его министр Кольбер [9*].— Король выманил дворян на жительство при его пышном дворе, и превратил их из независимых бояр в царедворцев и направил их тщеславие на расточительность. Кольбер заводит фабрики, и именно фабрики для изделий роскоши [32]. Он полагает, что торговля и мануфактуры главные источники народного богатства, а между тем и нравы и законы воспрещают дворянам заниматься этими отраслями промышленности. — Это ловко со стороны короля.

— Но откуда Король, откуда его власть? — Разве он сам не из дворянского рода? — зачем же подрывает он крепость своего собственного сословия?

— Да, сначала король был только первый между равными ему дворянами (primus inter pares), и не раньше чем в XV столетии стал он (Людовик XI) называться *его величество*.— Он возвысился над своими равными, потому что при системе частной собственности общество непреодолимо стремится построиться в виде пирамиды, большее богатство постоянно удручая меньшее; король представляет вершину общественной пирамиды. Бесспорно, что он подтачивает свое ближайшее основание, действуя против (дворянства) того сословия, на которое его престол опирается непосредственно. Но властолюбие не расчетливо, как все страсти. Лишь Людовик XVI заметил, что преемственная политика его дома: подзадоривать мещан, т. е. движимую собственность, против дворян, т. е. недвижимой собственности, пагубна для королевства. Но он заметил это слишком поздно, и тайное сближение его с дворянами против среднего сословия, им же самим вызванного к государственному управлению, останется безуспешно. Дворяне частью бегут за границу, частью казнимы; король разделяет участь последних. Земли дворянства и высшего духовенства (составлявших на самом деле одно и то же племя) объявляются государственным имуществом и переходят посредством *купли* (заступающей теперь место завоевания) в руки зажиточных [33].

В этом состояла революция 1789 года. Она была не что иное, как последний акт борьбы движимой собственности против недвижимой.

В продолжение революции много звучных слов было высказано о правах человека, о равенстве, о свободе, братстве; большая часть речей была составляема по программе заранее написанной Жан-Жаком Руссо. Но когда Бабеф предложил выполнить эту программу до того места Книги Общественного Договора, в котором говорится о правомерности собственности вообще, тогда республиканцы казнили Бабефа.

— С этих пор управляющие ходом революции менее и

менее поминают Руссо, все берут себе в образцы более героев Римской истории из периода борьбы Плебеев против Патрициев. — Это логически; для этих героев право собственности было священнейшим постановлением.

Но мало-по-малу всякие речи умолкают, и торжествующая движимая собственность, чтоб удержать за собой власть, так же слагается из республиканского параллепипеда в пирамиду, как то прежде сделала недвижимая собственность. Вершина прошлой называлась феодальным именем «Король»; вершина государства, основанного на движимой собственности, именуется на Римский лад «Императором». Верховный представитель родового имущества, Король, царствует по праву своего рождения; глава благоприобретателей, Император, приобретает себе престол избранием.

Так самые титулы, носимые ныне Князьями мира сего, указывают, что период развития общественности, в котором мы теперь находимся, соответствует в древнем мире периоду Кесарей, появления Евангелия и Варваров с северо-востока.

Благоприобретенная собственность в противоположность родовой выдает себя за миролюбивую; говорят, что мир — ее жизненное начало. На деле оказывается, что и она не может не захватывать все вокруг себя, не воевать. Разница только в том, что недвижимая гонится за источниками недвижимостей, землями, между тем как движимая стремится завоевать свои источники — торговлю, пути и места сбыта товарам. — Так целью войн императора Наполеона I не было отнять у других поместья и поселить на них своих солдатов, как это сделал, напр., в 1066 г. Вильгельм Завоеватель в Англии; Наполеон имел в виду только заключение выгодных торговых трактатов.

Зато, говорят Кандиды нашего века от Наполеона I до Наполеона III прошли сорок лет мирно. Правда, гонька за выгодными путями сбыта товаров шла в этот период без пушечного грома в Европе; между Государствами было перемирие, которое впрочем не раз грозило рушиться. — То был вооруженный мир, в продолжение которого число постоянных войск и крепостей было не уменьшаемо, а увеличиваемо.

Главною причиною этому не было со стороны правительств опасение России, как говорит Э. Жирарден [34]. С Россией с 1815 года прочие правительства не думали воевать; они, напротив того, готовы были ее призывать, и в самом деле призывали, себе на помощь. — Войско было содержимо преимущественно как оплот полиции; укрепления строились против работников в Париже и Лионе.

Это значит, что среднее сословие, победив высшее, повернуло теперь свои штыки против низшего сословия.

Кроме штыков и картечи у него нечем отвечать на

требования голодающего народа. Оно находится в положении человека, который наговорил вам множество прекрасных обещаний и который, когда вы требуете от него, чтоб он сдержал слово, отвечает вам: — А не угодно ли пройтись со мной на пистолях! — Не только в продолжение революции 1789 г., но и в период между двумя Наполеонами среднее сословие надавало на себя пропасть векселей народу. Насмехаясь над побежденною им родовою властью, оно разглашало мысли, подрывающие в народе всякое уважение к власти вообще, следовательно и к власти самого среднего сословия. Образчиком таких мыслей служит заимствованный мною эпиграф у г. Гизо. — Заметим, что они разглашались не так, как разносились учения в старинные времена, а посредством типографских станков и усовершенствованных путей сообщения, неведомых древнему классическому миру. — Вообще, по теории либералов, каждый может стать государственным человеком, между тем как не только чтоб быть подлинным королем, или неподдельным бароном, но даже для того, чтобы быть поэтом (несамозванцем), надобно по общему мнению родиться, иметь призвание свыше, — можно быть таковым лишь «Божиею милостию». — Правда, государственный человек, по мнению либералов, ничто иное как оратор, а об ораторе сам Квинтилиан сказал, что он «fit», тогда как «poeta nascitur» [10] *. Но в глазах простонародия, которое куда как аристократического образа мыслей, то чем всякий может стать, не уважительно. Поэтому и понадобилось либералам прибавить (опять-таки по Квинтилиану): Чтоб быть слушанным в собраниях государственных людей, «иметь голос», оратор должен быть еще и «порядочный человек» (vir honestus), т. е. быть не нищий, иметь известный доход. — Спору нет, что это прибавление дельно; только от пользующегося некоторым доходом можно ожидать, что он будет поддерживать государственное учреждение. Но и тут либералы дали промах: сначала они назначили цену порядочности человека («ценс»), кажется, в 500 франков годовой подати, а потом спустили ее, если не ошибаюсь, на 200 с чем-то. Это неумно. Какую цену раз товару объявил, такой уж и держись, торговец, и знай — объявляй публике: у нас-де в лавке не торгуются. Иначе только товар свой роняешь и делаешь, что за революцией 1830 г., сбавившей ценс, следует революция 1848 г., которой результат отменение ценса провозглашением общего права подачи голоса (suffrage universel) и перенесение точки опоры Престола, т. е. вершины государственной пирамиды, с слоев зажиточного мещанства на слой низший: на войско и крестьянство, которые между собою составляют так же одно племя, как таковое составляли до 1789 г. дворянство и высшее духовенство.

Гораздо важнее порождений литературы либерализма были в периоде между Наполеонами следствия огромного развития мануфактурной промышленности. Это развитие составляет другой факт, неведомый древним.

Считаю не лишним посвятить ему особую главу.

IV

При слове: «Мануфактурная промышленность» — невольно приходит на ум разделение труда, — не то, которое закоснело существует в недрах самых патриархальных хозяйств и может, как мы это видим в странах азиатских, оставаться неизменным целые века, а то, которое имеет значение исторического принципа, т. е. развивающееся. — Мануфактурные или фабричные изделия именно такие, которые не производятся дома каждым из их потребителей. — Как скоро в какой-нибудь стране заводятся фабрики, семейный быт, патриархальный образ жизни особняком в ней выводится.

Доколе каждая семья производит сама (через своих членов или рабов), все, что употребительно в домашнем обиходе, дотоле семьи *независимы* одна от другой в отношении экономическом; и связь (союз, общение, общество) между ними, будь она основана хоть на родстве, хоть на соседстве, хоть на общем их подданстве одной государственной власти, еще не самая тесная, какая может быть между людьми. Взаимная зависимость людей становится наибольшею, когда одна часть из них перестает заниматься производством какого-либо рода изделий (положим, напр., кузнецких), тем более предается вырабатыванию изделий всех остальных обиходных у них родов, а насчет покинутого рода изделий полагает, что другая, остальная часть людей ее снабдит ими; эта другая часть людей в свою очередь, оставляет все роды работ (хлебопашество, приготовление обуви, одежды, плотничество...), кроме того одного (кузнецкого), который покинула первая часть; им она тем более и исключительно занимается, а насчет всех остальных произведений (пищи, платья, лаптей, строений) полагает, что первая часть людей их для нее изготовит.

— Что побуждает людей так разделить свои работы; что побуждает их к такой *переделке* своего быта? — к отречению от независимости?

— Опытом дознанная истина, что одна и та же сумма труда (усилий, сил) дает разные результаты, смотря по тому, как она разделена; — или, наоборот:

что одна и та же сумма произведений получается с большим или меньшим трудом, смотря по тому, как этот труд разделен.

Эта мысль, на которую — как на все важные открытия — люди набрели играючи, в часы досуга, доставленного им каким-либо неожиданным избытком произведений обрабатываемой ими природы (урожаем), каким-либо случайно обнаружившимся превосходством их производительных сил над кругом их потребностей, сначала применяема людьми на увеличение досуга же.

Досуг — великая вещь[35]. Он необходимое условие для того, чтоб человек пришел, углубился в себя. — В часы досуга человек сознает себя, сознает свою недостаточность. Он тогда чувствует, что хотя те потребности, которые он дотоле считал своими единственными, и удовлетворены, ему все-таки чего-то недостает. — Чего именно — он не знает наперед; его чувство недостаточности принимает неопределенный вид тоски, скуки.

Вялые натуры стараются избежать скуки пресыщением и умышленною (преднамеренною, сериозною) игрою, т. е. воспроизведением того, что они знают, что они чувствуют ненужным им. Для них праздность, действительно, матерь всяких пороков. — Но живые натуры, для избавления себя от скуки, не возвращаются на то, что ими раз уже изведано как не вполне их удовлетворяющее, — они идут далее, вперед! — они принимаются бродить — и духом и телом.

Брожение духа или мысли есть вымысел, фантазия, *поэзия*, т. е. творчество (poiein значит: творить, сочетать, *сочинять* присущее в новые образы). — Каждый поэт, — мимоходом будь сказано, — мог бы назвать свои творения, как Байрон, «Часы досуга» («Hours of idleness»); в часы хлопотливости (business) наверно ничего не было вымышлено.

Если только человек примется бродить, каким бы то ни было образом, то наверно его тоска, т. е. его общее неопределенное чувство недостаточности, пустоты, сколько-нибудь и на некоторое время определится: он найдет на что-нибудь, что он примет за дотоле недостававшее ему дополнение. Тут досугу конец; человек более не бродит, а стремится прямо к завиденной им цели.

Теперь у него одной потребностью больше против прежнего, — больше дела; отныне разделение труда будет прилагаемо к усугублению производительности.

Итак на вопрос: Что побуждает людей выйти из быта особняком и вдаваться все дальше и дальше в разделение труда, в общение между собою? — мы отвечаем: Сначала желание израсходовать менее усилий, иметь менее урочных часов, без уменьшения количества произведений; потом — желание, не работая «через силу», не истощаясь (более чем прежде), добывать более произведений.

В обоих случаях люди, жертвуя своею *независимостью,* имеют в виду сделать для себя легко доступным все то, что они полагают недостающим им. — Это значит: они имеют в виду быт *привольный* (aisance, bien-être).

И Независимость и Приволье называются Вольностью, Свободой[36]; но первая — свобода лишь в отрицательном смысле, означает увольнение от всего, отрешенность, пустоту; второе — положительная, действительная или деятельная Воля-Свобода; при нем человек волен на все; оно тождественно с могуществом, мощью, властью.

Как же происходит, что на полпути своего стремления от независимости к приволью человечество попадает в состояние, в котором большинству нет ни независимости, ни приволья?..

Мы выше упомянули, что потребности в известном круге сожительствующих людей умножаются *постепенно,* что общая недостаточность, нецелостность человека ему мало-по-малу обнаруживается в виде разнообразных потребностей. — Есть череда в их проявлении; есть первые потребности, есть потребности второй, и т. д. степеней.

Мы сказали также: для того, чтоб в известном круге людей возникла какая-либо второстепенная потребность, чтоб они устремились удовлетворять ее, надобно чтоб они предварительно *совладали* с первыми своими потребностями, *превозмогли* их; — чтоб за удовлетворением первых потребностей у них оставался некоторый досуг, — оставалось в распоряжении некоторое свободное время, — оставались некоторые свободные силы;

— надобно, чтоб люди видели себя обеспеченными на некоторое время, т. е. в возможности *(в состоянии)* не посвящать себя работам первой крайней необходимости, не рискуя через такое упущение умереть с голоду.

Сколь велик излишек, сколь велико превосходство производительных сил общества над кругом его настоящих потребностей, настолько (и ничуть не более) оно может, расчетливо поступая, перейти к приисканию средств для второстепенно возникающих в нем требований.

Говорит ли мне, напр., петербургский академик Бернгарди в своей книге «Vom grossen und kleinen Grundbesitz» [11]*, что теперь во Франции из каждой сотни людей 65 должны исключительно заниматься хлебопашеством, для того, чтоб произвести сколько нужно съестных припасов для всей сотни; я заключаю, что во Франции (не принимая в расчет иностранной торговли) лишь 35 процентов народонаселения — благоразумно — могут посвятить свое время иным ремеслам, чем земледелие.

Беда, если эта пропорция будет нарушена! — если работники какой-либо одной отрасли промышленности станут

менее необходимы, важны или выгодны для работников всех остальных отраслей, чем эти все для первых. Тогда равновесие во взаимной зависимости исчезнет, и кто кому более необходим, тот над тем тяготеет, тот, того держит в своей власти.

Скажут: пропорциональность в разделении суммы народонаселения на разных родов производителей должна изменяться уже от самого того факта, что производительная сила (ловкость, искусство) работников постепенно возрастает; что сегодня могут выработать 65, то через несколько лет будут в состоянии произвесть 50 человек. Тогда для фабричных земледельцы нужны будут в отношении 35 : 50, между тем, как для земледельцев фабричные по-прежнему будут требоваться в пропорции 35 : 65. Как же с этим быть?

Тут представляются три выхода:

Либо земледельцы будут продолжать работать столько же времени, в таком же числе, как прежде. — Тогда они будут производить лишнее, предметы которые не будут находить себе потребителей; они будут *предлагать* товары и не находить *спроса* на них.

Либо земледельцы умерят число своих рабочих часов, и оставаясь 65 процентов народонаселения будут работать лишь как 50. — Я против увеличения досуга ничего не имею и нахожу, что лучше ничего не делать, чем умышленно поступать безотчетливо.

Либо из 65-ти 15 человек покинут земледелие и посвятят себя какой-либо новой специальности; они *подразделят* труд и употребят свои силы и время на *отделку,* на утонченное, разительное, роскошное, художественное производство того, что и прежде было производимо, но валовым образом.

В последнем случае каждый член общества будет в выигрыше, потому что в обороте или обиходе будут теперь изделия высшего сорта, чем прежде; потому что каждый, работая не более чем прежде, будет теперь однакож в состоянии получать взамен (плату) своей работы более разнообразные, лучшие изделия, чем бывало.

— Вот мы и в *Утопии!* — восклицает читатель.

Уж не хочет ли автор, чтоб народы делили и переделяли труд на мирских сходах, как русские крестьяне делают раскладку тягл?

— Отвечаю: разделение труда есть именно дело общественное, подлежащее рассуждению и обсуждению на народных собраниях. На это только и надобно было бы иметь совещания, — а не на то, как теперь, чтоб слушать краснобайство государственных людей. — Оттого, что доселе разделение и постепенное подразделение труда не

было предметом рассуждений на сходах мировых, а происходило по частной *прихоти*, — оттого и все бедствия, называемые: рыночные завалы (encombrements de marché), застой работ (chomage), бобыльство (proletariat), нищета (pauperisme).

Разделение труда само по себе начало животворное; но к нему привилось начало собственности, и потому оно принесло ядовитые плоды.

Как творится теперь разделение труда? Каким образом ныне человек покидает патриархальный земледельческий быт и идет в фабричные работники?

Вот в какой-нибудь крестьянской семье «не по работе рук много», как говорит Петр Глебов в Григоровича романе *Рыбаки* [12*]. Сын, вышедший уже из детского возраста, скучает от безделья. А тут приходит человек, большею частью средних лет, и предлагает сыну поступить к нему в работники, т. е. подряжает, вербует его.

Что в сущности, говорит хозяин-подрядчик (entrepreneur)? — Что он имеет *мысль завести* что-либо могущее дать прибыль; что у него есть средства на заведение, именно запас — запас денег (не спрашиваю как добытых), представляющий запас товаров нужных для существования; что он на этот свой запас будет закупать материалы для завода и разъезжать продавать изделия, которые будут изготовляемы на заводе, — что он будет распоряжаться, *управлять* работами, ибо ведь *мысль* — его! Он подвергнет одного себя всем случайностям торговли, он на себе их вынесет: с барышем ли сбудет он товар, тем ему лучше; с убытком ли он принужден будет продать, тем ему одному хуже. Работнику же, говорит он, ни до каких рисков дела нет; он будет постоянно получать одну известную плату, обеспеченную наличным запасом или капиталом хозяина. — Отец вербуемого, особенно же старуха мать говорят сыну: Не слушай этого чужого человека; оставайся у нас; ведь мы, благодаря Бога, не в крайней нужде живем; будет и у нас для тебя кусок хлеба; от добра добра не ищут. — Но молодой человек — (все идущие в работники «на сторону» или «в люди», т. е. вне дома, либо действительно юноши, либо юношеского образа мыслей; — я не говорю, разумеется, об уже родившихся в сословии заводских работников) — молодой человек видит пред собой независимость от родительской власти, верную заработную плату, и — оправдывает поговорку аристократов-консерваторов: Человеку добро наскучает, он ищет лучшего, находит дурное, и остается в нем, боясь худшего...

Не драматически, а математически говоря, разделение труда потому пагубно развивается в лестницу, что ступени строемы не по удостоверенному постоянному превосход-

ству производительных *сил* общества над кругом его потребностей, а по *запасам* товаров, составляющим *сокровища,* которых никто поверять не может, кроме собственника их, и происходящим от *случайного* излишка человеческой производительности над потреблением.

Поклонение случайным силам, упущение из виду вечных, это-то и есть обожание златого тельца, *материализм,* в гнусном смысле слова. Оно порождает дух барышничества.

Руководимые им, люди при постепенном созидании особых отраслей промышленности держались правила: производить преимущественно такие изделия, за которые богатые расположены платить высокие цены, — производить предметы редкостные, служащие для прихоти, роскоши.

Лишь впоследствии фабриканты смекнули, что с мира по нитке голому рубаха, и устремились на производство товаров дешево обходящихся им самим и потому доступных на рынках и небогатым сословиям. Они рассчитали, что выгоднее, надежнее, иметь много покупателей, хотя бы и небогатых, чем весьма богатых, но малочисленных.

Так мануфактурная деятельность развивается, на прекор здравому смыслу, от изделий высшей утонченной роскоши к изделиям более потребным. В недавнее время она стала производить такие товары, которые доселе были изготовляемы миллионами зажиточных хозяйств про себя; стала производить и предлагать их дешевле, чем каждое хозяйство может порознь, само для себя их производить; тем начала вытеснять приготовление этих изделий из круга обычных домашних рукоделий, и выводить бедные семьи из быта особняком, делать их зависимыми от нее.

— Что ж, скажут, за беда в том, что разделение или обособление труда развивается сверху вниз, а не снизу вверх?

— Беда состоит в затруднениях самих капиталистов-фабрикантов: а вследствие сего, в перерывах работ и заработков для класса фабричных работников, ибо, не имея запасов, они принуждены жить работая со дня на день.

— Но откуда же затруднения капиталистов? — Как же, казалось бы, не находить им сбыта своим товарам, когда они постепенно расширяют круг своих потребителей-покупателей?

– Постепенность, увы! не всегда значит непрерывность; есть постепенные развития с множеством знаков препинания, камней преткновения. — Бессомненно, с тех пор, как фабриканты взяли себе за девиз: «Производить сколь можно дешевле, сколь можно больше», они рады бы видеть свои изделия доступными всему народонаселению. Но по мере расширения мануфактурной деятельности многочисленнейший класс людей в каждом народе мало-по-малу

переходит из состояния независимых хозяйств в положение поденщиков, живущих единственно заработною платою, получаемою от хозяинов-подрядчиков; а на заработную плату — работники никак не могут купить себе изделия ими же самими производимые под влиянием хозяев. Цена товаров фабричных состоит именно из жалования, платимого хозяином работникам, и некоторого процента, взимаемого себе хозяином в виде либо барыша, либо вознаграждения за труды его по управлению заводов, и т. п. — Как же может когда-либо заработная плата сравняться с ценою товаров?..

Оптовая промышленность, следовательно, развиваясь, сама себя подъедает: стремясь расширить круг своих потребителей, понижая цены товаров, т. е. понижая вместе с тем заработную плату и подрывая дешевизною мелких независимых производителей тех же родов товаров (— вспомните Силезских ткачей! —), она суживает круг людей, находящихся в состоянии покупать ее изделия.

Она сама весьма ясно сознает свое положение. — Да и что, кажется, трудного понять, что: 1) она может находить покупателей своим изделиям только в числе тех людей, которые сверх заработной платы имеют еще какой-либо прибыток от своих рукомесл не фабричных; 2) что этим-то избытком или лишком и оплачиваются премии или барыши, поступающие в карман к хозяевам, после продажи товаров за вычетом из вырученной цены заработной платы, платимой ими работникам; 3) что она сама, желая иметь сколь возможно более покупателей, старается производить сколь возможно дешевле, и превратить в производство фабричным путем все, что еще не производится этим путем; что она старается захватить (обособить себе, монополизировать) все роды производительности; что она, благодаря *вере* человеческого рода в запасы, в силах это сделать, и что следовательно 4) она сама, оптовая промышленность, подрывая мелочную, переводит класс людей имеющих более того, что работники получают на фабриках, и могущих следовательно окупить изделия хозяйственных заводов.

Нельзя подозревать, что она, имеющая дела в своих руках, — она столь расчетливая! столь сметливая! не провидит это.

— Отчего-же она упорствует в своем образе действия?

— Именно от... не скажу: эгоизма (алчности) промышленников; эгоизм столь обширное слово, что им ничего не определяется; эгоизм — двигатель всего живого; но эгоизм эгоизму рознь, и потому скажу: — от того мелочного неразумного эгоизма, который *верует* — не в бессмертие, о нет! — в смерть; который, при всем своем ханжестве, думает, что нас ничто не ждет за гробовой доской; кото-

рый потому не дает себе труда решить ни единый из жизненных вопросов, а постоянно твердя: «Стало бы нынешнего хода дел лишь на мой век!» откладывает решение всех.

Этот эгоизм выразился весь в недавно созданной им «науке», именуемой: «*Политическая Экономия*», — что значит в официальном слоге: Государственное хозяйство, в простонародном: хитростное домоводство (т. е. управление торговых домов). — Политическая экономия ничто иное как риторика, поставившая себе целью доказывать, что нынешний ход вещей есть наивозможно — лучший. Начальною темою ее был афоризм: Laissez faire, laissez passer, пускай себе идет как идет; последнее ее слово: «Свобода торговли».

Теория «свободной торговли» желает ввести разделение труда как оно теперь идет по приказу капиталистов, между целыми народами. — Она развита во множестве красноречивых книг и речей, сквозь которые звенит пушкинский стих:

Мне душно здесь, я в лес хочу [37].

— А зачем, брат, тебе в лес? — чтоб там продолжать то же ремесло, по которому ты попался в душноту!

— Фи! как это по-варварски. Мы лучше скажем изящным слогом неподкупного Мирабо: Laissez le commerce aller et venir à l'aise: d'homme à homme, il a fondé les familles; de famille à famille, il a fondé les peuples; de peuple à peuple, il fondera l'unité du monde. (Дадим вольный ход торговле: от человека к человеку она основала семьи; от семьи к семье, народы; от народа к народу, она оснует единство мира.)

— Какая же выгода была бы миру, если б он весь сложился так, как сложились уже теперь, благодаря торговле, те народы, в которых торговля задыхается, в которых она вопит по исходе, по сбыту внешнему? — Тогда и в нем будет так же душно, как теперь в границах отдельных государств. Но из этих еще есть выход, а из мира куда?

Теория «свободной торговли» — раз- или от-влечение для народов от предстоящего им неминуемого вопроса о праведном разделении труда. Она, как всякое развлечение, лишь откладывает решение; как всякое отвлечение, лишь запутывает вопрос. — Для решимости необходимо сосредоточение, как частным людям так и народам.

Если б одна только не-мертвая страна совершила полный поворот на своей оси (это-то и значит слово *революция*), ее движение быстро сообщилось бы всем остальным странам, все человечество перестало бы метаться из крайности в крайность, как юноша, и пошло бы ровным, верным шагом возраста полной разумности.

При последовательном же развитии нынешнего хода дел, торговля должна становиться год от года затруднительнее; капиталы будут все более и более вынимаемы из оборота

и помещаемы на проценты в Государственные займы. Это помещение уже теперь очень любят люди финансовые, как самое верное и бесхлопотное. Правительства с своей стороны, весьма расположены все более и более входить в займы; доказательство тому умножение их долгов с конца прошедшего столетия. — Под конец все капиталы окажутся в руках правительства, которое тогда станет механизмом — или, пожалуй, организмом с эндозмосом и эксозмосом — служащим к взиманию податей с рабочего класса и разделению их, в виде дивиденда, между своими акционерами-кредиторами...

Но и тогда Государственные люди будут утверждать, что Государство не есть заговор имущих против неимущих, а божественное учреждение для осуществления идей правды и справедливости, как сказано в «Энциклопедии Законоведения» профессора Неволина [13*], — или тому подобное.

ЭПИЛОГ

— Так, по твоему мнению, нам еще предстоит вступить в период разумности! покамест мы еще не обретаемся в нем! — замечает мне читатель.

— Да, я думаю, что не только люди, но и вся природа еще не находится в состоянии разумности. Вселенная слагается, устраивается в порядок, но еще не сложилась, не устроилась; — она выходит, но еще не вышла, из состояния зоотического.

Мне невозможно представить себе в одной картине (сообразить) явления, которых я свидетель, иначе чем предполагая им исходным пунктом момент, в который мир (по крайней мере тот, в котором я себя вижу и за пределами которого я ничего не могу себе вообразить) распался, надломился, разделился на частные, неделимые (далее) существа, из которых ни одно не представляет целую, круглую единицу, каждое шероховато, угловато. Молниеобразная линия перелома образовала каждое с вдающимися и выдающимися углами, дала всем усеченные формы. В тот момент не только все разорвалось на дробные количества, но дроби перемещались, перепутались. В этом состоит хаос.

Развитие состоит в распутании перепутанного, — в перестановлении (permutatio) существ [38]. Неделимые, разметанные члены целых, тоскуют друг по друге; им «порознь тошно». Каждое существо чувствует свою неполноту, нецелостность, и притом хочет уцелеть, укомплектовать себя, усовершенствоваться, соединясь с тем, что кость от костей и плоть от плоти его, с чем вместе оно составляет полную, круглую единицу, с тем что дополнение к нему. Для этого [39] оно отрывается от среды, в которую оно застает себя забро-

шенным, обособляется (от этой среды) и приходит в движение, ища среду сродных ему существ.

Люди называют существующим, Нечто, лишь то, что сколько-нибудь обособилось от своей среды, перестало быть или еще не стало безразличным от нее. Становление особым называется происхождением, рождением; прекращение обособленности — смертью, уничтожением. — Перестать быть особо, отличительно от своей среды, видимым для человеческого глаза не значит однакож отлучиться от вселенной, выйти из круговорота жизни, отрешиться от ее общих судеб, стать на веки вечные непричастным к общему положению мира. — Из мира ничто не убывает, ничто к нему не прибавляется; сумма всего находящегося в нем постоянно одна и та же; изменяется лишь образ разделения ее на среды или группы, или, как уже сказано, все изменения суть перестановления. — Эту мысль доказал весами великий Лавуазье; ее в наш век, в применении к роду человеческому, высказали Пьер Леру [40] и Жорж Занд [41]. — Что на время становится невидимым для нашего глаза, или изменяет свой человеческий вид, то когда-нибудь опять явится в человеческом образе. А если б я и никогда уж после предстоящей мне смерти не воскрес в виде человека, все-таки все что меня составляет не может утратиться из природы, и потому если это, меня составляющее, не будет чувствовать как человек, оно будет чувствовать как Природа.

— Ложно думают многие, что Природа сама по себе, а человек сам по себе. Человек есть чувствующая, сознающая Природа. Способность чувствовать, сознавать не может в Природе исчезнуть, ибо она есть.

— Мы, люди в эту минуту живущие как люди, не представляем поколение, лежащее как верхний слой над предшествовавшими нам поколениями, нашими предками, представлявшими бы низшие слои. Нет, времена, поколения не ложатся друг на друга как геологические слои; настоящее есть претворившееся прошедшее; в настоящем заключается и все будущее. — Что раз живет, то вечно жило и обречено вечно жить впредь; оттого-то настоящее несет на себе грехи прошедшего и может страдать за свои нынешние, ему сходящие с рук, преступления в будущем... Вот этому не хочет верить господин средней руки, твердящий: «Стало бы лишь на мой век!..», опирая свою веру в Смерть или в Ничто за гробом на том, что он *не* помнит себя до своего рождения. Как будто пробел в нашей памяти означает перерыв нашего существования, и даже ощущения! как будто мы не имеем тому примеров во сне и в некоторых болезнях мозга!.. и как будто состояние наше во время сна и когда мы снова пробуждаемся, не зависимо от наших действий накануне!

Прибавлю к этому, что природа выходит более и более из состояния дремоты к самосознанию, к себя-памятыванию.

В немецком языке есть превосходное слово для означения происхождения; это — Ür-Sprung, т. е. первый прыг. Действительно, все первоначально является (обособляется от своей среды в другую) «скоком не нароком», не по толчку совне, не вследствие чего-либо, а само собою, без спроса или зова; все начинается случайностью, ненужностью, следовательно не разумно. Первый акт есть акт воли, не мышления. — Жизнь для существа получает некоторую последовательность, из бьющего ключа (spons, spontaneitas) превращается в поток, лишь после того, что существо совершило свой первый акт, т. е. вступило в какую-нибудь среду. Теперь, и не раньше, наступают для него определенность, зависимость, связь, обусловленность. — Все идет настолько по добру, насколько соблюдается пропорциональность в сочетаниях вступившего в среду существа с теми, которых оно встречает. Эти последние становятся для него данными, по которым определяется его воля; средствами, которые оно применяет к достижению своей цели (усовершенствованию, т. е. к выражению воли, отчуждению воли — независимости.) Они производят на него влияние, впечатление, т. е. толчки (impulsiones). Чтоб не произошло зло, существо не должно, из привязанности к средствам, терять из виду цель; каждое действие его должно быть соразмерно поводу, по которому оно возникло, или, как обыкновенно говорят, каждое действие должно иметь «достаточную причину» (хотя под причиной разумеют иногда и внутренний фактор, волю; в каком случае постулат не имеет смысла). Иначе сказать: существо должно отдавать себя другим ровно столько, сколько они производят влияния на него; отпор должен быть равен толчку-впечатлению. Тогда отношения или взаимодействия существ (волей) образуют непрерывный ряд, прогрессию, серию. В движении нет скачков, промежутков, нет ни смерти от истощения, ни порождения лишнего, ни иммиграции в среду, ни эмиграции из нее; дела текут живо.

Каждое существо и хочет, чтоб так шло. Ни одно не хочет прилепиться к другим большим числом сторон, чем те, которыми эти другие его касаются. Каждое ищет в других лишь то, что ему соответствует, что ему свое, — хочет лишь округлить, выполнить свои недостатки, зазубрины, или вдающиеся углы; никоторое не хочет захватить чуждое ему, ни быть само захвачено таким.

Но для этого надобно бы, чтоб каждое существо предварительно (a priori) знало, что в встречаемых им соответствует ему, дополняет его, что преступает пределы его емкости.

Этого знания нет в природе. Оно лишь вырабатывается

постепенно. Существа идут путем опыта, пробивания. Каждое хватается за первое ему встречное, сколько-нибудь, лишь в некоторых отношениях обещающее дополнить его недостаточность, и сочетуется с ним без оглядки, безусловно, безотносительно, оно предается, т. е. предает себя, перестает быть верным, последовательным самому себе; оно поступает бесхарактерно, увлекается. — Отсюда союзы или общества, в которых неделимым столь же «тесно», сколько порознь им было «тошно»; отсюда нелепые сочетания, тягостные преданности, оканчивающиеся насильственными разрывами, предательствами, изменениями нарекаемыми изменами; отсюда страдания, принесение либо индивидуума на жертву обществу (среде), либо общества индивидууму.

— Отсюда горестная необходимость революции, как в Природе так и в человечестве, т. е. переломов, перерывов (lesions de continuité) развития. — Революция образует эпохи, т. е. моменты, которые рассекают поток времен или действий на разные периоды. — В периоде все идет последовательно — «как следует»; а как чему следует итти так тому и должно итти. — В эпохе не то. — В промежуточное время неделимое восклицает:

Дар напрасный, дар случайный,
Жизнь, зачем ты мне дана?
Иль зачем судьбою тайной
Ты на казнь осуждена?..
Цели нет передо мною,
Сердце п у с т о, празден ум,
И томит меня т о с к о ю
Однобразный жизни шум [14*].

Эпоха есть восстание, воскресение — после шести рабочих дней периода. — Блаженна личность, которая в те дни, уж

«В с е земное с о в е р ш и л а» -

Мы теперь находимся в эпохе. — Восставший сын человеческий возвратил себе свою независимость, он порвал все связи; но приволья нет ему нигде, он скиталец, сир и беден, и не знает где приклонить главу свою. Повсюду вторится мотив: Ich bin ein Fremdling ueberall [15*]. — Вокруг каждого из нас пустота, ничто; и не только индивидуализм, [42] но и нигилизм [43] возводится в теории, как реакция на бывшие доселе теории общения между людьми.

— Как попал человек в нынешнее свое положение? — Ничуть не удивительно, если только вспомнишь, как он вел себя доселе. — Встречал ли он, напр., женщину, которая ему несколько нравилась; он пленялся ею, говорил, что она для него все, клялся Христом Богом и ей и самому себе, что никогда ничто кроме нее не будет ему важно, — когда сам Бог ему сказал не клясться ничем!.. Встречал ли он чело-

века расторопного, обещавшего ему, показывая на свою мошну, избавить его от заботы приискивать себе средства пропитания. Он вверялся ему вполне и говорил: «Мне нужно только одно: быть освобожденным от вечно преследующего меня страха не найти себе пропитание; ты умеешь находить источники приволья; пусть же тебе будет забота, мне работа»... Какая работа? — «Ах, *все равно!* Я буду делать что ни прикажешь мне». Человека мучает опасение ненастий с неба, нападений со стороны чужих людей. Вот он встречает господина, которому раз удалось предсказать верно, что будет затмение солнца, но что оно пройдет, и снова солнце будет светить по-прежнему. Наш человек бросается к тому господину и говорит: «Повелевай мною; я буду слушаться тебя покорно; только заклинай, заговаривай, задабривай, волшебник-поп, страшные мне неведомые силы». — Возле жреца он встретит другого, который раз вел себя храбро и своим примером и ему внушил смелость противостоять нападению пришельцев. Этого он провозглашает своим вождем, герцогом, сюзереном, и просит всегда им командовать, обещаясь по его слову разить кого бы то ни было беспрекословно...

...И неужели все это не носит ясно на себе отпечаток юношества? недостатка опытности?[44]...

Взрослый человек не опрометчив, осмотрителен; он ни из чего не сотворит себе кумира. Он никому не вверится, не даст собою управлять; он полагается на себя и какие-бы риски ни были от его самоуправления, он берет их на себя. Он не хоронит себя заживо, как советуют Нигилисты-Брамины; он не избегает людей, но сходится с ними лишь на «благородные дистанции». Он вступает в союз, но лишь на известные, определенные случаи, которые он оговаривает при его заключении: эти оговорки, условия, суть именно ключи к союзу, которыми он по воле замыкается и отмыкается; тогда как юношеские сочетания закрыты наглухо и чтоб быть растворены, должны быть взломаны. — Взрослый и не так робок, и не так самонадеян, как юноша. Грозит ли ему ненастье, он говорит:

Si totus illabitur orbis,
Impavidum ferient ruinae.[16*]

Зато, если он видит, что его расчеты оказываются верными в известных случаях, он не забывает, что может представиться ему и неизвестное. Поэтому он не строит замкнутых, тесных систем, из которых *неизвестное наперед исключено,* в которые оно войти не может. В его Пантеоне есть место и богу Неизвестному-Будущности.

— Не от воли человека зависит постепенное расширение круга его ведения, исчерпнуть область неизвестного.

Обращение внимания, а потому и ход открытий, следует своему закону. Мы не можем по закону открывать новое, но от нас зависит стараться или не стараться помнить старое, уже приобретенное опытом. Памятывание, предупреждая возвращение на раз уже изведанное, *сокращает* путь человеку, или, лучше сказать, Природе, в лице человека, к полному самосознанию, которое ей нужно, чтоб из хаоса устроиться в гармонию.

ПРИМЕЧАНИЯ АВТОРА К СТАТЬЕ «ЧТО ТАКОЕ ГОСУДАРСТВО?»

1) Почему обыкновенно в предисловиях читателя предполагают благосклонным не только именитые авторы, известные любимцы публики (у них на то есть основания), но и люди новые, неизвестные в литературе, особенно если эти люди выступают на поприще с рассуждениями, с рефлекциями?..

Ведь рассуждение — суд, разбирательство тяжбы, возникшей в уме писателя между двумя мнениями. Одно из них есть то, которого писатель прежде держался; другое есть возникшее в нем позже, в противоположность первому. Когда он излагает их, он приписывает старое свое мнение читателю, новое же представляет он как лично ему принадлежащее. И так, с самого начала между писателем и читателем спор, полемика, а вовсе не обоюдная благосклонность.

Если при издании своего рассуждения автор не ошибся насчет занимательности для посторонних процесса, происшедшего в его собственном уме; если он не ошибся, полагая, что прежнее его мнение доселе еще разделяется его читателями, а недавно в нем возникшее *со-мнение* ново и для них; то он в собственных своих чувствах имеет данную, по которой может представить себе те, которые его книга возбудит в читателях. Как было у него на сердце в ту минуту, когда в нем возникало новое мнение, восстало против прежних его убеждений, когда начался спор между тем и другими и он еще не успел разобрать его, синтезировать противуречия?

Если он искатель парадоксов, если он думает для того, чтоб найти сказать что бы то ни было новое, оригинальное, и себя тем выказать, он обрадовался находке. Так же обрадуется ей и читатель, охотник до новинок, перелистывающий книги с целью выбрать из них чем бы при случае пустить пыль в глаза.

Если автор и читатель движимы чистой любознательностью, они встречают новое мнение бесстрастно.

Но оба эти случаи редки. Большая часть людей ни дале-

танты-диалектики, ни скептики, в полном значении этого слова, т. е. искатели истины, а особы деловые, мыслящие из практического интереса. Думать составляет для них труд, которому они подвергаются, чтоб иметь или, точнее сказать, чтоб выверить план своей деятельности. Снимаемое на план есть мир, — мир, доступный чувственным органам человека. Эти органы и кладут первые начертания в плане (миросозерцании), мышление служит лишь дополнительным средством к чувствам. Еще несколько изобретений подобных телескопу и микроскопу, сказал Фонтенель [17*], и люди увидят себя избавленными от труда мыслить. Насколько счел бы он нас приблизившимися теперь к этой цели, если б он знал, что мы покрываем наш земной шар линиями электрических телеграфов, уничтожающими ощутительным образом для мысли две, по Канту, первые ее формы: время и пространство!.. Умозрение применимо лишь к тому, что недоступно непосредственно, *то есть: сразу,* простому зрению, или вообще ощущению, частью по обширности, частью по мелкости (инфинитезимальности) своей. Ему дела нет до ясно видимого, достоверного, а только до того, что смутно, сбивчиво внимаемо нами в себя, где мы не чувствуем, а чуем, о чем у нас споры, сомнения, противоречащие друг другу предположения или догадки.

— Но откуда предположения, разбором которых занят ум?

От того отправления, которое называется фантазией, воображением, могло бы, мне кажется, еще выразительнее быть называемо соображением, и которое состоит в сочинении в цельные, общие картины (планы) образов явлений, внимаемых нами в себе посредством чувств постепенно, по частям. Лишь когда воображение путается в сложении некоторых образов, наступает деятельность ума-рассудка, аналитики или критики, дающая для построения геометрических форм воображения свои алгебраические формулы. — В образах ум разбирает именно неясно видимые, загадочные, спорные их межи, очерки, пределы. Он разнимает образы (по-гречески называемые идеи), оспаривающие друг у друга место, и поэтому называется разум (от слова: разъять); он разделяет между ними места, стараясь дать каждому свое, и поэтому Немцы называют его способностью деления (Urtheilskraft); он определяет, как какому образу следует быть, чтоб все могли уместиться в одном плане мира, или, как простонародно говорят, в голове человека.

Те части нашего плана мира, в которых образы улеглись без труда, без умственного напряжения, не отмечаются у нас в памяти яркой краской. Об них мы отзываемся: «само собою разумеется». Нам остаются памятны, замечательны, дороги только некоторые пункты в тех областях, где мы долго не

могли догадаться, как согласовать представившиеся противоречия. Эти пункты межевые ямы вырытые вследствие тяжб, озадачивших, поставивших было в тупик нашу думу-суд. Их называем мы нашими убеждениями; их касаться мы не охотно позволяем.

Но хотя богатство знания человека состоит в памятовании лишь того, как решается известное количество затруднительных случаев или вопросов, встретившихся людям при сочинении их миросозерцания (общественного мнения, sens commun тож), тем не менее все миросозерцание, весь план мира в каждую минуту присущ человеку.

Чтоб быть в состоянии действовать энергически хоть в одной малейшей области, ему нужно иметь уверенность, что в целом его плане нет погрешности, что этот план все обнимает, вполне соответствует действительности, словом, что нет ничего *неизвестного* человеку. Такая вера, говорю я, нужна каждому для решительности в действиях, если б он был и величайший специалист: каждый из нас более или менее ясно сознает, что нам надобно знать все части мира, хотя бы уже для того только, чтоб уметь определить, которые из них имеют влияние, которые нет, на нашу специальность; кому не все вообще известно, тот и ничего частного не может знать в совершенной подробности. — Без чего, по нашему мнению, нам нельзя или очень трудно быть, о том мы весьма склонны думать, что оно действительно есть у нас; поэтому большинство людей полагает, что оно имеет это необходимое для твердости в действиях знание.

Деловые люди никогда и не ищут неизвестного. Когда такое, что они еще ни разу не видали, является перед ними, оно предстает пред ними без их спроса, не по их воле, случайно. Доселе не только

И ненавидим мы и любим мы случайно,

но и познаем точно так же.

Случайно — значит: вследствие либо того, что предметы переставились, изменили свое положение относительно к зрителю, что они повернулись к нему новыми сторонами, очутились его глазам в новом свете, либо что сам зритель безнамеренно переменил свое место, свою точку зрения.

Вспомним, что для того, чтоб человек взял живо во внимание являющееся перед ним, оно должно показаться ему сколько-нибудь особенным (sonderbar, vom Uebrigen sich absonderend, abstehend), странным, чуждым, противоречащим всему ему дотоле привычному, несовместным со всем ему дотоле знакомым. — К нам чуждому мы сначала не благосклонны; уже самое открытие существования чего-либо нам бывшего неизвестным обличает, что до тех пор наше воззрение на мир было недостаточное. И поэтому первое естествен-

ное наше побуждение при встрече неизвестного отрицать его, уничтожить; второе, если опровергнуть действительность нового нам не удается, — стараться открыть и доказать, что оно ничто иное как с первого взгляда не узнанный нами один из давно уже знакомых нам предметов. Поэтому наш первый вопрос: Что такое? Was ist das? Qu'est-ce que c'est? — В этом вопросе первое местоимение (Что, Was, Qu'est) означает предметы внесенные в наше миросозерцание, вторым (Das, Такое, Ce que c'est) указываем мы на подлежащее вниманию или чувствам. Не о самом бытии неизвестного спрашиваем мы; мы озабочены лишь узнать, *которое* одно из известных; мы с самого приступа хотим определить неизвестное как нечто известное. А это именно доказывает существование в нашем уме предположения, что нам *все* известно.

Если нам удалось либо опровергнуть действительность нового, либо подвести его под имеющиеся у нас в голове готовые образы, роды или понятия (три слова означающие, по мне, одно и то же), дело внимания нашего кончено, оно отворачивается от предмета. — Но если ни то, ни другое не удается, тогда начинается для нас работа: — Пришельца надо определить, пристроить к месту, вселить в составленный нами себе план вселенной, для того чтоб этот план был верный снимок действительности, а в нем все места оказываются занятыми! — Чтоб очистить новому образу уголок, нам приходится перестановить, перестроить прежде приобретенное. Тогда-то мы поднимаем старину, и то о чем мы думали, что оно само собою разумеется, и дела почтенные нами конченными и как таковые отложенные в архив памяти, мы перебираем, тревожим эти понятия, требуя от каждого из них отчет, почему оно так, а ни уже ни шире, расположилось в нашей голове.

Только по поводу *случайно* находимого нами нового, обращаем мы внимание на понятия, принятые нами издавна без критики, и на однажды решенные вопросы, и открываем, что живя на них, мы жили на недоразумениях, на недоговорках, под одними и теми же словами представляли себе разное, и наоборот, — из чего происходили раздоры внутри отдельных людей и в обществах.

Но вот наконец нам удалось уместить старые и новое понятия в одной общей раме (обобщить), и мы празднуем, думая, что вот теперь-то наконец у нас все окончательно в голове улажено, мы *догадались*, как что к чему в мире относится, наша игра в grande patience, называемая Система, вышла, остается только приложить ее к делу, поставить предметы в их нормальные взаимные отношения... А тут, смотришь, снова выказывается какая-нибудь невидаль, требует быть принята в соображение, в план, не находит себе в нем

места свободного от постоя, и — нам снова приходится перетасовать карты, приняться за переделку Идеи...

— И вечно будет так итти?

Мыслить значит определять; определять значит отыскивать пределы. Поэтому, что метафизики ни говори, ничто бесконечное, беспредельное не постижимо мысли. — В деле нашего умственного развития нельзя не принять, что как бы обширен ни был мир, подлежащий нашему распознаванию, он однакож ограничен, потому что наши органы, каждый в своей сфере, не беспредельно воспринимают. Нельзя и допустить также, что число всевозможных перестановлений предметов относительно к человеку никогда не будет исчерпано, т. е. придет же когда-нибудь время, в которое они уже не будут представляться нам с еще невиданных нами сторон. — Когда все доступные человеческому вниманию предметы будут внесены в память во всех своих разных видах, когда мы все разом обоймем, окинем взором, тогда будет и последний суд, последнее рассуждение, окончательное определение, размещение, устройство (в мире человеческом, на планете Земле).

Но пока мы не убеждены, что для нас подлинно уже ничто не ново под луною, мы в рассуждениях наших похожи на судей, которые не уверены, все ли обстоятельства дела им раскрыты и которые оттого, по справедливости, не могут полагать безапелляционных приговоров. Наши системы, наши классификации доселе ничуть не положительные, а предположительные; они держатся именно на той гипотезе, что опыт впредь не откроет ничего что бы уже не было известно или противоречило доселе известному. Они все более или менее тщательно разработанные пропедевтики («начальные основания», «элементы» наук), но далеко еще не энциклопедии.

Это следовало бы нам постоянно держать у себя в памяти, чтоб не *заключать* наши понятия в замкнутые, принудительные, абсолютные системы с тою же спешностью, с какою мы сами смыкаемся в безусловные союзы. — Это следовало бы нам не упускать из виду, чтоб быть в состоянии итти вперед — к цели нашей — с отверстыми объятиями всему новому, что может встретиться нам на пути.

Но поныне мы совершенно одинаково поступаем в сочетании мыслей и в сочетаниях самих себя, в обобщении понятий и в общениях или обществах людских. И там и тут наш образ действий отзывается юношеством. В познании равно как в практической жизни мы бредем наугад, встречаем новое, и первое наше чувство притом обыкновенно — негодование, досада, — именно на новое во имя стародавнего, оседлого, приобретенного, которое мы считали за все (pars pro totum). Когда мы не можем не признать действительность

нового, то второе наше чувство обыкновенно опять досада, но в этот раз на старое, за то что оно сперва казалось нам целостным, а потом оказалось несостоятельным против нового. Последнему мы тогда не только даем место, но ставим его превыше всего остального, делаем его *господствующим* над всеми прочими нашими понятиями, представителем всех их (pars pro totum). Так мечемся мы из спиритуализма в материализм, из идеализма в эмпиризм, и обратно. В Библии рассказывается, что Иаков однажды ночью встретился с незнакомцем. Они немедленно вступили в борьбу и боролись до рассвета. Наконец Иаков увидел, что ему не одолеть незнакомца. Этот намерен был удалиться. Иаков задержал его и просил, перед отходом дать ему свое благословение. — Это эмблема всего нашего образа действия поныне. — Не только непросвещенные, но и ученые между нами по большей части не скептики, а безусловно во что-нибудь верующие, фанатики, и поэтому судят то милостиво, то гневно. А между тем не патетический, но именно скептический взгляд на свое рассуждение следует каждому писателю желать от читателя. Только с скептиком можно желать вступить в рассуждение. С людьми же мнений уже завершенных, или как Немцы говорят: готовых (fertig), а Французы: остановленных (arrêtées), можно с самых первых слов находиться только либо в полном согласии, либо в страстной вражде; в обоих случаях нечего рассуждать.

...Согласовать скептицизм с врожденною человеку потребностью деятельности, с неискоренимыми влечениями его сердца, самое важное, но и самое трудное дело. В других, но более изношенных словах, это — согласовать теорию с практикой, сделать умозрительные натуры деловыми, а практические не ослепленными фанатиками. Не повторю здесь прекрасные страницы, написанные об этом предмете Жорж-Зандом в предисловии к изданию «Исповеди» Руссо, сделанному Шарпантье; эти страницы известны и многими по достоинству ценимы в России. Скажу только, что, по мне, человек последнее произведение Природы, существо чрез которое она стремится устроиться в нормальный порядок, естественным образом желает все, что бы он ни делал, сделать хорошо, т. е. окончательно, в совершенном виде, полно, целостно, прочно, вековечно, так чтоб ему не надобилось впредь возвращаться на однажды соделанное и переделывать его. Равнодушие к тому, худо ли, хорошо ли что делаешь, признак животности; человеку оно не свойственно. Вследствие этого равнодушия животные никогда ничего и не оканчивают, не завершают, не решают, не заключают, а остаются при одном и том же образе действия *. Только

* Эта неизменность принимаема сентиментальными поклонниками Природы за знак непогрешительности инстинкта животных, который

человек покамест переходит от одного быта к другому, из одного рода действий (периода) в другой, прогрессирует, — но отсюда и торопливость, страстность, нетерпимость в человеке, не видимая в животном. Человеку труднее терпеть; терпеть, страдать для него одно и то же.

Нетерпимость — это фанатизм, терпеливость — скептицизм.

На первый взгляд тут непримиримая противоположность. Но всматриваясь пристальнее, видишь, что скептицизм требование лишь временное, именно нашего века. Скептицизм не противится деятельности вообще, он не только не препятствует делать опыты, но даже вызывает к тому. Чего он не допускает, это безусловных постановлений, торопливых заключений из ряда опытов, своевольного со стороны человека завершения одного какого-либо периода и перехода в новый. Скептицизм требует, чтоб заключение само собою вытекало из фактов, невынужденно, даже неожиданно для человека, так как является последнее уравнение (то именно «что требовалось доказать») в теоремах геометрии доказываемых синтетическим путем. Нахожусь ли я в эту минуту перед заключением одного периода моих действий, моих исследований, моей жизни, этого я теперь, в эту минуту, не могу знать и узнаю лишь тогда, когда увижу себя уже вступившим в новый период. — Старайся устроить все так, чтоб оно могло стоять вечно, говорит скептицизм, служить постоянным и общим правилом для всего тебе известного, но помни притом, что ты делаешь не более чем опыт; и потому, если тебе откроется что-либо новое, которому тесно под сводом твоего здания, которое не подходит под твое правило, то не гони, не казни это новое, а расширь твое здание, обобщи твое правило, чтоб и нововстретившемуся было в нем место. Несмотря на труд переделки, у тебя есть причина радоваться появлению нового: пусть бы лишь скорее все уполномоченное на жизнь в человеческом мире предъявило свои права человеку. Тем скорее ему удалось бы установить окончательный порядок, который не может быть ни для чего частного порознь или исключительно, а может быть только всеобъемлющ.

2) «Даром получили, даром и давайте». Евангелие от Матфея, гл. X, ст. 8. — Proudhon, Qu'est ce que la propriété — Premier memoire, ch. III. § 7.

они вследствие сего превозносят над умом человеческим. В самом же деле животные не лучше, а еще хуже чем люди, устроили себе жизнь. Ссылаются на сочинения К. Фогта «Bilder aus dem Thierleben» (стр. 322—3) и «Thierstaaten» [184]. Уже самое заглавие последней книги показывает, что, по исследованиям приводимого мною ученого натуралиста, Государственный быт не составляет исключительную принадлежность человеческого рода. Не должно только отсюда заключать, что животные человекоподобные, умны как люди, а, наоборот, что оставаться вековечно в Государственном быте подобает животным.

3) Нет добросовестного Русского, который стал бы утверждать, что его отечество уже теперь действительно благоустроенное государство. Покамест Россия это только на вид, и именно со времен Екатерины II, которая первая указом 1765 года о размежевании *закрепила* поземельные владения в поземельную собственность.

4) Streit der Kritik mit Kirche und Staat.

5) У древних Римлян слова proprietas (собственность) и auctoritas (власть, владычество, владение) были однозначительны, говорит Вико в своих «Principi Scienza Nuova».

6) Ср. Ев., Матф. гл. XX, ст. 25—27: «Иисус сказал: вы знаете, что князья народов *господствуют* над ними, и вельможи властвуют ими. Но между вами не должно быть так, а кто из вас хочет быть большим, тот будь вам слуга».

7) Ев. Матф. XIX, 16—25.

8) Там же и X, 9, 10.

9) Ев. Матф. VI, 12: «Прости (остави) нам долги наши, как мы прощаем должникам нашим».

10) Тайная вечерь.

11) Ев. Матф. X, 34—35.

12) Там же XI, 5.

13) Ев. Марка I, 45; Иоанна VII, 1 и др.

14) Ев. Луки IV, 6.

15) Ев. Матф. III, 5.

16) Там же IV, 2: «И постившись 40 дней и 40 ночей, напоследок взалкал. Тогда» и проч.

17) Там же XXII, 15—22.

18) «Когда же пришли они в Капернаум, то собиратели подаяния на храм подошли к Петру и сказали: Учитель ваш не даст ли две драхмы? Петр говорит: даст. И когда он вошел в дом, предупредил его Иисус, говоря: Как тебе кажется, Симон? — Петр говорит ему: с чужих. — Иисус сказал ему: И так сыны свободны!.. *Но чтобы нам не соблазнить их,* поди на море, брось уду, и первую рыбу, которая попадется, возьми; и открыв у ней рот, найдешь статирь (4 драхмы). Взяв его, отдай им за меня и за себя».

19) К словам: «Христос наконец был казнен как Государственный преступник», прибавляю выражение из Ев. Луки XXII, 37: «И к злодеям причтен», причем прошу взглянуть на 6 строку сверху 16 стр. текста статьи [19*].

Точно так же как в прошедшем столетии много рассуждали о вопросе: представляет ли Гомер единичное лицо или следует под этим именем разуметь совокупность рапсодов, воспевших осаду Трои, так в наш век поставили вопрос: Существовал ли действительно Иисус Христос или следует отнести все что о нем гласит предание к судьбам первой христианской общины? — Штраус, в знаменитой своей книге: «Le-

ben Jesu», принимает первое, Бруно Бауер, в «Kritik der Synoptiker» и «Kritik Johannis», второе мнение.

20) Деяния Апостольские, VII, 59; VIII, 1, 3; IX, 1.

21) Послание к Римлянам, XIII, 1—7.

22) См. письмо к Гоголю, напечатанное в этом обозрении, стр. 68. [т. е. в I кн. «Полярной Звезды»].

22 bis) См. «Les Cesars» par le etc. F. de Champagny, Paris, 1853. t. 2-me, pg. 397—8.

23) Ев. Матф. VI, 20.

24) Там же XXVI, 52.

На аксиоме, — сказано в статье, — что значительное число случайностей, вместе взятых, выходят из-под зависимости слепого, непредвиденного случая... основаны все нынешние частные общества застрахования. — Надобно прибавить: — И не только страховые общества; отсюда само нынешнее право частной собственности заимствуют всю прелесть, которую оно имеет для людей. Прелесть эта состоит в чувстве обеспеченности насчет насущего хлеба. А почему собственник обеспечен в этом отношении? — Потому, что он имеет в своем распоряжении, под рукою (скипетром), кроме своих собственных рабочих сил, рабочие силы еще несколько людей. Чем больше число тех, жизненными силами которых богач в силах помыкать, рисковать, — которые должны изнуриться, обанкрутиться, пока он ощутит недоимку, тем более его положение обеспечено. Разница между помещиком и обладателем движимых капиталов состоит в том, что первому трудно не знать, кто именно выращает проценты, составляющие его доход. Оттого у капиталистов совесть гораздо спокойнее чем у поземельных владельцев: «они не знают что творят»; ведь может быть их целковики, лежа у банкира, сами рожают гривенники, из которых составляется их годовой доход!

Этим-то и дурно нынешнее общественное устройство, что существование *одного* человека может быть обеспечено тогда лишь, когда он в состоянии рисковать жизнию *нескольких* людей. — И как этакая прелестная беспечность достигается! — Просто тем, что собственник наляжет, сотворит налог, на свой капитал, на орудие производства, как в басне Крылова собака на кипу сена, сам не ест, не потребляет его, но и другим не дает, иначе как под условием: «да поклонишься и послужишь мне». — Но разве в самом-то деле положение сторожа многим чем завиднее положения затворника? Собака, лежащая на сене, не смеет отлучиться от него, так же как вол не в силах оторваться от него, когда у вола нет в виду иной пищи. — И так люди привязаны к вещам, не вещи подчинены людям, и древний стих Горация:

Mihi res, non me rebus
Committere conor [20*]

остается pium desiderium [21*].

Ни узником, ни тюремным сторожем не хотел бы я быть; а желал бы жить в таком обществе, в котором мне не нужно было бы не только ничего не запирать под замок, но и ничего не носить при себе в карманах, имея уверенность, что коль скоро мне захочется иметь что-либо для моего собственного потребления, мне стоит только приняться за работу и что я найду ее себе, если примусь искать; — я желал бы жить в обществе, где бы мог сказать беззаботно: omnia mea mecum porto [22*].

25) Заимствовано из сочинения: «Russland und die Gegenwart», изданного в 2-х томах (если не ошибаюсь) в Лейпциге в 1851 г. и приписываемого г. Буддеусу.

26) Кн. Неемии, глава V.

27) Кн. Левит, XXV; — заметьте особенно ст. 23.

28) Заимствовано из удивительной брошюры: «Le Bilan de la France ou la Misère et le Travail», par Perreymond. — Paris, librairie phalansterienne, 1849 (pg. 43).

28 bis) См. в Guizot, «Cours d'Histoire de la Civilisation en France», построчное сравнение описания нравов древних Германцев Тацита с описанием нравов американских дикарей.

29) Развитие человечества похоже на обращение солнца вокруг земли: Как солнце никогда не переступает за Поворотные круги, так и человечество не идет дальше известных пределов нравственной высоты. Приведите к одному знамена-телю достоинство отборнейших людей — представителей человечества, являвшихся в разных периодах истории, и вы найдете, что они равны между собой, что в их лицах человечество каждый раз достигало одной и той же высоты.

Но вот в чем разница между обращением солнца и развитием нашего рода: — Солнце обращается все в одних и тех же пределах не только по одному измерению, от северного тропика к южному, оно и по другому измерению, в ширину, от Овна к Весам, описывает постоянно одну и ту же линию, Эклиптику. В человечестве же, хотя и не развиваются в позднейшие времена личности высшие чем являвшиеся в предшествовавшие века, но *количество* личностей, достигающих известного уровня нравственного развития, увеличивается с периода на период. Так. обр. линия развития человечества имеет вид эллипсиса, только не сомкнутого, а постепенно расширяющегося в круг (спирали). — Глядя на эту линию с односторонней точки зрения, упуская из виду расширение человечества, поверишь, что движение человечества в самом деле ничто иное как метание со стороны в сторону, прилив и отлив.

Чем эллипсис уже, тем повороты в нем круче, тем они более перевороты, переломы в движении, тем больше раз человечество должно начинать снова свой переметный путь от одного поворотного круга к другому.

Лишь когда эллипсис превратится в круг, движение человечества пойдет плавно, мирно.

Перейти из движения эллиптического в круговое, зависит от передового отряда человечества, каждый раз, когда он достигает высшей точки своего развития, точки поворота. Будет этот авангард замыкаться, стараться исключить из себя остальных людей, он снова круто повернет, снова будет сжат по бокам теми, которых он отринул от себя, и следовательно снова опишет эллипсоид. Но разомкнись он, простри он свои объятия всему роду, и крутым переломам в движении человечества конец.

30) Auguste Comte, автор системы Положительной философии и глава de société positiviste, которой сочинения издаваемы в Париже à la librairie scientifique — industrielle de L. Mathias, 45, quai Malaquais.

31) Ричард Львиное Сердце заложил свои регалии чтоб достать денег на крестовый поход.

32) См. ряд статей в «Patrie» января 1853 г. Lorambert'a под заглавием: «L'industrie française».

33) «Продажей государственных имуществ (biens nationaux) в 1789 году 30 000 больших поместьев принадлежавших духовенству, дворянству, короне и общинам были раздроблены между 1 220 000 собственников» (См. La Presse du 22 janv. «Du Morcellement de la rente», par Paradis).

34) См. первые страницы его книги «La Politique universelle»: — De toutes les puissances de l'ancien continent, une seule depuis la chûte de l'empereur Napoléon, une seule empêche la paix de s'affermir et de se transformer en régime definitif, au lieu de n'être qu'une trêve dispendieuse; une seule inquiète tous les autres peuples dans la conservation de leur indépendance et de leur nationalité: c'est la Russie». (Из всех держав древнего света одна только, со времени падения Наполеона, мешает миру установиться и заступить место дорого стоящего нынешнего перемирия; одна только тревожит все прочие народы, угрожая их независимости: это Россия.)

35) Ср. Шиллера статью: (Etwas ueber die erste Menschengesellschaft nach dem Leitfaden der Mosaichen Urkunde».

36) Г. Рейф, в своем Этимологическом Лексиконе русского языка, просмотренном г. Гречем, производит слово *Свобода* от *свой* и *буду*. Это напоминает производства слова domestique от: дом мести, а кабинет от: как бы нет. — Слово же *слобода* по этим филологам ничто иное как искаженное (altéré) свобода. На самом деле *свобода* происходит от *слобода*. Сам г. Рейф замечает, что слобода значит: grand village d'une seule rue qui jouit de quelque franchise; longue rue, faubourg d'une ville.

Всякому знающему Россию не только по книгам и кан-

целярским бумагам известно, что ни в каком народе буква Л не картавится так часто в В, как в русском, перед гласными: А,О,У. Во всем северо-восточном крае России заселенном Новгородским племенем, не услышишь от крестьян *свобода, свободный*, а: *слобода, слободный*. — Уже потому явно, что *свобода* происходит от: *слобода*, что наиболее отвлеченные слова являются всегда наипозже в каждом языке, а *свобода* представляет, надеюсь, понятие гораздо более отвлеченное чем *слобода*, Freistadt. — Последнее, в свою очередь, происходит от *слаб* (соответствующего немецкому schlaff, шведскому slapp). Слова вообще появляются в языках попарно; выражение: *Немец* явилось, напр., единовременно с именем: *Словенин*. Так и *слабость, слободность, свободность* возникли как антитезы к: *крепость, крепостное* (состояние). — Когда — не говорю уж петербургские академии, а — яростные русские патриоты, Словенофилы, издадут изрядный словарь своего языка? — Или такой труд можно ожидать только от вольной русской типографии? — Неужели и Лексикология не может преуспевать под царским гнетом?.. Видно это так; и замечательная книжка: «*Карманный словарь иностранных слов в русском языке*» (изданная в 40-вых годах) [23*], не более чем исключение подтверждающее правило. Впрочем не стоит большого умственного усилия, чтоб понять причину: Лексикология то же самое для словесности народа, что анатомия для медицины. Как анатомия так и лексикология (или этимология) могут преуспевать только тогда, когда они ведены путем *сравнительным*, рациональным. А чего-чего не выведешь из сравнительной, рациональной анатомии языков! — Ведь номенклатура (наименование) предметов первая их классификация, сортировка. Простым нарицанием и указанием предметов началась речь человеческая; тем же она и кончится; конец будет похож на начало. Фразы или предложения суть только нечто промежуточное между первобытною номенклатурою предметов и окончательною. Фраза существует лишь вследствие того, что человек находит первоначальное наименование предметов недостаточным; мне стоит поставить рядом какое бы то ни было подлежащее связь и какое бы то ни было сказуемое, чтоб этим самым уже выразить порицание существующей номенклатуры в языке, которым я говорю. Какой смысл может иметь каждое из произносимых мною грамматических предложений, если не следующий: «Мне кажется, что подлежащее (А) должно означать сказуемое + или — В (быть связано с ним), но как + В или — В *само собою не разумеется* под словом А, то считаю нужным высказать или выказать (указать, доказать) это, дабы впредь слово А всегда в уме моего слушателя *сочеталось* с сказуемым или *прилагательным* В + или — !»

Но отсюда явно, что всевозможные фразы, произносимые в каком-либо народе (язык тож), имеют свою причину бытия в его номенклатуре, словаре, точнее сказать: в его этимологии, словопроизводстве. Означаются ли два каких-либо предмета на одном языке двумя сродственными между собою звуками или, напротив, двумя совершенно друг от друга разными, я тотчас в праве заключить, что первый народ ставит те два предмета в одну группу считает их за одно, между тем как другой принимает их как две различные единицы. Так. обр. словарь представляет основу, канву всего образа мыслей народа, излагать который цензура дозволяет лишь под известными условиями.

37) Из поэмы: «Братья Разбойники».

38) В дальнейшей индивидуализации, говорит Гервинус в «Введении к истории XIX столетия». — «Аугсбургская газета» говорит: «Нам, напротив того, кажется, что по закону развития цивилизации, общества подобно нашим уже перешедшие свою апогею, непреодолимо стремятся еще раз сплотиться под влиянием единодержавия». (Beilage zum Blatt vom 20 Oct. 1853.)

39) Вот слова Фейербаха: Alles ist ja nur, weil es nothwendig ist, Alles entsteht nur aus Noth, Mangel, Bedürfnisz. Selbst der Luxus verdankt nur dem Bedürfnisz seinen Ursprung... Das beschränkte, unvollkommene Wesen ist allein produktiv denn ist zeugungskraeftig; aber das vollkommene Wesen ist befriedigt in sich, hat also keinen Trieb und Grund zur Schöpfung, und Zeugung, wenigstens eines anderen unvollkommenen Wesens» (Sämmtliche Werke, Bd. V, S. 211) [24*].

Прудон говорит в «Philosophie du Progrès»: «il n'y a rien pour un être hors de sa plenitude, qui est sa glorification, pas plus qu'il n'y a de complement à l'univers» (pg. 87) [25].

40) De l'humanité.

41) Consuelo, La comtesse de Rudolstadt.

42) Max Stirner, Der Einzige und sein Eigenthum [26*].

43) К нигилизму дошли с двух весьма разных точек отправления античный философ Артур Шопенгауэр (которого главное творение: «Die Welt als Wille und Vorstellung) [27*] и критик Бруно Бауэр. — Русским может быть будет интересно узнать, что г. Бауэр их считает орудиями, предназначенными к приведению всего что ни есть к нулю. Это изложено в его книге: «Russland und das Germanenthum» [28*].

44) Не странно ли, что Штирнер, проповедник эгоизма, а О. Конт, превозноситель любви к ближнему под именем altruisme'a, сходятся в утверждении, что человечество (в западной Европе) теперь переходит из возраста юношеского в возмужалость?

ПРИМЕЧАНИЯ

1*. Так перевел Энгельсон заглавие знаменитого курса Гизо «История европейской цивилизации», который он внимательно изучал. Из дальнейших ссылок на Гизо выясняется, что Энгельсон полагал, — и совершенно справедливо, — что этот политический слуга реакционной буржуазии в своих исторических трудах вскрыл такие тайны истории и происхождения власти буржуазии, которые полезно знать широким народным массам.

2*. «Боюсь данайцев даже тогда, когда они приносят дары».

3*. Эдгар Бауэр (Bauer) — немецкий публицист, видный представитель лево-гегельянцев в 40-х гг.; его основное произведение того времени — книга «Борьба критики с церковью и государством» (1843 г.), за которую он был приговорен к четырем годам тюрьмы.

4*. Зондербунд — особый союз; так назвали в 1846 г. свой союз швейцарские реакционные кантоны, объединившиеся для борьбы с радикальным центральным правительством Швейцарии и поддерживавшими последнее прогрессивными кантонами.

5*. Канкрин Е. Ф. — министр финансов Николая I; умер в 1845 г.

6*. Жирарден Эмиль — французский беспринципный журналист, основатель «жеклой» прессы и политикан-делец, менявший убеждения и программы применительно к интересам своих газетных предприятий. В начале 50-х гг. он считал нужным выступать в качестве социального реформатора и выпустил книгу «Le socialisme et l'impot». Paris, 1850 («Социализм и налог»); в ней он предлагал налоговую реформу, которая бы «заменила государство колоссальной компанией взаимного страхования». Этот проект Жирардена и имеет в виду Энгельсон, наивно ставя его автора на одну доску с Фурье и Прудоном. Подробнее о проекте Жирардена можно прочесть в VIII т. сочинений Маркса, подвергшего его беспощадному осмеянию.

7*. Du Guesclin (1320—1380) — полководец Карла V из мелких дворян, победоносно руководивший наемными войсками короля в борьбе его с феодальной знатью.

8*. Казнь (в 1632 г.) Генриха Монморанси, представителя одного из древнейших французских владетельных домов, кардиналом Ришелье, фактическим правителем государства, была одним из драматических эпизодов борьбы за укрепление королевского абсолютизма против феодальной аристократии.

9*. Кольбер, знаменитейший из руководителей финансовой политики Франции XVII в., представлял интересы торгового капитала и королевского абсолютизма в их борьбе с феодальным землевладением.

10*. Квинтилиан, римский писатель и прославленный учитель риторики I в., говорил, что «поэтами рождаются, ораторами же становятся».

11*. Энгельсон, называя ее не точно, имеет в виду книгу Bernhardi (1802—1887), немецкого историка и политэконома: «Versuch einer Kritik der Grunde, die für grosses und kleines Grundeigenthum aufgeführt werden» («Опыт критики соображений в пользу крупной и мелкой земельной собственности»), вышедшую в Петербурге в 1849 г. Бернгарди долго жил в России, но петербургским академиком не был.

12*. «Рыбаки» Д. В. Григоровича появились в 1853 г. и, как роман из народной жизни, были очень сочувственно встречены в кружке Герцена, как о том свидетельствует написанное им предисловие к немецкому переводу романа.

13*. Неволин К. А. — юрист, профессор Петербургского университета, его «Энциклопедия законоведенья» вышла в 1840 г.

14*. Стихотворение Пушкина приведено автором не полно (с пропуском второй строфы) и не точно: в последнем стихе у Пушкина не «однообразный», а «однозвучный». Подчеркивания: **«пусто»** и **«тоскою»** сделаны самим Энгельсоном.

15*. «Всюду я — чужой», строка из стихотворения Шиллера.

16*. «И если обрушится вселенная, ее развалины увидят тебя неустрашенным» — из оды Горация Августу.

17*. Fontenelle — французский мыслитель XVII—XVIII в., автор широко распространенного рассуждения «О множественности миров».

18*. «Картины из жизни животных» и «Государства животных» Карла Фохта, немецкого естествоиспытателя и политического деятеля, эмигранта после 1848 г., друга Герцена и личного знакомого Энгельсона.

19*. «6-я строка сверху 16 стр. текста» в «Полярной Звезде» гласит: «Все с нами и за нас, кроме незначительного числа злодеев... (Стр. 50, строка 21 наш. издания).

20*. «Стремлюсь, чтоб вещи подчинялись мне, а не я вещам».

21*. «Благое пожелание».

22*. «Все мое со мной».

23*. Автор имеет в виду тот самый словарь, изданный Н. С. Кирилловым в 1845—1846 гг., в котором ближайшее участие принимал Петрашевский и который самим Энгельсоном был охарактеризован в его статье о последнем.

24*. Перевод: «Все существующее создано необходимостью, все создается только нуждой, недостатком, потребностью. Даже роскошь рождена потребностью... Только ограниченное, несовершенное существо — производительно, и только страстное желание обладает творческой силой; совершенное существо удовлетворено в себе и потому не имеет никакого стремления и основания к творчеству и созиданию, по крайней мере, другого не совершенного существа» (Сочинения, т. V стр. 211).

25*. Перевод: «Каждое существо стремится к полноте, которая есть высшая степень его развития, хотя во вселенной и нет совершенства» («Философия прогресса», стр. 87).

26*. Штирнер — немецкий публицист из школы левых гегельянцев, родоначальник индивидуалистического анархизма; его упомянутая в тексте книга «Единственный и его собственность» (1844 г.) — проповедь ничем не ограниченного индивидуализма.

27*. Шопенгауэр — немецкий философ, пессимистическая философия которого была «открыта» интеллигенцией после поражения революции 1848 г. и послужила в ряде случаев идейным знаменем, под которым происходил ее отход от политической активности и отказ от революционных убеждений и борьбы. Основной труд Шопенгауэра, упомянутый в тексте, «Мир как воля и представление» вышел задолго до революции, но тогда не обратил на себя внимания.

28*. Бруно Бауэр (Bauer) — брат упомянутого выше Эдгара, левый гегельянец, в ряде работ 40-х гг. подверг исследованию достоверность христианской легенды, в 50-х гг., между прочим и в упомянутой в тексте брошюре, выступил с безнадежным взглядом на будущность европейской цивилизации и с апологией российского варварства и патриархализма, как силы обновления и освежения человечества. Кончил в лагере реакции.

II

ПРОКЛАМАЦИИ

ВВОДНАЯ ЗАМЕТКА

Все четыре прокламации Энгельсона были напечатаны Герценом в «Вольной русской типографии» в Лондоне в течение января — апреля 1854 г. и в том именно хронологическом порядке, в котором они напечатаны в нашем издании. Печатались они в 8-ю долю листа и имели вид брошюр без обложек в 4, 6, 14 и 8 стр. На всех имеется дата — 1854 г., а на последней даже более точная: «Апрель 1854 г.». Первая и третья не подписаны, под второй и четвертой поставлены в виде подписи буквы *В. А.* (эти буквы находятся, повидимому, в связи с шутливой подписью, которой подписал Энгельсон — переводя свою фамилию с немецкого на русской язык — одно из своих писем Герцену: «Воля Ангелов»). Место печати, «Вольная русская типография в Лондоне», указывалось — согласно английским законам о печати — на всех прокламациях, но затем с большинства экземпляров срезывалось.

31 января 1854 г. Герцен из Лондона писал М. К. Рейхель в Париж, где жил тогда и Энгельсон: «Сейчас поправил последнюю корректуру Э. статьи [т. е. «Первого видения св. отца Кондратия». *Л. К.*]. Она делает фурор между поляками: никто не знает, кто писал. Головин важно толкует, что это, верно, князь Гагарин [русский аристократ, принявший католичество и поселившийся во Франции. *Л. К.*]. Скажите Э., что я не рискнул не выставлять типографии,— за это здесь получим на табак; но русский человек находчив: я велел напечатать внизу, на самом краю, так что с употреблением известного инструмента, называемого ножницы, можно ампутировать. Как доставить несколько экземпляров автору? Остальные через турецкое посольство постараюсь в Молдавию доставить» (П. с. с., VIII, 3). В Молдавии было тогда расположено много русских войск.

Через несколько дней, 5 февраля, Герцен уже сообщал в Париж, что «статья Э. в числе 500 экз. отправилась вчера в Константинополь» и что «вторую посылку берет на себя» Маццини.

Уже 12 февраля Герцен получил от Энгельсона рукопись второй прокламации («Второе видение»). Энгельсон хотел, чтобы оба «Видения» были напечатаны вместе. Герцен отвечал: «Штука будет напечатана, но, во-первых, не вместе, а во-вторых, как она ни хороша, но такого действия, как первая, не произведет, а именно, Подарестыч [шутливое переиначивание отчества Энгельсона — Аристович. *Л. К.*] зацепил тут церковные постановления (похороны) [см. в самом конце второй прокламации. *Л. К.*], — не до того теперь дело, чтоб учить умуразуму, а учить злобе да непослушанию, и потому 1-ая проповедь — chef d'oeuvre. Да и счастье ей невероятное: я сейчас отправил еще две сотни в Балтийское море». На следующий день Герцен приписал: «Сейчас перечитал еще раз проповедь; она очень хороша, и, пожалуй, я ее перепечатаю с 1-й вместе, но как думает Э. Я возражаю против двух мест: о похоронах и рассказ о распятии; не лучше ли это в этом издании пропустить? Жду начальнических распоряжений» (П. с. с., VIII 11—12). Хотя Энгельсон и сам колебался по поводу указанных

Герценом мест своей прокламации (VIII, 58), но в конце концов они сохранились в печатном тексте.

Прокламация была напечатана сначала отдельным изданием, а затем и вместе с «Первым видением».

В феврале же Герцен получил и третью прокламацию Энгельсона. 23 февраля он писал: «Емельяна» получил сполна: он хорош, но, действительно, об ассигнациях много, а о крепостном состоянии мало. Конец и начало очень красивы. Дня через четыре он будет готов; но мне надобно еще знать, не лучше ли последние четыре стиха поисправить насчет их музыкальности; как-то рифма «царя» и «Николая» не идет, а впрочем, как повелит Арестыч» (П. с. с., VIII, 58). Заключительное четверостишье было, действительно, изменено.

Четвертую прокламацию («Второе письмо Е. Пугачева») Энгельсон привез в Лондон уже лично, в марте 1854 г. Она датирована апрелем 1854 г., но вышла из печати не раньше конца мая. Она возбудила некоторые споры между автором и Герценом, глухой намек на которые имеется в письме Энгельсона от 19 мая 1854 г. (см. в отделе «Письма», № 14).

Прокламации Энгельсона проникли в Россию частью обычным путем распространения заграничных изданий — через контрабандистов, но главным образом через русских военнопленных, возвращавшихся домой. 9 декабря 1855 г. новороссийский и бессарабский генерал-губернатор, писал шефу жандармов:

«В последней партии военнопленных, доставленных в Одессу из Константинополя, находился кинбурнский священник, от которого я получил представляемую при этом в копии брошюру под заглавием: Второе видение св. отца Кондратия. По словам священника, пленные с прибытием в Константинополь были завалены подобными брошюрами».

Вслед за тем военный министр переслал в III отделение с просьбой о расследовании «Первое письмо Емельяна Пугачева», полученное им от главнокомандующего южной армией, которому оно было доставлено вернувшимся из плена бывшим приставом. Прокламация была представлена царю и прочтена им. Надпись об этом имеется на копии прокламации, хранящейся в деле III отделения «О воззваниях, провозе оружия и других умыслах неприятелей наших, к произведению возмущений в России», начатом 27 февраля 1854 г. (на 47 листах, из которых 6—47 посвящены прокламациям Энгельсона*). На донесении военного министра шеф жандармов гр. Орлов сделал надпись, по обыкновению безграмотную, но решительную: «Нам известно у нас есть. Меры уже взяты и еще углубятся но по моему мнению у пленных смотреть у них могут быть даже невинно Строго». В связи с этим 30 декабря 1855 г. по жандармскому корпусу полетело следующее распоряжение: «Неоднократно получаемые были мной сведения, что заграничные злоумышленники всеми мерами стараются к распространению в России возмутительных сочинений на русском языке, печатаемых в Лондоне, в типографии изгнанника Герцена.

К предупреждению ввоза сих сочинений в наши пределы, сделаны были надлежащие распоряжения и старания злоумышленников не имели повидимому успеха; распоряжения эти не могли, однако, совершенно воспрепятствовать появлению в России помянутых сочинений и в недавнем времени оказалось здесь напечатанное в означенной типографии возмутительное воззвание, под заглавием «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому шлет низкий поклон». По крайне преступному содержанию сей брошюры тем более опасной, что способ изложения оной доступен понятиям простого народа, я во исполнение высочайшей воли, предлагаю в дополнение к отношению III отд. С. Е. И. В. К. от 21 июня 1853 г. за № 1302 прика-

* За разыскание этого дела и снятие копии с него для настоящего издания приношу благодарность Я. З. Черняку.

зать всем штаб-офицерам корпуса жандармов вверенного Вам округа разузнать строжайше, но совершенно тайно, не успели ли враги наши распространить у нас вышесказанное воззвание; о последующем донести мне. Ген. ад. граф Орлов».

С 23 января 1856 г. и по 9 августа 1857 г.—т. е. в течение почти двух лет — с разных концов России поступают донесения штаб-офицеров и начальников округов о безуспешности «разысканий» (листы 26—46). Лишь один раз удалось как будто напасть на след. Подполковник Грабя-Горский сообщил: «Приемлю честь почтительнейше донести Вашему превосходительству, что вредное сочинение под заглавием «Емельян Пугачев» действительно распространилось, хотя в весьма малом количестве между старообрядцами преимущественно в *Прочном Окопе;* но без огласки добыть их невозможно. Книжки эти выносятся из Харькова коробочниками и разносятся вместе с другим хламом по станицам, в которых и продаются в дни базарные и ярмарочные. В силу этих сведений я из Черномории прибыл в Прочный Окоп в субботу, чтоб быть в воскресный день на базаре; но к несчастию базар не состоялся, по причине ужасной непогоды и непроходимой грязи».

Так и кончились, несмотря на дальнейшие попытки сего Грабя-Горского, старания добраться до зловредных «коробочников», добыть сведения о воззвании. Он заканчивает свое донесение успокоительными уверениями в том, «что давно прошло то время безвозвратно, когда каждое более или менее вредное сочинение, а тем более возмутительное волновали казачество и ставили его в недоумение; ныне же при непоколебимой единодушной преданности и искренней любви к законному царю черноморских и кавказских казаков, никакие вредные сочинения не могут поколебать их в должной преданности престолу и государю. 11 февраля 1856 г. Ставрополь».

Как ни мало можно было верить этому донесению, Дубельт написал о «коробочниках» харьковскому губернатору и жандармскому генералу Богдановичу и получил в июле ответ от последнего о том, что воззвания перепечатывались и распространялись на Волге.

Таким образом, из сотен пленных, которые получили прокламации Энгельсона, только один священник да бывший пристав выполнили долг и представили их начальству. Между тем в революционной среде они не забывались. Есть сведения, что еще в конце 60-х годов эти воззвания перепечатывались и распространялись на Волге.

Первые две прокламации воспроизводятся нами по тексту изданного в Лондоне в 1863 г. сборника «Десятилетие вольной русской типографии». Третья и четвертая — по печатным подлинникам, хранящимся в Гос. библиотеке имени Ленина в Москве.

1

Первое видение св. отца Кондратия.

Душе моя, душе моя, восстани! что спиши?
Конец приближается, и имаши смутитися.

(Кондак на 1-ю седмицу святыя четыредесятницы).

Шедше во дни недавние старец благочестивый и богобоязненный, со св. молитвою во сердце и на устах, по земли Российстей. И слышен бе ему глас велий с небеси! И возведе старец очи горе. И узриша небеса разверстые и Силы Небесные сидящи у поднозия огнезрачного Престола Господня. И играша Херувимы на кимвалех, и вопиаша Серафимы ко Господу: Свят, Свят, Свят, Господь Саваоф, исполнь небо и земля славы Твоея, Осанна в вышних, благословен грядый во имя Господне. И взмолишася Архангели: «Едине человеколюбче! яко ты еси свят, такожде верно, что земли Российстей конец приближается и имать оная смутитися. Почто, Живодавче, гонеши народ Российстий?» И отвечах Владыко: Гонение наложихом на народ Российстий по то, что преступив он есть мою заповедь. Аз рех: Не сотвори себе Кумира, ни всякого подобия, елико на небеси горе, елико на земле низу, елико в водах и под землею, да не послужиши, да не поклонишася им. Народ же Российстий сотворих себе кумира в царе своем нечестивом Николае Гольштинском, иже вошед на престол Мономахов путем беззакония, уморив брата своего Константина и тем уподобихся окаянному Каину. И многия скверны сей царь бе соделатель во мнози лета своего царения. При восшествии на престол, повесил он Муравьева-Апостола, иже бе за народ и правду. Во Молитвословиях приказует нечестивец-царь имя свое печатать буквами крупными, Мое же имя возле его изображено печатию мелкою. Судьи его лихоимцы, чиновники грабители, народ отдан им и содержится им, царем, противно закону Моему, в крепости у дворян. Он же сам, яко Фараон, потешается токмо наборами рекрутскими, да поборами денежными, да потешными полчищами своими,

именуемыми Гвардия. И в еликом бы конце вселенные Моея народы Мои ни восстали во имя Мое, Христово, противу Фараонов своих, русский царь посылает туда свои полчища, своих лазутчиков и деньги, обираемые им с бедных крестьян на помощь царям, своим сродникам, на удручение слабых, но праведных мучеников за правду и закон Христовый. И глаголет сим мученикам, во Египетской гордости своей, русский Николай Фараон: «камо бежишь от лица моего? Аще возьмеши криле твои рано, и вселишиса на последних моря (сиречь в Английском государстве в тридевятом царстве) и тамо рука моя, глаголяемая милорд Абердин, попрет и сокрушит тя. Аще взыдешь на небо, тамо аз имам попов-пьяниц и монахов-развратников; аще снидешь во ад, и тамо имам отца моего Диявола, прежде век рожденного, нерукотворенного, иже везде сый и вся исполняяй, коего нарек аз Богом моим и о котором возглашаю: «С нами Бог, разумейте языцы, и покоряйтеся: яко с нами Бог».

И рек еще Господь Бог с высоты величия Своего Архангелем своим:

И Аз гнев Мой являх народу Россейстему почти каждый год с восшествия на престол Николая, Фараона Гольштинского. Насылах Аз на Россию то язву Холеру, то пожары, то глад велий, то падеж скотский. Но народ не внях знамениям Моим небесным и рек, по внушению царя своего нечестивца: «Се холера-язва не от Господа за грехи наши, но от Поляков». Тако надругается царь и народ русский над Польшею, распенши ее яко во время оно Мене распяли Ирод и жиды его. Ныне царь нечестивец, ощущая что и его житию приближается конец и что и он имат предстати на суд Мой, хощет надуть и Меня и ложию бесстыдною загладити, пред лицом Моим и людей, все грехи свои. На сей конец выдумах он, будто бы Аз повелехом ему изгнати Турков из земли Турецкой и заступитися за яко бы гонимую в Туречине веру Мою. И сие есть бесстыдная ложь и всуе приемлет окаянный имя Мое. Токмо корысть и гордость фараоновская гнездятся в сердце его, и прежде чем о правде и вере в иноземных странех заботитися, подобало бы ему, Николаю, соблюсти правду и закон в своей россейстей земле, в коей творятся беззакония и неправда, яко в Содомской стране.

И издах Николай манифест своему народу о войне с Туркою, и живо глаголах в нем, яко бы за подлинно он Николай бе царь благочестивый: «на тя, Господи, уповахом, да не постыдимся во веки».

И народ русский, омраченный, поверил вере и слову Николая, и поклоняется и служит ему, како только подобает служити и поклонятися Мне, ибо: Аз есмь Господь Бог твой, и да не будут тебе бози иние разве Мене.

И разослал Николай манифест свой во все страны земли, всех против Турки созывая и обещая добычею поделитися. И каждому царю рек Николай: «Тебя, брате, аз разумех под именем господа. На тя уповахом. Приди и помоги мне завладети Царемградом, чтобы и там воплотилася власть моя, развилися бы мои чиновнички и генералы. Аз тебе за помощь взятку дам».

Но ни единый из иноземных царей, кроме разве Австрийского Кесаря, не пошел на совет нечестивый, устрашася Меня и народов своих, кои суть глас Мой.

И тако идет ныне царь Николай един с своим богоотступным народом противу всех царей и народов Моих, чтоб распяти Турку, яко он уже распял Польшу.

Но Аз вся подыму противу нечестивых и буду Аз гневен на Россиистий народ, дондеже он не престанет давать рекруты и деньги царю своему богохульному на удручение иноплеменных и не изгонит Николая из земли Россиистея. В Моем бы царствии несть ни Еллин, ни Еврей, ни Турка, но все люди Моя едино суть стадо, Аз единый им пастырь и заповедь Моя есть: Возлюби ближнего твоего яко сам себя. Аминь.

1854 г.

2

Второе видение св. отца Кондратия.

Архангел Богу вопиял:

Господи! гони Фараона, он причина всему злу и всем беззакониям, но взмилуйся над воинством и народом его, не гони их за грехи царя их. Хотя они ему и помогают, прости им, Отче, не ведают бо что творят.

Рече Господь:

Не ведают бо что творят! По такому неведению, люди распяли Мене. Тогда, — яко сын человеческий, Аз сам возопил реченные тобою словеса; но, — яко Саваоф, яко Дух святый, Аз не могу прощать людям неведающим что они творят. Где ныне царство Иудеев, где гордая держава Римлян, распнувших Мене? Аз сокрушил их и разметал по лицу земли.

Творити не ведая что содеваешь — сие подобает токмо скоту, которому Аз мало дал ума, но человеку, которому дано больше ума, сие есть велий грех. Кому мало дано, с того мало и взыщется; кому же дано мнозе, с того и взыщется мнозе.

Ведай, что твориши! сие есть первая заповедь Моего Третьего Завета роду человеческому... Да, двух Заветов Ветхаго и Новаго, Аз зрю что людем мало. Притом же Аз троицу люблю, и посему даю им третий Завет. Первый (Ветхий) бе дан Мною яко Саваофом; второй (Новый) дан Мною

яко Сыном; третий дается Мною яко Духом Святым, Духом Истины, издревле глаголившим Пророки, а ныне творящим науку живу. — И яко во втором Моем Завете весь Закон и все Пророки заключены в двух заповедях, тако и в третьем Моем Завете все в двух заповедях. И первая из них:

Ведай, что творчши!

Еслиб люди ее соблюдали, они не вверялись бы, яко слепцы, яко стадо безразумное, киижду Фараону, выдающему себя им за доброго пастыря, за премудрейшего всех. Чтоб ведать что они творят, они требовали бы от правителей своих отчет в управлении, яко ныне на Руси крестьяне на миру спрашивают отчет от старосты, ими самими же избираемого, но яко они не спрашивают отчета ни в деньгах, ни в крови, сиречь рекрутах, даваемых ими Фараону, восевшему самовольно в старосты всея России, говоря будто бы Аз его егда-либо на то помазал!

И суд и расправа творились бы гласно на Руси.

И законы государственные полагались бы самим народом.

Ведай, что твориши! Еслиб люди держались сей заповеди, они не предавались бы пьянству до беспамятства, иже притупляет разум человеческий, ведет к ссорам, обедняет народ, обогащая токмо казну Фараона, отдающего виноземье на откуп.

Ведай, что твориши! Соблюдающие сию Мою заповедь, ничто не делают на авось и кое-как, но тщательно. Доверяя кому бы то ни было из среды своей какую-либо власть на что бы то ни было, они в договорах своих все договаривали бы, ничего не оставляли бы неясным, неопределенным, неограниченным. Мера была бы во всех их деяниях, яко Аз Сам все создал по мере, весу и числу. В мере бо состоит справедливость; ее держаться дал Аз человеку судью-рассудок. И сей судья назначен Мною быть миротворцем на земли, а не орудием на хитрость и обман. Творяй справедливость, творит мир и любовь. Яко вера без дел мертва, такожде и любовь без разума-рассудка не блага, и часто ведет лишь ко вражде.

Ведай, что твориши! Сие есть то же, что, не предавайся, ниже по злобе, ниже по любви, ниже почему либо иному. Соблюдая сию заповедь, люди и по любви не возводили бы возлюбленных своих в кумиры себе, и тако исполняли бы вторую заповедь по Ветхому Завету. И не было бы над ними ни единой неограниченной, безусловной Власти разве Мене.

Ведай, что твориши! Соблюдая сие, люди читали бы святое Писание не яко понамарь, но с чувством, с толком, с расстановкой, не мертво держались бы они буквы, иже мертва, егда не оживляется живым духом разумения.

И поняли бы они и вторую Заповедь Моего третьего Завета, иже есть: *Не хорони*

Не хорони! глаголю Аз, не зарывай таланты, сиречь и силы и добро твое в землю. Все что Аз создал, создал Аз на жизнь, а не для смерти. Не отлагай свою копейку на черный день, пускай ее в оборот на белый день, на свет Мой Божий. И воздастся тебе яко человеку не зарывшему таланты, о коем рех Аз в Моей притче Нового Завета.

Не хорони! сие бо есть татьба, татьба от жизни. И егда Аз рех на скрыжалех осьмую заповедь: Не укради, Аз рех: Не хорони, не отложи в сторону ни себя, ни добро твое. Не говори, моя хата с краю, я ничего не знаю. Сие бо есть богохульство, нет края миру Моему, нигде он клином не сошелся.

О хитрые люди! егда же поймете вы, за что Аз проклял Анания!

Не хорони! глаголю Аз. Оставим мертвым погребать мертвых. И егда умрет твой ближний, не предавай его тело гробу каменному ниже деревянному; но сожги прах. Аз всесожжение люблю и в виде огненного куста явился Моисею Аз. Егда будеши предавать огню тела усопших дам Аз благорастворение воздухов и положу конец мнозим язвам. О воскресении не заботься! Мне Лазаря воззвать из мертвых, не труднее из воздухов, чем из-под земли, где черви поедали его тело.

— Господь замолк на время. Потом он снова из глубины души воззвал:

О Иуда, предатель! зачем ты погубил Мене? Какое Аз тогда готовил всемирное восстание! Не помешала бы Мне Иудина измена, был бы Аз ныне Единый царь Небесный, и не было бы возле Мене царей земных, и Мне Единому служили бы вся люди Моя. И было бы царствие Мое на земли яко на небеси, и в нем не было бы ни рабов, ни господ. Все люди были бы ни помещичьи, ни государевы, как ныне, а люди Божии, люди вольные, яко пташки Мои. А теперь?.. Теперь люди утратили даже смысл содеянного Мною подвига на их спасение и искупление! Читают и не понимают!

И Бог, сидевший на престоле, поник Своим Святым челом и Ангелы, видя сокрушение, взыграли в трубы и кимвалы, и возгласили песнь, иже именуется: Кондак, поемый в 1-ю седьмицу Святые Четыредесятницы «Душе моя, душе моя, восстани! что спиши? конец приближается, и имаши смутится, воспряни убо, да пощадит тя Христос Бог, везде сый и вся исполняй».

И то казалось мне, что колокол бил в набат, то что гром гремел по поднебесью.

И вдруг песнопение затихло. Одни кимвалы раздавались.

И узрел я как принесли невиданного великана. И кто-то рек за мной Се Голиаф, Его воздвигнули. И страхом объят был я грешный. Я узрел в чудовище — царя! царя нашего Николая! На плечах эполеты, чрез плечо лента, глаза на выкате.

За тем веселой, легкой поступью (яко бы плясал он пред ковчегом) в зипуне, накинутом на плечи, рукава на отлете, явился парень молодой. И кто-то рек за мной, Давид. Он не царем, а бедным пастырем явился. В руке держал пращ. Он подошел к Голиафу. Голиаф, с презрением глядя на малютку, положил руку на огромный свой меч. Давид взмахнул своим пращем — и великан-чудовище повалился.

Тогда Псалмопевец приблизился ко мне. Молча указал он мне на страшный рост Голиафа, и на свой низменный, удалый. Потом он мигнул мне в ту сторону, где Петербург, и внятно произнес: Не бось! И все исчезло предо мною. И видению моему бе конец. Имущие уши да внимут. Аминь.

1854 *В. А.*

3

Емельян Пугачев

Честному Казачеству и всему люду Русскому шлет низкий поклон.

Братья!

Уж не забыли ль вы меня?

Нет! Этого быть не может! Хоть уж и не мало воды протекло с тех пор, как я по Яику-Уралу и Волге поднял народ против кровожадной вавилонской блудницы Екатерины бабки нынешнего вашего фараона Николая. Тогда полчища ее точно как ныне Николаевские воевали с Туркой и с Французом и с Поляком и с Шведом и уж не помню с кем. Ведь она со всеми вздорила никого в покое не оставляла — точно как ныне внучек ее.

Нет, время не могло изгладить из памяти народной мое предприятие; оно только всему свету доказало, что я был прав. Как я предвидел так все и сбылось, триста тысяч вольных людей (и то в одной только Малороссии) кровожадная отдала в крепость своим наложникам! Этого ей было недовольно, задумала она наградить несчетных своих полюбовников еще и звонкими денежками. Для этого выкинула она истинную штуку — говорит: — «У моего народа деньги тяжеловесные, серебряные да золотые: — такие деньги ему и в кармане тяжело, и прятать трудно, и пересылать накладно, а как я, словно мать родная, пекусь об его благе, так я облегчу ему это горе — вот каким манером — выпущу я бумажки-ассигнации синенькие, красненькие, беленькие, всякие». Ну и выпустила она бумажки-ассигнации. На каждой важно напечатано, что мол синенькую можно во всякое

время в любом казначействе променять на пять рублей ходячей монеты (замечай ходячей!), красненькую на десять, беленькую на двадцать пять. О ту пору (то есть, когда бумажки-то впервые были выпущены казною) вестимо не было на Руси и не могло еще быть в ходу других рублей кроме серебряных, кроме целковых. О медных (грошёвых) рублях Русский народ до Екатерининских времен слухом не слыхал, во сне не видал. Как простой наш народ, поверив царскому слову, стал принимать бумажные-то печатные тряпички за настоящие денежки и по написанной на них цене, да как целковики-то и червонные перешли из мошен народа в царскую казну, глядь! — за синенькую уж сама казна не выдает пяти целковых, а дает только пять четвертаков; за красненькую опять же выдает десять но только не целковых, пять *) таки четвертаков. Да чтоб еще лучше обморочить народ, стали четвертак прозывать тем же рублем, как прежде назывался только целковый.

Таким честным оборотом вавилонская-то блудница зашибла себе столько денег, что она раздала наложникам своим весемьдесят миллионов рублей! (Эти-то рубли были настоящие целковые; в каждом миллионе девятсот тысяч). Народ по простоте своей, прозевал всю штуку, которую с ним сочинили. Разумеется, он сильно обеднел от этого, потеряв на каждом целковом по три четвертака. На кого пенять? Разумеется, что он сам виноват, зачем полагается на царское слово. Вперед это ему наука. Не зевай!

Но разве с царской-то стороны это не гнусный обман не воровство? А она еще, бесстыдная Кровопийца, велела меня за вора и обманщика пред народом выдавать, как будто бы не за ней самой грех был. Помните ли вы что я ответила генералу, который сказал про меня зевакам «вор он»? Я не ворон, отвечал я, а только воронёнок; ворон-то еще в поднебесьи летает.

Да, братцы, ворон долго летал и кружился за облаками; видел он многие земли и страны, ныне он опустился на Русскую землю, перелётывает в ней с деревца на деревцо, с Яика на Волгу, с Волги на Дон, с Дона на Днепр и на Дунай.

И при каждом перелете птица-вещун громким голосом кричит: «Гей Казаки! мужики, хомяки-простаки! Пора за ум взяться с царем рассчитаться. Лучше за правду пропадать, чем без вины погибать. За правду пойдешь, авось и не пропадешь».

А как присядет ворон на дерево, сказывается он и хохлу-казаку, и русскому мужику не сказку-небылицу, а из книги Судеб страницу: «Ясный сокол казак, зашивай свой звонкий рубль в кушак! Степенный мужичок, береги свой сун-

---

* Опечатка; следует опять.

дучок! У царя долги руки и на деньгу он куда — как падок. Хоть ты за тремя запорами за семью замками будешь хоронить свою казну, фараон до последней твоей копейки доберется, да еще и замков твоих не дотрагиваясь».

Как так? говорят и мужик и казак.

Да опять-таки он, того и гляди, подденет тебя на бумажках. Теперь правда нет больше ассигнаций в ходу и снова приказано считать на серебро. Николай скупил ассигнации с 1839 года по 1841 разумеется, не по той цене, какую и он сам, и брат его, и отец, и бабка за них с народа брали, это было бы честно, а от него разве можно честность ожидать? Он скупил по одному рублю сорок три копейки, тогда когда за нее казна выманила пять рублей, но зато вместо прежних ассигнаций Николай выпустил не весть сколько других бумажек: *депозитки* и *серии*. Ну вот и смотри: которая бумажка сегодня всучена тебе ценою, например в пять рублей серебром, завтра по царскому велению, в казне, а вслед за тем и на всех рынках будет приниматься как будто бы она стоит лишь пять четвертаков. Так хоть тряпички-то печатные и остались бы у тебя все целы и налицо в сундуке, что тебе будет в них проку? какая в них будет ценность? Не зевай же, казак! не зевай же, мужик! на этот раз, а сбывай в царскую казну до поры, до времени какие у тебя завелись депозитки и всякие царские бумажки. А когда тебе за какой товар будут бумажными деньгами платить, так ты низко кланяйся, благодари, а проси, чтоб тебе выплатили что следует настоящими звонкими денежками.

Ныне царь особенно зорится на ваши карманы, потому что он теперь более прежнего нуждается в больших деньгах, войну вишь затеял, и не только с Туркой, но со всем светом, делает наборы рекрутские неслыханные, а без денег, вестимо солдатов ни обуешь, ни оденешь, ни прокормишь.

— Дайте мне вам рассказать по сущей истине как дело дошло до войны. Ведь из царских манифестов и ведомостей правды вам не узнать.

Все в мире шло — худо ли хорошо ли, теперь не станем разбирать, но станем своим порядком, без шума и мятежа. Николай Павлович тешился попрежнему потешными войсками, ездил в гости к родне своей на Немечину, чтобы и там смотрами немецких солдатов веселиться, как вдруг ни с того ни с сего на него блажь нашла, захотелось ему завладеть Туречиной, как будто бы ему мало простора на Руси; да такая его охота по Туречине забрала, что просто удержу нет. Вот и приступил он Султану к горлу и говорит ему: «Ты, Султан, во граде Иерусалиме, слушая французов, даешь им больше льготы чем моим Русским людям, которые ходят туда на поклонение гробу Господню. Султан отвечает: Помилуй Николай Павлович, какие льготы даны мною там фран-

цузам, такие же готов я дать твоим богомольцам. Да не это одно, возражает подбоченясь Николай Павлович. Вот твои губернаторы больно притесняют тех из твоих подданных, которые держатся той же веры что и я (у нас на Руси губернаторы, вестимо, всех равно притесняют православных как и не-православных). О притеснениях уж чья бы корова мычала, Николая Павловича бы молчала. Что в Туречине народ, и даже христианский, православный, не больше терпит обид от чиновников чем на Руси, это видно уж из того, что туда сотни* тысяч казаков из Руси перебежала и теперь все еще перебегает. Недавно еще Султан позволил им ополчиться против Николая Павловича. И они ополчились; и на копьях у них крестное знаменье возле султанского знамени, полумесяца; и когда эти казаки выступили в поход из города Андрианополя их сам Патриарх константинопольский, который в православном духовенстве выше саном всех русских наших митрополитов и архиереев, благословил, ибо они идут в бой против озорника Николая Павловича и за правое дело, а правое дело — дело богоугодное.

Султан говорит Николаю в ответ. Если и были делаемые какие притеснения, то без моего ведома. Я не хочу чтобы на моей земле кого-либо из-за Божияго имени притесняли. И впредь я буду строже за этим смотреть. Хорошо, говорит Николай, так изволь-ка дать мне расписку в этом; и пропиши в ней, что я мол Николай Павлович, имею приставить моих чиновников надзирать за твоими управителями. Нет братец! отвечал Султан (все цари, султаны и короли называют друг друга братцами). Нет, говорит, ты вишь вон куда метнул! чтоб я дал твоим чиновникам, известным крючкам, кляузникам и сутягам, право в мои дела вмешиваться! Да тогда мне и народу моему хоть со свету бежать. Нет! этого я уж сделать не могу. А всё что в моих силах сделать ради тишины и спокойствия, так это разве дать расписку, о которой ты говоришь не на одно твое имя, но и на имя всех прочих главных царей в христианстве, тем крепче она будет.

А этого-то именно и не хотелось Николаю Павловичу. Он, видите ли, думал дело-то с Султаном сделать с глазу-на-глаз, келейным порядком, а не гласно. Он гласности уж куда как ни в каких делах не любит; ему все чтоб было шито и крыто. Если б у них с Султаном дело-то было устроено с глазу-на-глаз, без посторонних свидетелей, так он как раз бы нашел опять придирку, сказал бы: «Да как мы расписку или договор писали полюбовный, как ты султан, мне не так толковал такое-то слово, да другое, да третье, да ты мне сулил вот что и вот что». Ну, а когда договор при свиде-

* Должно быть: сотня.

телях заключен, так не так-то легко потом его перетолковать в свою выгоду.

Вот и взбеленился наш Николай Павлович — шумит, кричит: Да ты мою честь (слышь? честь!) обижаешь! Да ты меня в грош не ставишь! Я тебе дам себя знать! я тебе покажу кто я таков!

И давай полки на Дунай посылать, корабли Турецкие на Черном море жечь, манифесты писать, в которых он Божие имя призывает: «на Тя, говорит, Господи, уповахом так смотри же Господь, не дай нам осрамиться и лицом в грязь хватить». Как будто бы прости Господи!—Богу очень нужно, чтоб Николай Павлович на него уповал. Вишь, думает и самому Богу великую честь тем сделать, что он на него притворяется уповающим. Эка подумаешь, сатанина гордость в человеке?

Вот другие цари смотрели, смотрели на забиячество Николая Павловича против Султана; наконец собрались и говорят: Что ж это делает Николай-то Павлович! ведь это из рук вон не гоже! Султан дело ему говорит и предлагает, а он все свое несет. Явно, что он хочет у Султана всю землю оттягать. Кто своим тяглом, какое у него есть, хорошо правит тому отчего же и не прибавить тягловых долей. А кто требует себе больше земли противу других, тому не только на миру не прибавляют тяги, а с того даже и то снимают, что за ним было, того и в бестяглые бобыли сажают. Ну, а нешто у Николая Павловича мало тягло! И нешто хорошо он им управляет! Не видать этого. В других государствах народы богатеют, а на Руси, кажись беднеют, если судить по торговле русской. Так надобно нам ему сказать, чтоб он оставил свои притязания на Турецкую землю. Послушается нашего мирского приговора, хорошо, а если зартачится, так придется его силой урезонить.

Сказано, сделано; повестили Николаю мирской приговор. Только куда! Он себе и в ус не дует. Наплевать мне, говорит, на мирские ваши приговоры; знать я вас не хочу; я сам себе большой; что захочу и то делаю.

— Ну вот как завязалась у него война не с одним уж Турецким Султаном, а с Англичанином, и с Французом, да кажись и с Немецкими королями. Вот на что ему теперь больше противу прежнего и рекрутов, и денег нужно.

Он упрям. Он не легко на мировую пойдет. Не посмотрит на то, что с неравными силами борется. Он не пожалеет своего народа. До последнего человека в рекруты поставит; последнюю копейку у мужика отнимет. Да еще скажет при этом Русскому народу, что за все беды, которые он на него накликал, народу будет не только в будущей жизни Царствие Небесное (как будто бы Бог попустит Николая Павловича и в том царствии распоряжаться, как он, за

грехи наши допустил его, как он допускает язву ныне Россию удручать!), но что народу и в этой жизни будет привольнее жить, когда государь прихватит себе еще земельки. Верь плуту! много, как же, он заботится об довольстве народа! вот был у него советник любимец, родом из жидов, по имени Канкрин. У того была любимая поговорка, что царям-до вовсе не следует пещись об этом, чтоб их народы богатели, народ-де что собака, сыто будешь ее держать того и гляди с жира сбесится. Без жидовских ругательств сказать, оно правда, что сытый всегда пободрее голодного или человека натощак. Зажиточного не так легко в бараний рог согнуть как бедняка. А царю вестимо прежде всего нужно, чтоб все беспрекословно ему подавались и не осмеливались у него ни в чем отчета требовать. Так верь, после этого, что царю угодно, чтоб ты пообзавелся домком хорошенько. Канкрин этот двадцать пять лет сряду управлял всеми казначействами на Руси и за великие свои услуги царю был им произведен в графы.

Какой народу прок в том, что под одним его царем много разных земель и племен? От этого только тяжелее народу. Когда одно только какое-нибудь племя под одним царем, так все люди как одноплеменные между собою, легко могут стакнуться между собою и царю-то сказать: Шалишь! полно! знай меру! А когда под одним царем несколько разных племен, так он казака посылает усмирять Новгородцев, а Новгородца посылает бить казаков, Поляков посылает на Кавказ, а Черкесов в Польшу. Чужим трудно промеж себя стакнуться; так царь и травит одного на другого, а сам себе только ус крутит.

Мало ли земель прибавилось к России от начала царствования Екатерины до нынешнего времени? Что же народ, небось, с тех пор богаче стал? От всей пролитой Русской крови только и была та польза, что в царскую казну больше податей и пошлин поступает, чем прежде да несколько царедворцев получили себе в завоеванных землях жалованные от царя поместья, а другие сели управителями, губернаторами, словом чиновниками с хорошими доходами в тех краях. Вот кому войны приносят выгоду, а не народу. Оттого-то Менщиковы, Орловы, и как их там всех зовут царедворцев, и подзадоривают Николая воевать.

— Но чур! ворон крыльями вымахнул: «Полечу, говорит прочь я с Русской земли, грустно мне на нее глядеть. Полечу я туда, где красно солнышко встает, трава-чай растет, откуда ее Сибирские купцы на Русь привозят. Двести лет там в Китайской земле сидел Татарин на престоле и держал народ в черном теле, в кабале и невежестве. Вот теперь наконец восстал там народ во имя Христово против царя своего Татарина и прижал его к стене. А на Руси что мне

смотреть? Сидит на престоле царь, которого род никем не званный, никем не прошенный, из-за моря, из немечины пришел, хоть и выдает он себя за Романовский, настоящее ему имя Гольштин. Незваный гость, говорят хуже Татарина. И однакож долго уж Русский народ непотребно ему поддается».

Нет ворон-вещун! говорю я, погоди улетать, и Русский народ не хай! Доселе ему было тяжело подняться. Теперь же настал и для него удобный час. Он этот час не прозевает пока полки-дураки будут заняты на границах. Посмотри-ка ворон, как народ наш с легкого слова моего развернется, размахнется, и по матушке по Волге по широкому раздолью справит тризну мне, мне, который за него голову свою на плаху снес! Прогонит он от себя царя и чиновников его и будет впредь управлять сам собой на общей сходке мировой по-старинному, выборными людьми. Чем под Турку нам итти он нас не затронул мы пойдем против царя.

Гей казаки! мужики!
Пора за ум взяться
С Царем рассчитаться
Гей ребята — живо! веселей!

1854 *В. А.*

4

Емельян Пугачев

Честному казачеству и всему русскому люду вторично шлет низкий поклон.

Христос воскресе, братцы! С праздником вас поздравляю теперь он на нашей улице: Царю плохо, — нам хорошо.

Наконец-то Господь взмиловался над бедным русским народом, раскрыл очи чужеземцам и дал им усмотреть, что Николай не только своему народу, но и им враг — какого злее быть не может.

Чужеземные войска подходят к Русской земле проучить Николая. Принимайте их не как врагов ваших, но как ниспосланных Богом помощников вам — для низвержения с ваших плеч — гнёта царя и чиновников его.

Не попутал бы Бог Николая завести ссору с иностранными державами, долго бы гнёт его еще тяготел над русским народом, который один не в силах справиться с царем. В этой-то нашей немощи и состоит все извинение наше пред лицом вселенной; зачем мы уже давно не свергнули с нас иго царское.

Теперь настал для вас удобный час положить конец царскому самовластию и установить, чтоб впредь Русь управлялась по-старинному, по русскому деревенскому обычаю: выборными людьми, которые не смели бы ни единого рек-

рута, ни единого рубля с народа взять — не давая в том отчета народу. Для этого нужно две вещи:

Во — 1-х, остерегаться козней Николая;

Во — 2-х, самим за дело взяться.

Николаю плохо — и пуще всего потому, что он видит, что русский народец, не взирая на все манифесты, не охотно идет в рекруты заступаться за него. Вот, например, в Одессе, — где теперь остались только развалины от царских укреплений, разрушенных пушками французских и английских кораблей 10 апреля, — добровольно никто в рекруты не шел, так что полиции надобно было оцепить кабак, в котором сидели простолюдины, схватить их и годных из них, сковав в железа, отправить в полки. Честь и слава вам за это, братцы, что наконец-то вы за ум беретесь!

Чтоб сбить вас с толку, царь объявляет, будто бы идущие на него, идут на вас. Отчего же в той самой Одессе англичане и французы стреляли только по казенным строениям, по пороховому магазину (который взорвали калёным ядром на воздух), а по домам жителей, по церквам, по купеческим кораблям и гавани не метили?

Царь объявляет, что они-де антихристы, стреляя-де против его крепостей в Страстную Субботу. — А в какой день в 1831 году царские солдаты вырезали в церквах безоружных людей первого польского города, Осмяны, в который во время того похода полчища вошли? — в самое Святое Христово Воскресение! — Да в какой день полководец бабки Николаевой, Екатерины, — Игельстром, — намеревался жителей Варшавы перерезать? — в Великую же Субботу (Коли это не удалось ему, так только потому, что Поляки в Пяток восстали).

Царь объявляет, что идущие на него чужеземцы хотят сделать чтоб впредь Русь не была такою сильною державой, какою она была доселе. Дай Бог чтоб это только была правда, ибо: нешто вам, простолюдинам, был прок доселе, оттого, что Русь, угнетаемая царем, была страшилищем, пугалом для других народов, была палачом для Польши, для Финляндии, для Горцев? — Или лестно вам быть палачами для одних, пугалами для других? — Лестно вам, что бывало, встанет ли Прусский народ против своего короля (Николаевского шурина), тотчас этот король, чтоб унять свой народ, распустит слух: сто тысяч мол русских штыков идут ему, королю, на подмогу? — восстанут ли Венгерцы, Николай на них нападает? — что заговорит ли народ во Франции, и там приверженцы (не Наполеона), а прежних, теперь уже изгнанных, королей народу, тотчас говорят: «Цыц! вот мы казаков против вас* позовем! Николай Павлович, силь-

* В тексте опечатка: вам.

нодержавный, нам друг и приятель; он их как раз нам пришлет! Они вас по-своему, по-казацкому, проучат!..» Николай, пугая других, указывая им на вашу многочисленность и ваше беспрекословное ему повиновение вместе с тем и вас держал в страхе пред собою, показывая вам, будто нет во всем мире никого, кто бы его не боялся. Теперь вы на деле видите, что есть же люди на свете, которые не больно-то Николая Павловича боятся, что он не в самом деле Бог земной, и что даже Царь Небесный не за него, не на его стороне.

Царь объявляет, что чужеземцы хотят завоевать Русскую землю. — Не видали они небось наших полей и снегов; им и своих довольно; не все же так алчны как Николай. А если Польша отделится, если Финляндия отложится, — так что за беда? — разве эти земли — русские, разве они твои, народец мой бедный?

Николай дает теперь льстецам своим печатать в Питере, что правители английские и французские, идущие на него войною, не поборники-де за свободу народов, что они-де такие-сякие, не Богом (как он, вишь!) помазанные, что они-де люди, себе-на-уме, — что идучи войною против Николая, они свою, а не чужую, выгоду впервых в виду имеют. Да тебе-то, русский народ, теперь ли время наводить справки о том, худо ли, хорошо ли француз и англичанин у себя дома проживают? Ну коли они худо живут у себя, так ты только старайся лучше чем они у себя устроиться. Принимай их хорошо потолику, поколику они заодно с тобою против Николая ныне идут. Враг врага моего — мне поневоле приятель. — Будь же и ты себе-на-уме! — Скажут: «Смотри! сегодня они против Николая, а там — как они побьют его, или помирятся с ним — они против тебя обернутся». Отвечай: Утро вечера мудренее, каждому дню своя забота, а ум-то и состоит в распознании того, какое дело сегодня, какое завтра предстоит. За двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь. Да и нам ли, беднякам, пристало быть разборчивыми на помощников? Были бы только, всякое даяние благо. Предоставь царю замешку больше иностранными делами, чем своими русскими заниматься. Какая нужда справки наводить о том, что у человека, мне сподручного, во-первых, что у него, во-вторых, что у него в-третьих на уме? Дело — в деле, братцы, а не в чувствах, не в расположении, с которыми оно совершается.

Известно, что человек располагает, а един Бог определяет.

Желать теперь победы Николаю Павловичу, чтоб например Наполеон не усилился, значило бы — уж куда каким немощным Николая считать. Справится он если с войсками, так справится и с народом, не хуже чем он вот с Поляками спра-

вился, о которых же ведь никто не говорит, чтобы они были робче, например, Немцев или Французов.

Храни меня Бог думать, будто бы чужеземным войскам шутка с Николаевским справиться. Поэтому-то я вас и умоляю, не оставляйте теперь дело на-авось. Не говорите: «А пусть их себе дерутся, — это ведь цари промеж себя враждуют,—моя хата с краю, я ничего не знаю,—посижу, погожу, вмешиваться, авось вот они перемелятся, так мне мука будет». Не мука, а только горшая мука будет тебе, русскому, да и другим народам, если по несчастию Николай одержит верх.

Итак к делу, братцы! — Чужеземных гостей, накликанных Николаем, не как врагов принимайте, да и сами в бой против царя вступайте.

Не в нравах никакого правительства лелеять мятежников оттого мало надежды, чтобы иностранные державы, которые воюют против Николая, дали вам не только денег и оружие, но даже совет подняться против Николая. — Еще может статься, что они поднимут Поляков, Финляндцев, Горцев; народы эти им ближе к сердцу, ближе к сердцу их собственных народов, чем мы, русские. — Все что от иностранных держав нам можно ожидать, это — чтоб они невольно, неумышленно нам помогли высвободиться из-под Николая, — чтоб они нам не поперечили в этом нашем деле. Оттого-то я и прошу вас: с вашей стороны, им не поперечить.

Что державы не захотят заступаться за власть Николая над нами — это вероятно, — и именно вот почему: — что хоть он доселе и был им кумом, сватом и приятелем, но теперь наконец показал он и им, что он не надежный союзник, что кого он сегодня одолжит, с того завтра такую уплату потребует, что хоть «караул» кричи. Он сам им на деле теперь показал, что пока он один, безотчетно будет располагать огромными силами Русской земли, дотоле чужеземные державы ни на единый миг не могут быть уверены: а не вздумается ли завтра Николаю Павловичу для потехи своей с кем-нибудь из них войну завести? — Иностранные державы, по собственному опыту, теперь не могут не знать, что будь на Руси не самовластный, единодержавный царь, а будь в ней гласное, общинное правление, составленное из нескольких от народа избранных людей, народу в своих поступках отчет дающих, без народного разрешения не могущих ни рекрута, ни рубля подати взять, то такое правление не могло бы столь взбалмочно мир и тишину повсюду нарушать, как царь, который кутит себе как ему вздумается. — Вот почему невероятно, чтоб иностранцы нашему восстанию поперечить стали.

Но они и не подадут нам, словно готовое блюдо, вольности, свободы от наших царей. Да и что за прок в даровой свободе, в подаренном праве? — Что сегодня даровано, мо-

жет завтра быть отнято. — Свободу, право надобно самому снискать себе в поте лица, ценою крови, — коли хочешь свободу, право упрочить за собою. — Завоюем же сами себе — теперь пока Николай занят иностранцами — нашу волюшку, волю дорогую, без которой жизнь не мила!

Принимайтесь так за дело:

Николаю скоро придется либо народ, то есть, вас всех, ополчить, либо сильный новый рекрутский набор объявить.

Коли ополчение, милиции, — как было в 1812 году (а об этом в Питере уж поговаривали), — то ведь вам раздадут ружья, пистоли, тесаки. Вы их берите. А с ними — шайками — чем на границу итти против чужеземных войск — идите-ка на судоходные реки — и подальше пожалуй от мест, где царские войска стоят — пуще всего на Волгу, на Оку, на Самару. Идите в пристани, где хлеб в гамазеи ссыпают: в Саратов, Симбирск, в Гжатск, Моршанск, Рыбинск, Сомину — остановите там все хлебные запасы, иначе Николай их все возьмет, на границу полкам своим пошлет, а вам даст с голоду умереть. — Тут как начнете вы хлеб-то забирать, на вас пошлют внутреннюю стражу, серых гарнизонных. Ну с ними-то справиться не Бог весть что, когда у вас ружья со штыками.

— Потом идите на Москву, на Питер, — всюду где царь будет, да и отрешайте его.

А не будет ополчения, но только опять набор, так вы, братцы, смотрите, — сначала, при объявлении набора в церквах, ни гугу! — И ведите, провожайте своих рекрутов и подставных — целыми гурьбами — в города, в которых будут открыты рекрутские присутствия. Норовите так, чтоб сходиться вам в те города не из одного села, а разом с многих волостей или погостов, — и так чтоб каждый раз вас сходилось не в пример больше чем будет там гарнизонных-то солдатов для охранения присутствий и отвода рекрутских партий. — Как придете вы, соберетесь вы перед присутствием, одни из вас должны отобрать ружья у сермяжных-то солдатов, а другие с назначенными в рекруты пусть себе идут в присутствие, да и скажут заседающим: «Вы, господа, приказываете нам лоб забрить. Слушаем-с, только наперед позвольте вам самим затылки забрить, и тем вас негодными для службы объявить». — А затем, по выше писанному, в хлебные пристани, и к царю!

Ну, в добрый час, братцы! до свидания, голубчики! до свидания, Фома Соколов! до свидания, Груша юродивая! и ты, седина старовер друг мой Петр Спиридоныч!

Апрель, 1854 г.

Вольная Русская Книгопечатня, Лондон 38, Regent Square.

III

ПИСЬМА

(1852—1855 гг.)

Энгельсон вел довольно обширную переписку: в числе его корреспондентов были и К. Фохт, и Ф. Орсини, и Медичи, и Гервег, и Тесье, и Мишле, вероятно и Маццини, и Ворцель, и П. Леру и т. д. Но изо всех его писем нам доступны пока лишь те, которые в том или ином виде сохранились в бумагах А. И. Герцена. Эти последние делятся на две группы: копии писем к Г. Гервегу, вызванных конфликтом между последним и Герценом, который хранил их как документы (три письма) и письма к самому Герцену (двадцать одно письмо). Последний собирал письма Энгельсона, но сохранил их далеко не полностью: ряд писем уничтожен или утерян.

Перечитывая их в конце 60-х годов, когда он готовил к печати свой очерк «Энгельсоны», Герцен был поражен их незаурядным интересом и решил их опубликовать. Это намеренье не было выполнено. Только в 1903 г., через 40 лет после смерти Энгельсона, М. О. Гершензон, наткнувшись на них при просмотре бумаг Герцена, опубликовал часть из них — двенадцать из двадцати четырех,— в 1 книжке журнала «Освобождение», издававшегося тогда в Штутгарте под редакцией П. Струве (стр. 102—122, публикация снабжена отметкой: «Сообщил М.»). Публикация Гершензона довольно тщательна, но не полна — публикатор не только выкинул половину писем, но и из публикуемых выбрасывал куски и фразы, казавшиеся ему неинтересными, — и лишена каких бы то ни было пояснений. Гершензон опубликовал, таким образом, с большими или меньшими купюрами письма, значащиеся в нашем издании под №№ 5, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16, 17, 20, 21, 22.

Эта публикация была в 1907 г. воспроизведена буквально в журнале «Всемирный Вестник» (№ 1, стр. 54—95).

Затем, уже в 1917—1920 гг., публикацию Гершензона дополнил М. К. Лемке, введя в свой комментарий к «Полному собранию сочинений и писем А. И. Герцена» (тт. VIII и XIV) ряд писем Энгельсона, как опубликованных уже Гершензоном, так и опущенных последним. Публикация Лемке тоже не полна — ни по своему составу, ни по тексту отдельных писем: Лемке тоже допускал купюры казавшихся ему неинтересными или маловажными фраз и абзацев. Комментарии равным образом отсутствуют, как и датировка ряда писем.

Наша публикация основана на полном и точном воспроизведении текста подлинных писем Энгельсона, поступивших из собрания бумаг Герцена в Гос. библиотеку имени Ленина в Москве. Сверка текста произведена по нашей просьбе Н. М. Мендельсоном с обычной для него образцовой тщательностью, которая дала возможность восстановить пропуски, ошибки и искажения прежних публикаторов.

При этом Н. М. Мендельсон обнаружил и неопубликованное ни Гершензоном, ни Лемке письмо № 18.

Если мы, таким образом, имеем довольно полную коллекцию писем Энгельсона к Герцену, то зато у нас нет *ни одного письма Герцена к Энгельсону*. Если последний и хранил их, то они, повидимому, безнадежно погибли с его бумагами после его смерти. Быть может, их, впрочем, следовало бы искать в бумагах кого-либо из французских

эмигрантов, живших в 1857 г. на острове Джерсей, напр., среди бумаг Пьера Леру, провожавшего Энгельсона в могилу.

Это отсутствие ответных писем Герцена сильно затрудняет, конечно, комментирование писем Энгельсона. Но, кажется, нам удалось все же расшифровать их достаточно полно. Мы, впрочем, ограничились в комментировании только абсолютно необходимым минимумом, отсылая читателя, интересующегося более полной характеристикой лиц и событий, упоминаемых Энгельсоном, к «Былому и Думам» Герцена в нашем издании, где читатель найдет все нужные дополнительные сведения.

ПИСЬМА Г. ГЕРВЕГУ

1

Ницца, 28 января 1852 г.

Милостивый государь,

Г. Герцен, получив сегодня Ваше письмо, поручил мне известить Вас о том, что, несмотря на все оскорбления, заключающиеся в Вашем письме к нему, он не хочет сейчас дать ему ход. Вы, я думаю, не будете удивлены, узнав, что он, вообще, не признает за Вами права вызывать его на дуэль, а тем более — выбирать для нее такое время, когда его жена тяжко больна (что, вероятно, Вам небезызвестно).

Он предоставляет Вам право передать гласности не только эту отсрочку, но и все обстоятельства его разрыва с Вами. Если Вы желаете сделать какие-нибудь замечания по поводу того, что я имею честь сообщать Вам, то можете обратиться по Вашему выбору: либо ко мне (Ницца, до востребования), либо к г. Сазонову, и либо письменно, либо при посредстве лица, которому Вы это поручите.

Что же касается самого г. Герцена, то он не будет распечатывать те письма, которые Вы пошлете ему.

Владимир Энгельсон.

ПРИМЕЧАНИЯ

Подлинник на фр. языке. Опубликован в Полн. соб соч. Герцена (XIV, 91) без указания источника, — повидимому по копии, сохранившейся в бумагах Герцена. Перевод исправлен.

Письмо было написано Энгельсоном по поручению Герцена. Последний за год до данного момента разорвал все сношения со своим бывшим близким другом, немецким поэтом Георгом Гервегом (1817—1875). Разрыв был результатом увлечения, возникшего между Гервегом и женой Герцена, Натальей Александровной. 28 января 1852 г. утром Герцен получил неожиданный и немотивированный письменный вызов на дуэль со стороны Гервега. Жена его была уже в этот момент смертельно больна. Самый вызов со стороны Гервега Герцен считал мелодраматической выходкой, которая в данных обстоятельствах была «отвратительна, гнусна». Вплоть до этого момента Герцен никого из своих друзей не посвящал в подлинные причины своего разрыва с Гервегом. «С Энгельсоном — писал он впоследствии — я был ближе чем с другими, но и с ним говорил раз коротко, отвечая ему на вопроса»... Энгельсон же, живший в этот момент в квартире Герцена,

был первым человеком, которому Герцен рассказал о вызове Гервега, немедленно по получении его. «Что же Вы намерены делать? — спросил меня Энгельсон. — Ехать и убить его, как собаку... — Да как же Вам ехать? — В этом-то все и дело... Напишите ему покамест, что не ему у меня требовать удовлетворения, а мне его **наказывать**, и что я сам выберу средство и время его наказать, что для этого не оставлю больной женщины, а на его грубости плюю», — так передает Герцен свой разговор с Энгельсоном («Былое и Думы», изд. 1932 г., т. II, стр. 236—237). Результатом этого разговора и является публикуемое письмо.

Сазонов Н. И (1815—1862) — русский эмигрант, товарищ Герцена еще по студенческому московскому кружку и приятель Гервега, находившийся в этот момент в Швейцарии. Герцен сообщил ему о вызове Гервега и надеялся на его содействие. О роли Сазонова в семейной драме Герцена см. посвященный ему очерк в «Былом и Думах» (III, 1—21 и 255—262).

2

Ницца, 18 февраля 1852 г.

Милостивый Государь!

Для продления отсрочки, о которой я просил Вас, нет больше оснований; прилагаемое при сем письмо, сообщенное и переданное мне для доставления Вам, покажет Вам это.

Ваш вызов, который на наш взгляд должен быть резюмирован так: «я поступил неправильно по отношению к г. Герцену и потому прошу у него удовлетворения», — рассматривается как знающими Вас так и теми, кто Вас не знает, как акт безумия. Вот почему г. Герцен, оставляя за собой свободу действий на будущее время, сейчас отвечает только презрением на Ваши оскорбления, опирающиеся на предположения об актах насилия и бесчеловечности, — предположения, высказанные в Вашем письме ко мне от 2 февраля и которые прилагаемое письмо разрушает до основания.

Владимир Энгельсон.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо с вызовом на дуэль, полученное Герценом от Гервега и ответом на которое было письмо Энгельсона от 28 января 1852 г. (№ 1), заключало в себе намеки на то, что Герцен **насильно** удерживает при себе Наталью Александровну. Когда эта часть письма Гервега стала известна последней, она написала Гервегу письмо, заключавшее в себе не только категорическое опровержение его намеков, но и беспощадную характеристику его «гнусного поведения» и «низкого вероломного характера». Письмо было написано 18 февраля (оно приведено вместе с рассказом об обстоятельствах его написания в «Былом и Думах», II, 240—242). Энгельсон взял на себя переслать это письмо Н. А. Герцен Гервегу и сопроводил его собственной запиской, с которой мы сейчас и имеем дело. Подлинник ее написан по-французски и приведен в Полн. соб. соч. Герцена (XIV, 95—96) по копии, пересланной автором М. К. Рейхель и сохранившейся в бумагах Герцена. Неточный перевод, данный в Полн. соб. соч., нами исправлен.

Прилагаемое при сем письмо — письмо Н. А. Герцен к Гервегу от 18 февраля 1852 г.

Письмо от 2 февраля — это был ответ Гервега Энгельсону на письмо последнего от 28 января. Этот ответ в печати неизвестен; по-видимому, Гервег вновь повторил в нем те обвинения против Герцена, которые заключались в его письме-вызове к Герцену и которые опровергла Наталья Александровна в письме от 18 февраля.

3

(ОТРЫВОК)

Ницца 30 марта 1852 г.

...Этот вызов глубоко огорчил меня за Вас; я понял, что Вы катитесь в пропасть, откуда отныне уж очень трудно будет Вам выбраться. Неправда, что Вы когда-нибудь любили эту женщину; такая же неправда, будто Вы продолжаете ее любить, как утверждаете в своем письме. Человек, еще не потерявший последней искры человеческого чувства, не поступил бы так и со своим врагом, даже если бы имел основание ненавидеть и презирать его с самой колыбели. Вы заблуждаетесь, милейший Г., — Вы никогда даже не были способны любить, иначе Вы подавились бы первым же словом Вашего вызова. На этом пагубном пути Вы заставили меня поверить в возможность невозможного.

На Ваш вызов Вам ответили сначала просьбой об отсрочке, а затем прислали ответ.

Я склонен думать, что у Вас не было и намерения драться, потому что в противном случае Вы не отослали бы его письма обратно, и кому же?.. женщине, — слегка зачеркнув при этом Ваше имя и написав на его месте чрезвычайно ясно ее имя; да, кроме того, Вы написали на конверте несколько слов, совершенно достаточных для того, чтобы поставить в тайну всех служащих на почте.

Долгое время я питал иллюзию, что Ваш расчет был плодом внезапно расстроившегося воображения или временного безумия. Только-что приведенный мною факт открыл мне глаза. Я понял, что Вы хладнокровно возвели в систему самое гнусное унижение; я понял, что в своем грязнейшем цинизме Вы нашли неисчерпаемый родник, который решили эксплоатировать без пощады и сожаления и, разумеется, в свою пользу.

Ввиду таких фактов даже самая низкая женщина должна была бы почувствовать к Вам отвращение и презрение; самый безумный человек не был бы настолько безумен, чтобы погрузиться в болото, в которое Вы его увлекали. Это был безошибочный способ навлечь на себя ненависть женщины и сделать дуэль невозможною. Такой ли, действительно, был у Вас план? Я не решаюсь и не хочу отвечать. С этого момента, откровенно говоря, Ваша позиция показалась мне

совершенно безнадежной. Я понял, что Вы сознательно привязываете камень на шею, и Ваше письмо лишь укрепило меня в моем убеждении. Я вижу в нем лишь выражение задетого за живое тщеславия, эгоизм, доведенный до отчаяния, поток зловещих планов и угроз, которым я не придаю никакой веры. Галеры, суд присяжных, разрушение, преступление, все это — слова, легко произносимые, но на самом деле трудно осуществимые. Энергия никогда не составляла сильной стороны Вашего характера.

Мне кажется, что при спокойном и хладнокровном обсуждении я лучше Вас предвижу будущее: оно не будет иметь того мелодраматического оттенка, в который старается облечь его для собственного утешения Ваше поэтическое воображение. Для Вас, — я не сомневаюсь в этом, — будущее ужасно, но в то же время совершенно прозаично, весьма даже обывательски буржуазно. Вы будете окружены кольцом всеобщего осуждения. Презираемый, оплеванный, осмеянный, Вы будете, в лучшем случае, вызывать лишь равнодушное отношение и стремление удалить Вас. Вас будут избегать, над Вами будут насмехаться; спокойные люди будут избегать Вашего вида; горячие головы будут осыпать Вас оскорблениями и не обращать никакого внимания на требование Вами удовлетворения. Вы сделаетесь единицей измерения отрицательных сторон общества и угаснете, ненавистный сами себе и смрадный для других.

Внимание, которое будут оказывать Вашей жене, не изменит отношений к Вам. Так, например, на меня лично нисколько не повлияло то место Вашего письма к Вашей жене, где Вы говорите, что если я перейду во враждебный Вам лагерь, то тем самым буду и против нее. Должен признаться, что я не в состоянии постигнуть солидарности между Вами и Вашей женой. Более того, милейший Г., я каждый день говорю и повторяю ей, что и ее честь, и собственное достоинство, все чувства самоуважения и истины обязывают ее навсегда порвать с Вами всякие отношения. Ведь, Вы заставили ее в доме Сю играть гнусную роль сводни; Вы, насильно делая ее сообщником Ваших махинаций, топтали ее ногами и волочили по грязи. Теперь она должна забыть самое Ваше существование на земле; она должна стараться искоренить даже память о Вас у Ваших детей, которым в наследство Вы подготовляете лишь имя, покрытое позором. Я советовал ей снова поселиться на родине, убежать от Вас в страну, куда Вы не можете приехать, и куда Ваши письма к ней не будут доходить, и я повторяю эти советы ежедневно, потому что я ей друг и убежден в том, что это — единственный для нее почетный и достойный выход. Но несчастная женщина, жизнь которой Вы наполнили страданиями и унижениями, еще до сих пор сопротивляется:

она все еще так безумна, что продолжает дорожить Вами; она подготовляет ужасное будущее для себя самой и для своих детей. Она Вас покинет, когда будет уже поздно. Но ни она, ни Вы не будете иметь права говорить впоследствии, что от Вас скрывали правду.

Обрушиваясь на Вас, общественное мнение введет в свой приговор еще один элемент, которого я лично не выдвигаю на первый план, но, разумеется, и я не могу отрицать его важного значения. Это — денежный вопрос, Ваша жизнь за счет той, которую вы каждый день распинаете. Здесь денежный вопрос — не заблуждайтесь на этот счет — не есть вопрос «буржуазный». Вы знаете, что наш мир вертится около денег, и что чистым человеком можно считать лишь того, кто в праве не упрекать себя ни в чем предосудительном в финансовом и материальном отношениях. В наше время преданность, самопожертвование, равно как чувства и поступки им противоположные, измеряются деньгами, и это справедливо. Деньги дают больше, чем возможность жить: они дают человеку независимость, и общество всегда интересуется тем, за счет каких же жертв человек приобретает себе это благо.

Будущее, которое я развертываю перед Вашими глазами, начинает уже показываться на нашем горизонте. Оно скоро осуществится само собою, помимо всякого участия противной стороны. Сплетни исходят не отсюда: я Вам заявляю, что с самого моего приезда сюда и до Вашего вызова на дуэль я ни от кого не слышал Вашего имени, не слышал ни единого слова о печальной истории прошлого.

Теперь, когда Вы сообщаете, что вызов на дуэль Вы послали тремя различными путями, придется, конечно, объяснить, почему Ваш вызов остался непринятым. Но и теперь еще не делают всего того, что Вы предполагаете; так, например, я могу удостоверить, что Гаугу не было сделано никаких разоблачений. Гауг выступил самостоятельно, и я его принимаю. Это — логическое последствие вещей.

Как только дело огласится, — будьте в том уверены, — со всех сторон появятся добровольные друзья, и даже люди индиферентные соединятся против Вас и со всею силою их негодования будут протестовать против вопиющего нарушения чувств чести, человеческого достоинства и правды. Каждый день Вы будете видеть, как разрастается эта фаланга, и каждый день все больше будет расширяться пустота вокруг Вас. Вы сами работаете в этом направлении, Вы — самый могучий союзник Ваших противников. Ваши удары не попадут в цель; как только Вы будете изгнаны из общества, каждый Ваш выпад будет рассматриваться как патент на невинность и почет для того, на которого Вы направите его. На Ваши оценки будут отвечать лишь пожиманием плеч;

так я и принужден был ответить на Ваше утверждение, что «у Энгельсона не все дома». Знаете ли, что я могу ответить на это замечание? Что я буду считать себя удостоившимся чести и необычайно польщенным всякий раз, когда кто-нибудь возвеличит меня сравнением с человеком, которого Вы осуждаете росчерком пера. И таким же образом будут всегда относиться к Вам все и каждый: Вы потеряете самое высокое право, которым человек обладает на земле, — право оскорбить ближнего. И заметьте еще, милейший Г., что в настоящее время я приподнял лишь один край завесы. Если бы я ее разорвал пополам, Вы увидели бы за нею еще другие вещи, гораздо более эффектные и серьезные. В кратких словах и положа руку на сердце, я утверждаю, что Вы стремглав падаете в пропасть и увлекаете за собою жену и детей.

Недалеко время, когда Вы почувствуете себя на самом дне пропасти. Теперь вопрос: есть ли еще возможность спасти Вас? — потому что, повторяю Вам, дело идет не только о Вас, это — гибель для Вас и для Вашей семьи, замешанной в деле. Ответить на это трудно; положение очень напряженное и случай весьма опасный; я не могу скрыть этого от Вас. Помочь Вам снова завоевать почетное место в обществе было бы очень тяжелой работой, титанической задачей. Понадобилось бы с Вашей стороны высшее усилие воли и безграничное доверие, а я опасаюсь, что при том состоянии духа, в котором Вы находитесь, такое усилие для Вас невозможно.

Во всяком случае, я поговорил с Вами совершенно так, как говорю о Вас Вашей жене; я Вам высказал то, что мне говорит моя совесть, в чем я серьезно и глубоко убежден. Я счел своим долгом высказать Вам все, что думаю, объявить Вам приговор, хладнокровный, спокойный, беспристрастный. Будущее Вам покажет, что я не ошибся ни в одном из своих заключений; но я доволен, по крайней мере, тем, что в этом будущем у Вас не останется права говорить, что все были глухи к Вашим призывам, что не нашлось ни одного человека, который согласился бы протянуть Вам руку и спасти Вас от гибельных последствий Вашего прошлого, которому нет оправданий.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо это служит выражением того чувства возмущения и негодования, которое было вызвано поведением Гервега относительно Герцена и его жены в широких кругах революционеров, среди которых вращались и Герцен и Гервег. Чувства Энгельсона разделялись и Маццини, и Орсини, и Фохтом, и Гаугом и т. д. Это возмущение приняло особо острые формы в связи с тем, что Гервег отослал обратно, якобы непрочитанным (на деле он прочитал его), письмо к нему Н. А. Герцен от 18 февраля, о котором шла речь в предыдущем

письме Энгельсона. Этот факт стоит и в центре комментируемого письма. Ближайшим же поводом к его написанию послужило, повидимому, одно из писем Гервега к его жене, Эмме Гервег, в котором он касался вопроса о позиции Энгельсона в конфликте между ним и Герценом. Эмма Гервег оставалась в Ницце и после того, как сам Гервег, в результате разрыва с Герценом, принужден был уехать из города и поселился в Цюрихе. Это была незаурядная женщина, бесконечно преданная Гервегу, но гораздо более его прямая и устойчивая и гораздо ближе его связанная с революционной средой и ее интересами. Люди этой среды, раз навсегда отвернувшиеся от Гервега, не только считали возможным поддерживать с ней отношения, но и продолжали относиться к ней, как к товарищу и другу; это относится и к Энгельсону и, еще в гораздо более сильной степени, к Орсини (через несколько лет Эмма Гервег организовала его знаменитый побег из австрийской тюрьмы). В Ницце Эмма Гервег являлась как бы представителем своего мужа, и письма к ней последнего были рассчитаны не только на нее, но и на ее друзей, которых она охотно с ними знакомила. Одно из подобных писем Гервега и послужило поводом к комментируемому письму. Впоследствии жена и муж вновь соединились и жили вместе до самой смерти Гервега. Эмма надолго пережила его: она умерла в 1912 г., до самой смерти ревниво оберегая от посторонних глаз переписку, касающуюся отношений Гервега и Герцена. Эта семейная традиция блюдется и ее сыном, Марселем Гервегом, который опубликовал ряд любопытных материалов из эпистолярного наследия своих отца и матери, — но ни строки из переписки Гервегов с Герценами. Письмо в подлиннике написано по-французски и опубликовано в П. соб. соч. Герцена (XIV, 96—103) по собственноручной копии Энгельсона, сохранившейся в бумагах Герцена. Автор скопировал не все письмо, но, повидимому, его центральную часть. Перевод нами исправлен.

Просьба об отсрочке — несомненно, письмо № 1, также *ответ* — письмо № 2 с его приложением.

Гауг (Haug) Эрнст — участник венской революции 1848 г. и защитник римской республики в 1849 г.; от Гарибальди он получил чин генерала и под кличкой «генерал» был известен в революционной среде. Приговоренный к смертной казни, Гауг после поражения революционного движения жил эмигрантом в Лондоне, в близком общении с Маццини и принимал видное участие в делах немецкой демократической эмиграции.

Герцен познакомился с ним еще в 1849 г., а в эпоху его личных несчастий Гауг оказался для Герцена одним из самых близких людей: 17 марта 1852 г. Герцен писал в связи с делом Гервега, что Гауг рядом с Энгельсоном «показали себя самыми близкими людьми и самыми глубоко понимающими». В конце 1851 г. Гауг приехал в Ниццу, чтобы быть около Герцена, и был с ним в дни смерти Наталии Александровны; последняя поручила Гаугу исполнение своей последней воли, вручение Гервегу ее письма. Исполняя это поручение, Гауг, возмущенный гнусным поведением Гервега, дал ему пощечину. Впоследствии Гауг вместе с Герценом переехал и поселился в Лондоне, а затем уехал с научной экспедицией в Австралию.

О семейной драме Герцена Гауг, действительно, узнал не от Герцена, а от Маццини, которого в свою очередь осведомлял Орсини, тоже знавший дело не от Герцена, а от Эммы Гервег, но занявший позицию, враждебную Гервегу.

Человек, которого вы осуждаете — конечно, А. И. Герцен.

ПИСЬМА А. И. ГЕРЦЕНУ

4

8-й час. [Генуя, 10 июля 1852 г.].

Я только что получил весть, что Эмма отложила свою поездку и 9-го числа была еще в Ницце.

11 июля, воскресение, 6 час. пополудни. Альбаро.

Весть о происшествии 1-го июля прибыла в Ниццу 7-го числа, и 8-го красноносая барыня вечером отправилась с сыном в Цюрих. Об этом вчера меня известили под условием держать в тайне, т. е. как я смею думать, с тем, чтобы я это Вам передал, и в надежде, что Вы проговоритесь об этом известии, — тогда будут иметь предлог завязать дело со мною, и, когда меня не будет, у красной барыни будет одним противником меньше. Может быть, неприлично с моей стороны делать такие «догадки», но — «мысли от Бога», и так мне *сдается*.

Поэтому я Вас прошу про себя держать известие об ее поездке, которая будет иметь, вероятно, и дурную и хорошую сторону. Дурная сторона может быть в том, что она накричит, а, наконец, чего доброго, пожалуй, еще раз захочет свою прыть показать и преданность мужу, пырнув Вас или Сашу ножом. Вот почему, несмотря на предписание держать ее поездку в тайне, я спешу Вас об ней предупредить. — Хорошая же сторона в том, что она нежданно приедет к своему супругу, который вряд ли ей обрадуется.

Как уже вчера я Вам писал, я сообщил вчера же подстрочный перевод рассказа Вашего о происшествии 1-го июля Орсини и послал список Вашей записки к Дамету.

Сегодня я Дамету описал подробно все дело и просил его мой рассказ сообщить Пачелли.

Завтра опишу так же подробно все дело Бонфису и последний эпизод — Мордини, который в Специи.

Сегодня у меня нет времени, и потому только я Вам не посылаю копию с моего рассказа *всего* дела; но я не премину доставить Вам копию с него. Посылаю Вам прило-

женное запечатанное письмо и прошу Вас и Эдмонда, которому я при сем, на случай нужды, написал форменное письмо, напечатать к сему приложенный мой avertissement, — буде он Вам не очень не понравится. Теперь прочтите его. — Я, было хотел прибавить под конец еще следующее:

«Quant au sieur — lui-même, je l'avertis que je ne chercherai pas à le rencontrer, mais que, d'un autre côté, je ne l'éviterai non plus. C'est à lui de prendre ses mesures pour ne pas se trouver sur mon chemin, car le fait de sa rencontre me porterait à supposer que la leçon qui lui a été infligée, n'a pas été suffisante. — Il est evident que je n'accepterai pas de duel avec le sieur Herweg, tout comme j'ai insisté à ce que mon ami, M. H., auquel il avait adressé une dénonciation sous le nom de cartel, refusât nettement de se mesurer avec un individu semblable. Mais, s'il plaisait à quelqu'homme loyal et honorable de se faire champion du sieur H., à celui-là je me ferais un devoir de prouver que j'ai le courage de soutenir mon opinion par les moyens, usités entre gens honorables. On peut s'informer de mon adresse à Gênes, au bureau de M. M. Capril, Frasezini et C-ie, rue Luigi, № 576».

Но Медичи отсоветовал прибавлять последние слова, говоря, что они: 1) к делу не идут, 2) с моей стороны, так как я не получал картеля от сукина сына, похожи на браваду; оттого я их выпускаю.

Завтра мы справимся у законоведцев, нельзя ли и в здешних журналах напечатать мое предуведомление.

Не посылаю немецкого перевода, ибо, ей Богу, сегодня некогда: записался я. Попросите пожалуйста, кого-нибудь это перевесть на немецкий. — Одною из последних фраз: «sans toutefois oser prétendre qu'ils l'eussent fait etc.»* Вы, я думаю, будете довольны.

Сегодня вышел номер «Italia e Popolo».

Мужайтесь еще, друг мой! Оплеуху-то он, все-таки, съел, и за то слава Богу, а чернильные дела легче. Ну, до свиданья же.

Писали Вы Головину? Напишите.

Куда Вы из Лугано? Теперь, кажется, незачем в Ц[юрих].

Как скоро мое письмо будет напечатано, пошлите экземпляр сукину сыну и мне.

Я посылаю нумер «Italia e Popolo».

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо опубликовано в П. соб. соч. Герцена (VII, 72—74) по подлиннику, сохранившемуся в бумагах Герцена. Последний находился в этот момент в Лугано.

* Не осмеливаюсь, однако, утверждать, что они сделали бы это и т. д.

Происшествие 1-го июля — перед смертью Н. А. Герцен обязала своих друзей заставить Гервега прочесть ее письмо к нему от 18 февраля 1852 г., которое Гервег вернул якобы непрочитанным (см. прим. к № 2). Наталья Александровна скончалась 2 мая 1852 г. Во исполнение ее воли Гауг и Тесье (Tessié du Motay, французский эмигрант, близко стоявший к Герцену в начале 50-х годов) 1 июля явились к Гервегу, жившему тогда в Цюрихе, и предъявили ему письмо Натальи Александровны. При этом обнаружилось, что Гервег не только в свое время вскрыл и прочел письмо, но, отсылая его якобы невскрытым, вложил в конверт собственную грубую записку Наталье Александровне. Встреча закончилась тем, что Гауг дал Гервегу пощечину. Этот эпизод описан в «Былом и Думах» (II, 252—253).

Красноносая барыня — Эмма Гервег.

Саша — сын Герцена.

Орсини (Felice Orsini) — итальянский революционер, видный участник революционного движения 1848 г., казнен в 1858 г., в Париже, за покушение на Наполеона III, друг Герцена (об их отношениях см. «Былое и Думы» по указ.). Письмо Энгельсона к Орсини, написанное «вчера», т. е. 10 июля, и содержавшее рассказ самого Герцена о «происшествии 1 июля», неизвестно, но сохранился ответ Орсини на это письмо (П. соб. соч., VII, 74). В нем Орсини писал, что «Гервег... должен быть морально и физически вычеркнут из списка людей» (там же).

Дамет — французский публицист, редактор ниццской газеты «L'Avenire de Nice» («Будущее Ниццы»), поддерживавший связи с революционной средой и в конфликте Герцен — Гервег стоявший на стороне первого. Газета очень благожелательно относилась к литературным выступлениям Герцена и посвятила ему горячо написанную статью по поводу смерти Н. А.

Пачелли (Pacelli) — итальянская семья в Ницце, знакомые Герценов.

Бонфис (Bonfils) — ниццский врач, лечивший жену Герцена и присутствовавший при ее смерти.

Мордини (Mordini) — итальянский революционер, впоследствии сотрудник Гарибальди и его заместитель в Сицилии. Сохранились его сочувственные письма Герцену по поводу истории с Гервегом.

Эдмонд — Эдмонд Хоецкий, польский эмигрант, впоследствии довольно видный польско-французский писатель и журналист; был в это время изгнан из Франции, жил в Ницце и принимал близкое участие в делах Герцена. См. о нем «Былое и Думы» по указ.

Avertissement — предупреждение. Речь, повидимому, идет о какой-то статье Энгельсона против Гервега, нам неизвестной.

«*Quant au sieur...* — «Что касается самого господина, я наперед уведомляю, что не буду искать встречи с ним, но, с другой стороны, не буду и избегать ее. Его дело — принять меры, чтобы не попасться мне на пути, потому что данный ему урок был недостаточен. Очевидно, что я не приму дуэли с г. Гервегом, подобно тому, как я настаивал, чтобы друг мой г. Герцен, которому он прислал донос под видом вызова, совершенно отказался мериться с подобным субъектом. Но если какому-нибудь порядочному и честному человеку было бы угодно выступить в роли защитника г. Гервега, то я счел бы своим долгом доказать, что имею храбрость поддержать свое мнение средствами, принятыми между честными людьми. О моем адресе можно справиться в Генуе, в бюро М. Каприль, Фразезини и К°, улица Луиджи, № 576».

Медичи (Medici) — деятель итальянского национально-освободительного движения, в этот момент известный революционер и республиканец, дружественно близкий Герцену. Медичи решительно стал на сторону Герцена в конфликте с Гервегом. Его портрет см. «Былое и Думы» по указ.

Italia e Popolo — «Италия и Народ», орган мадзинистов, издавав-

шийся в эту эпоху в Генуе. В номере, посылавшемся Энгельсоном Герцену, впервые появились в печати сведенья о посещении Гаугом и Тесье Гервега и о полученной последним пощечине. Статья была составлена, вероятно, не без участия Энгельсона.

Головин И. Г. — русский эмигрант, публицист, с которым Герцен вскоре решительно разошелся, но в данное время еще поддерживал отношения. Об их отношениях см. «Былое и Думы» по указ.

Письмо будет напечатано — повидимому, статья Энгельсона напечатана не была; она, по крайней мере, не сохранилась в архиве Герцена и не упоминается в их дальнейшей переписке.

5

13 июля [1852] вторник.

С субботы (10-го) я Вас ежедневно бомбардирую моими письмами — может быть и это нехорошо, но «почем знать, чего не знаешь». Сегодня у меня нет никаких новостей Вам сообщить, кроме того, что я вполне беру назад слово, вчера сорвавшееся у меня с языка насчет Орсини. Я получил от него сегодня весьма хорошую записку — он сам объявил Эмме, вравшей ему дотоле вздор, о получении публичной оплеухи ее мужем. Она смолкла...

Не осудите мое авторское самолюбие! И если Вам не противно мою болтовню читать, то прочтите вот тут посвящение, которое я желал бы напечатать во главе моего сочинения (если Вы его примете). Об одном прошу — поверьте, что каждое слово в нем искренно.

Попросите за меня у Тесье позволение напечатать эпиграфом к сочинению последние два стиха его сказки о Царевиче, которые если не ошибаюсь, так звучат:

...Il faut nous étendre,
Dussions nous y périr!

и выставить под ними: Le Czarévitch, Légende russe, traduite par — и все его имя. Заглавие моей книги будет «анархия»: такое страшное, что крупно и написать его боюсь.

К посвящению я намерен прибавить post-scriptum, в котором объясню, почему я имени моего в печати не выставлю.

Гзелю я рассказа о деле с мерзавцем не написал, — как я вчера намеревался, — потому что меня взяло раздумье, довольны ли Вы будете и тем уж, что я Бонфису и Дамету по-своему рассказал, без Вашего спроса.

Жаль, если это письмо пропадет. — Известите меня, дошло ли оно до Вас.

Книга моя еще не готова. Ведь известно, что юные авторы сперва заботятся о заглавии, потом о посвящении, а уж под конец только о содержании своих творений.

Приезжайте-ка. Писем от Вас после того, от 7-го, нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

Этому письму предшествовало неизвестное нам письмо от 12 июля. В нем был и тот неблагоприятный отзыв об Орсини, который в данном письме Энгельсон торопится взять обратно. К письму приложена статья — посвящение книги «Анархия»; эта статья напечатана нами выше, в отделе «Статьи». Письмо написано из Генуи в Лугано, где находился в этот момент Герцен. Опубликовано по частям Гершензоном и в П. соб. соч. Герцена.

Тесье — см. о нем прим. к предыдущему письму, а также «Былое и Думы» по указ. Слова Энгельсона указывают, что Тесье принадлежал перевод в стихах на фр. языке одной из русских сказок о царевиче; он известен был Энгельсону в рукописи и, повидимому, в рукописи же и остался: нам не удалось найти подобного издания во французских каталогах. Приведенные Энгельсоном два стиха в переводе гласят: «Мы должны распространиться, хотя бы ценой собственной гибели!»

Гзель — товарищ Орсини, который рекомендовал его Герцену как «честного и мужественного человека» (Герцен. П. с. с., VII, 78). Одно время он обучал Энгельсона итальянскому языку; жил в Ницце, занимаясь уроками. Его горячее сочувствие Герцену выражено в отрывке письма, который Энгельсон приводит в № 6.

6

[Генуя,] 24 июля [1852 г.] Альбордо.

Вести из Ниццы:

Выписка из письма *Дамета* ко мне от 19 числа:

«...я должен Вам сказать, что огласка этих фактов из частной жизни получила здесь различные оценки. Некоторые итальянские эмигранты, пользующиеся благородной репутацией, явились ко мне с целью выразить свое довольно живое неодобрение по этому поводу. В особенности сильно повлияло оглашение на г-жу Гервег, и она только что обратилась к нам с письмом, которое просит напечатать. Неотъемлемые права защиты не позволяют, по моему убеждению, отказать в помещении этого письма, тем более, что она носит фамилию обличаемого лица и потому могла бы обратиться к закону для удовлетворения своей просьбы.

«Вы должны понять, что я чрезвычайно сожалею, что обстоятельства ставят меня в такое положение; но по правде говоря, я сам в душе не вполне убежден, что наши друзья были правы, обратившись в таком деле к гласности. Письмо г-жи Гервег, вероятно, вызовет и с их стороны ответ. Этот ответ выяснит факты, но не следует ли бояться, что грязь, в которой неизбежно придется копаться, чтобы обнажить подлость презренного Гервега, сама окажется равносильною гнусному прикосновению к чистой и глубоко чтимой памяти? Вот, что я Вам предлагаю. Я отправлюсь к г-же Гервег и посоветую ей отказаться от требования напечатать ее письмо; надеюсь убедить ее заявлением, что у меня в руках имеются документы, которые придется пустить в ход, чтобы

оправдать поведение наших друзей по отношению к человеку, чье имя она носит... Подумайте о моей идее. Напишите в Швейцарию, если сочтете это кстати. Само собой разумеется, я ничего не напечатаю из того, что доставят с той стороны, без разрешения и формальной рекомендации».

23-го я писал ответ Дамету, когда мне принесли № 392 «L'avenir de Nice» (от 20-го), в котором уже напечатано письмо Эммы.

Посылаю Вам в одно время с этим письмом sous bande № 385 от 13 июля, в котором напечатан рассказ о пощечине; № 387 от 15-го, в котором на 3-ьей стр. erratum касательно статьи предыдущего нумера, и два экземпляра № 392, от 20-го числа, в котором письмо ее.

Убедительно прошу ответить на письмо ее. По-моему, надобно бы, чтоб Гауг и Тесье назвались и чтоб автор статьи, посланной в журналы, также публиковал свое имя.

Гзель пишет: «С первого текущего месяца меня оставил последний мой ученик, и я еще не могу хорошо себе представить, что со мною будет до начала октября. — Одного только ученика мне предложили дней десять тому назад (его письмо от 19-го), — это был маленький Гервег! — Я уже, было, согласился его принять, как вдруг случайно встретился с г. Бонфисом, который дал мне прочесть Ваше письмо. Вы мне поверите, что после этого я скорее согласился бы умереть с голоду, чем вступить в какие-либо отношения с этою дамою; я слишком любил Александра, чтобы посещать сына и жену палача г-жи Герцен».

M-me Pacelli ушиблась во время прогулки на осле, повредила себе спинной хребет и после 15-дневных страшных мучений умерла.

Вести из Генуи:

Получив вечером 22-го числа письмо Ваше от 18-го, я тотчас же сообщил его содержание Медичи. Итальянцы (и он первый) отказались подписать декларацию, подписанную Гаугом, Тесье и др., говоря, что они не хотят называть себя судьями, ибо только одна из тяжущихся сторон к ним обращается, и что они не выслушали того, что мерзавец мог бы сказать в свое оправдание. Поэтому Козенц написал приложенную к сему декларацию, которую пять прочих (последний — Больдони) вслед за ним подписали. Козенц изъявил, что, по его мнению, Вы сделали бы лучше не печатать эти декларации, а иметь их только у себя документами для предъявления в случае нужды.

Медичи велит сказать, что этих имен достаточно, ибо это — главные люди здесь.

Он торопит меня отослать Вам их декларацию. Вчера я не мог это сделать, оттого что я после беготни к этим гос-

подам сильно занемог; сегодня мне лучше. Я послал списки вашего аппеля к демократам, декларации Гауга, Тесье, декларации итальянцев и моей — к Орсини и Мордини, предлагая им, не угодно ли и им ответить декларациями от себя, и извиняясь перед ними в том, что я не посылаю им в подлиннике декларации здешних итальянцев. Сообщу списки с Вашего аппеля и ответа Гауга Дамету, доброму Гзелю и Бонфису. — Дамета я извещу, что я Вам выписку сообщил из его письма ко мне и препроводил ответ Эммы.

Если моя декларация Вам не нравится, Вы можете ее бросить.

Café de la poste.

Я получил письмо Ваше от 22-го и препровождаю Вам сейчас же полученное мною письмо от Орсини.

30-го июля, утром.

Не поздно ли все это придет? уж не подчинились ли Вы приговору того вселенского собора, который, несмотря на демократический состав свой, предлагает поединок, «суд Божий», как единственное средство покончить дело, чтоб потом разнесся слух, что Вы сперва не хотели поединка, искали другое средство, созвали судилище, но были *принуждены* судом принять поединок!? Это из рук вон скверно. Лишь 28-го Медичи получил и принес мне вечером Ваше письмо к нему от 24-го числа, из которого впервые я пояснее узнал дело! Это письмо они вчера вечером у меня написали. Медичи намекнул мне, что ему неловко сказать Вам еще следующую мысль: если б многие из вас, т. е. не один Вы с Тесье, сюда приехали, то пошел бы говор, что вот, де, все вы съехались снова совещаться и новое затевать. Я позволил себе выскабливать собственные имена в их письмах, и начал делать это теперь, без их спроса, думая, что это лучше. Но вот опять раздумал и оставляю имена. — Иду в город спрошу письма, запечатаю это, потом и отправлю.

Целую вас всех крепко, если мои поцелуи вам не неприятны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Опубликовано в П. соб. соч. Герцена (VII, 76—79).

Выписка из письма Дамета — о Дамете см. прим. к № 4. Попытка Дамета уговорить Э. Гервег воздержаться от публикования своего ответа на напечатанное в редактировавшейся Даметом газете описание «происшествия 1-го июля» не увенчалось успехом, и он вынужден был напечатать его.

Напишите в Швейцарию — т. е. Герцену, который в этот момент находился в Женеве.

Письмо Эммы — в защиту Гервега в № 392 «Будущего Ниццы» от 20 июля см. в П. соб. соч., XIV, 115—116.

Sous band — бандеролью.

Erratum — исправление ошибки.

Убедительно прошу ответить на письмо ее — Герцен, Гауг и Тесье не нашли нужным сделать это, повидимому, потому, что уже 26-го июля Тесье передал для печати свой рассказ о «происшествии 1-го июля», который 27-го и появился в «Новой Цюрихской газете» (он приведен в П. соб. соч., XIV, 117—118). Это письмо Тесье было одновременно ответом и на письмо Эммы Гервег. В этом же номере появилось и клеймящее Гервега письмо Герцена (VII, 111—112).

M-me Pacelli — см. прим. к № 4.

Письмо Ваше от 18-го — это письмо Герцена неизвестно в печати. Из слов Энгельсона следует, что к нему была приложена «декларация, подписанная Гаугом, Тесье и др.». Из следующих затем слов Энгельсона я заключаю, что эта декларация — то самое «коллективное письмо к Герцену», которое — без подписей — напечатано во фр. подлиннике на стр. 80—81 т. VII Пол. соб. соч. Герцена и на стр. 273 т. II «Былого и Дум», изд. 1931 г. Оно начинается словами: «Вы выбрали нас судьями», т. е. словами, которые оказались неприемлемыми для Медичи и его друзей. Там же напечатана другая редакция «декларации», составленная в Генуе, о которой ниже говорит Энгельсон. Обе декларации (Гауга и др., составленная в Люцерне 18 июля, и Козенца и др., составленная в Генуе 23 июля) подтверждают, что Герцен поступил совершенно правильно, отказавшись от дуэли с Гервегом.

Пять прочих — кроме Козенца, К. Пизакане, Дж. Медичи, Л. Мецокоппо, А. Бертани, К. Больдони — все выдающиеся представители итальянского национально-освободительного движения, жившие в эмиграции после поражения движения 1848—1849 гг.; подробнее о них см. «Былое и Думы» по указ.

Аппель к демократам — воззвание «К братьям-демократам», в котором Герцен мотивирует свой отказ от дуэли с Гервегом и передает поведение последнего на суд общественного мнения революционной среды. Воззвание напечатано в Пол. соб. соч. Герцена, т. VII, стр. 65, и в «Былом и Думах», т. II, стр. 272.

Орсини и Мордини — присоединились к точке зрения своих генуэзских товарищей, сделав это в виде особых заявлений, написанных Орсини — в Ницце, а Мордини — в Специи, одновременно, 26 июля. Энгельсон успел получить заявление Орсини еще до отправки своего письма; о нем и идет речь ниже. Оба заявления напечатаны в Пол. соб. соч. Герцена, VII, 82—83, и «Былом и Думах», II, 273.

Вселенский собор — т. е., конечно, широкое, традиционное общественное мнение.

Письмо Медичи — письмо Герцена к Медичи от 24 июля в печати неизвестно.

Это письмо... вчера вечером... написали — т. е. 29 июля; подобного коллективного письма к Герцену неизвестно.

7

[Женева, 22 сентября 1852 г.]

Палаки

миром Господу помолимся.

Вы пишете: «Зачем мы с Вами не умерли!» — Помилуйте, теперь не нам, мелким людям, черед умирать — теперь у смерти пошли в моду Веллингтоны, Волконские. — Волконский умер! — слышали Вы это? — Ну, понятная ли это вещь! —

Один за другим, два русских фельдмаршала, из которых один был не русский, другой не был фельдмаршалом, а только так назывался. — Экая оказия! Да, смерть, баловница, что-то разгулялась в России. Смотрите, в какие-нибудь полгода она прибрала Набокова, Вронченко, Волконского (двух министров и 1-го корпусного генерала), Гоголя, Брюлова (двух артистов) — а на будущий год она грозит еще холерой. — Чего доброго, и еще кого-нибудь важного зашибет.

Придут ли эти мысли в голову тем, которые будут хоронить князя Петра Михайловича? — Вряд-ли! Они, чай, только рассердятся на эту либералку, да отдадут строжайший приказ медицинской управе взять ее под полицейский надзор. — И по делом будет — главам хранительной партии умирать неприлично; они должны на себе показывать прочность и вечность общественного порядка. Воображаю себе похороны — все в мундирах, войско под ружьем, попы и певчие заливаются, фрейлины плачут. Орлов думает о том, как бы ему в министры двора — полно с шпионами возиться, пора отдохнуть, — а Леонтий Васильевич думает: кого-то мне теперь на голову посадят? долго ли нам еще с Гедеоновым театральной школой заведывать? — Нессельроде не поехал на похороны, у него припадок падагры, к тому же нередко бывали примеры, что люди на похоронах своих сверс[т]ников простужались, — а погода такая скверная, небо en petit deuil, цвета офицерской шинели; мелкий, холодный дождь изображает слезы туч, сбежавшихся со всех болот, топей и (не целебных) грязей Ингерманландии, Финляндии и Карелии. Где же солнышко? Кому-то оно теперь светит, кого пригревает? — Нет его ни в Варшаве, ни в Пруссии — там холера — нет его в Лондоне, там Веллингтона погребают точно так же.

А вот — поди ты! — глянь-ка, кому оно улыбается! — видишь там — в краю далеком, где прекрасное вино — остановился паровоз; из него вышел человек лет сорока, ему подали коляску à la Daumont, пушки гремят, колокола звонят; — в ту минуту, когда он садится в коляску, ему сообщают, что электрический телеграф принес весть о неожиданной смерти победителя Ватерлоо. Князь не сказал на это ни слова, но был только любезнее обыкновенного и чрезвычайно благосклонно улыбнулся, когда коляска его «должна была остановиться, потому что лошадей по колено закидали, засыпали цветами».

Да, телеграф прошептал: «Веллингтон умер» — а тут народ кричит: «Да здравствует Император!» — Возможно ли, что бы при этом ни одному из царедворцев не пришло на мысль сказать тихонько князю: «да здравствует император французов, король Великобритании, протектор Ирландии»? — Кто ж

этот человек, позвольте спросить, на чьей улице теперь праздник, между тем как у Вас траур по Петре Михайловиче, а в Лондоне по Веллингтоне? — ваш он? наш он? — ни ваш, ни наш, ни даже свой, — он божий человек, — только на его улице теперь праздник. — А Вы, друзья, держите ухо востро, чтоб Вам, по его милости, не быть у праздника — ведь он — лихой.

Так как-же теперь умирать? Александр Иванович! — надобно повременить — слишком занимательная драма на сцене, чтоб, не дождавшись развязки, итти вон из театра и лечь спать.

Я, на Вашем месте, — остался бы в Лондоне. — Да правда, там у вас генерал. — Жаль! — Не будь генерала, Вам, — как я вижу из письма Вашего от 18-го, — нигде лучше быть не может, чем в туманном Альбионе. — А впрочем, ежели Вы приедете, мне будет веселее. — Выпьем.

Не забудьте только 3-й том Гакстгаузена.

Здесь ничего пока нет нового; — Фока еще не приехал. — Прощайте.

ПРИМЕЧАНИЯ

За время, прошедшее с предыдущего письма Энгельсона, Герцен успел переехать в Англию и поселиться в Лондоне, а сам Энгельсон переехал из Генуи в Женеву. В этот период они обменялись несколькими не дошедшими до нас письмами. Ответом на одно из этих писем Герцена является и комментируемое письмо.

Паэки — слово это в подлиннике помещено так, что служит и обозначением места написания письма (Paquis — подгородное место в Женеве) и первым словом начинающего его «прошения», заимствованного из православного богослужения («паки миром» и т. д.).

Веллингтон — Английский фельдмаршал, победитель Наполеона при Ватерлоо, руководитель крайне-правого крыла английских консерваторов; носил также почетное звание русского фельдмаршала; умер 14 сентября 1852 г.

Волконский Петр Михайлович, князь — генерал-фельдмаршал, министр императорского двора, личный друг Александра I и Николая I; умер в 1852 г.

Вронченко — министр финансов при Николае I.

Орлов А. Ф. — князь, ближайший сотрудник Николая I, в 1852 г. главноуправляющий III отделением и шеф жандармов.

Леонтий Васильевич — Дубельт, управляющий III отделением.

Гедеонов А. М. — директор императорских театров в Петербурге и Москве, пользовался своим положением начальника театральной школы для сводничества, друг Дубельта.

Человек лет сорока — ниже: *князь* — Наполеон III, на которого Энгельсон, как явствует из дальнейшего, возлагал какую-то особую историческую «миссию». Герцен был прав, когда по поводу этого и следующих писем писал, что в них уже чувствуется своеобразный «бонапартизм» Энгельсона.

Генерал — Гауг; он вместе с Герценом переехал в Англию и некоторое время жил с ним на одной квартире. Уже в это время между Герценом и Гаугом намечалось охлаждение, которое вскоре перешло в полное отчуждение; о Гауге см. прим. к № 3.

Гакстгаузен — о нем см. в прим. к № 10.

Фока — К. Фохт, друг Герцена, германский политический деятель и известный естествоиспытатель. См. о нем «Былое и Думы» по указ.

8

[Женева,] 1-го октября [1852] пятница.

Благодарю Вас за несколько подробный рассказ, сообщенный Вами мне о Вашем житье-бытье в письме от 26-го. — Не на границе задерживают письма, а в самом Париже, потому что только там имеются переводчики, — и в Париже кладут тимбр Ферне. Это я сообщаю Вам для того, чтобы Вы, если будете публиковать в Теймзе, могли обстоятельно говорить. Эдм. показывал здешнему почтовому ведомству возвращенный Вами пакет. Они отвечают только, что французский почтамт не под их ведомством.

Весть о пребывании здесь прудонца Масальского имеет, кажется, одинаковую степень вероятности с вестью, сообщенной недавно Фогту о том, будто Вас в Париже схватили и выдали русскому правительству. Фогт третьего дня сюда приехал, — говорит, что писал Вам недели две тому назад, но не имеет ответа.

Тесье, Фогт и Эдм. с горячностию приняли мысль завести обозрение и поручили мне сообщить Вам их мнение.

Чтоб не забыть, начну с того, что по ним дело не стоит заводить в случае, если б не было трехсот тысяч фр. капитала; — что по их мнению и сведениям Вам возможно найти, особенно если Вы уговорите Лёве действовать с Вами заодно на островитян. Поговорив с Лёве, Вы бы пригласили к себе на чашку чаю и бутылочку шипучки альбионцев и при такой окказии и завели бы речь: — троица женевская говорит, что дело может быть удачно только, если оно будет нечто не менее важное, чем энциклопедия прошедшего века. Издавать обозрение только на немецком или на французском, или на этих двух языках вдруг — не стоит. Книги отдельных знаменитых авторов на этих двух языках еще находят себе сбыт в Европе, несмотря на таможни; но нельзя думать, что периодическое издание могло бы так же расходиться, и потому такое периодическое издание не оплачивалось бы, а торговый, денежный успех — не только верный залог удачи, но и необходимое условие для большей части сотрудников, не могущих даром работать.

Итак, одним словом, нужно, чтоб обозрение выходило на трех языках: английском, французском и немецком (сперва по два раза в месяц, потом еженедельно — объемом и ценою подобно воскресному Теймзу). Английская часть издания, или сбыт его в Англии и Америке, покрывал бы (верные) убытки французской и немецкой части.

Чтобы англичане дали денег на такое трехъязычное обозрение, им нужно гарантировать успех дела — а успех дела, т. е. большой сбыт обозрения в английских странах может быть обеспечен хорошими именами сотрудников, которых Вы им рекомендуете и которые частью могли бы поселиться для работы в Альбионе. Известно Вам, в каком духе они согласились бы работать: они распространяли бы на материке здешнем теорию свободной торговли, всеобщего мира, единения народов на основании вольной торговли и братского разделения труда промышленного. Войны, грабежи — разумеется — находили бы себе в Ваших сотрудниках не адвокатов. Но идеи колонизации в мире были бы горячо поддерживаемы; и вообще старались бы заставить материк полюбить Англию. По ту сторону океана рабство было бы хулимо, но занятие всей Америки Соединенными Штатами — сильно одобряемо.

Обозрение заключало бы в себе во-1-х, ученую часть, в которой бы говорилось об изобретениях в механике, технологии, открытиях географии; — были бы прилагаемы чертежи; во-2-х, литературную часть, в которой современная история и история дней былых, художества, нравоописание, политика, беллетристика собственно, путешествия и т. п. Наконец: часть экономическую, в которой речь о промышленности, торговле и статистике. Сверх того: библиография и летопись современных событий.

Ответьте им, чтоб они могли знать, чего им ожидать, а им очень бы хотелось иметь такое занятие. Они говорят, что все зависит от Вашего рвения, что Вы, как русский демагог, сим самым в Альбионе можете делать эффект; альбионцы не будут думать, что это только битье по их карманам, потому что Вы в деньгах не нуждаетесь.

На Ваш вопрос, зачем я собираюсь в Париж, я затрудняюсь ответить Вам — так это просто. Да отчего же мне не жить в Париже, если и пока мне это можно будет? Зачем бы жить мне в другом месте? Я надеюсь, что меня оставят там спокойно рыться в публичной библиотеке, во-1-х, потому, что не за что в прошедшем меня притеснять; во-2-х, нечего в будущем меня опасаться; я человек книжный, знакомых в Париже деятельных не имею, и вообще никак никому не советую продолжать или возобновлять то, что было делаемо в сорок осьмом году и что имело только гибельные следствия. Пора перестать верить, что магия, чародейство на что-либо годно и что стоит убить две-три сотни людей, да напечатать и подписать, что народ-де стал вдруг из дитяти взрослым человеком, чтоб это и в самом деле так было.

Жму руку Вам и другу моему Саше.

ПРИМЕЧАНИЯ

Тембр Фарне — марку Ферне (Ferney); городок на границе Франции и Швейцарии.

Эдм. — Эдмонд Хоецкий, см. о нем прим. к № 4.

Прудонец Масальский — под этим странным и неизвестно как сложившимся сочетанием слов в переписке Герцена того времени разумелся Прудон.

Мысль завесть обозрение — т. е. журнал. Мысль эта, повидимому, исходила от Герцена, но данное письмо Энгельсона — единственное сохранившееся свидетельство об этом проекте. В известной до сих пор переписке Герцена других указаний на него не встречается. В этот момент Герцен еще не предполагал надолго поселиться в Лондоне и собирался вернуться на континент.

Лёве (Löwe von Calbe) — немецкий политический деятель, игравший видную роль в французском парламенте, после поражения движения 1848 г. — эмигрант, в 1852 г. жил в Лондоне.

Теймз — конечно, английская газета «Times».

9

Женева, 20-го октября [1852].

Не беспрерывно дождь стремится
На нивы с мрачных облаков,
И море не всегда струится
От в нем бушующих ветров.

Сегодня и в Женеве солнце, — и мне легче. А все это время мне было тяжело, скверно на сердце — по 1001 причине. Вот почему я и молчал «угрюмо», — как Вы пишете.

Я нахожу (по крайнему моему разумению), что Вы благоразумно поступили, решившись остаться в Лондоне, — если только туман Альбиона не будет развивать в Вас тот сплин, который резко выразился в письме Вашем к Т. от 14-го, и во-2-х, если этот туман не повредит Саше.

Да, старик! частенько вспоминаем мы Ниццу — теперь для Вас необитаемую, не только по личным Вашим чувствам, но и по другим причинам: Вам, вероятно, уже известно по журналам (exempli gratia, Débats, Galignani), что Дамет выслан оттуда в Мальту, прочие французы internés.

Но я хотел говорить Вам об себе. Что же сказать? Только то, что я по уши погрузился снова в Гегеля.

— «Wo ein Bruch zwischen dem inneren Streben und der äusseren Wirklichkeit eingetreten ist, говорит он, wo der Geist Gleichgültigkeit an seiner lebendigen Existenz kundgiebt oder unbefriedigt in derselben weilt, und ein sittliches Leben sich auflöst, — da wird philosophirt. Der Geist flüchtet nämlich dann in die Räume des Gedankens, um gegen die wirkliche Welt sich ein Reich des Gedankens zu bilden; und die Philosophie ist die Versöhnung des Verderbens jener reallen Welt, das der Gedanke angefangen hat.— Die Philosophen in Griechenland hielten sich so von den Staatsgeschäften entfernt;

und das Volk nannte sie Müssiggänger, weil sie sich in die Gedankenwelt zurückgezogen haben.»

Таким тунеядцем живу я, жил доселе и хочу жить впредь, сколько грехам моим потерпит — чахотка, которую я теперь недвусмысленно ощущаю. Я перечитываю Гегеля и в восторге оттого, что он мне теперь несравненно яснее, понятнее, чем когда я его впервые читал. Что за ум!

Это не мешает мне, однакож, почитывать и 3-й том Гакстгаузена, который так дорог (12 франков!), что я не решался его купить, и приобрел теперь в виде дара — от нежной супруги моей, которая очень, очень часто вспоминает о Вас, и если она Вам не пишет, то это потому, что ей трудно найти что сказать. Теперь ее дома нет, поехала за город с американкой.

Известно ли Вам, что третий том Гакстгаузена запрещен на Руси? Почему? — еще не знаю, я только-что начал его. Но старуха *Аугсбургская* тонко говорит: «запрещен для ради того, чтоб его пуще на Руси читали». О тонкота! — Причина, я думаю, проще: когда вышли первые два тома (в 1847), мысль Гакстгаузена об уничтожении крепостного состояния была ободряема правительством; с 1847 года много воды утекло; и Перовский попал в либералы, не говоря уже о ссылке Сологуба на Кавказ; теперь министром внутренних дел Бибиков, бывший доселе киевским генералом-губернатором, отъявленный соперник проекта об эманципации крестьян. — А Гакстгаузен не глуп, чорт возьми!

Мы переехали с *дачи*, из Паки, в город. Там мы были слишком en famille с домохозяевами, с сыном коих у меня едва-едва не дошло до драки, из-за того, что им, за стеною, не ндравилось то, что у меня в комнате говорилось. Ссора не имела последствия потому, что тот юноша спокойно проглотил от меня квалификацию «mal élevé» и вместо расправы, просил меня же о протекции через знакомых достать ему дозволение устроить здесь игорный дом, — что мои знакомые отказались патронировать пред зерцалом Фази — который, к слову будь сказано, так уверен быть снова избранным 15-го ноября, что уехал теперь в Берн. Он будет снова избран по весьма ясной причине: большинство граждан им очень довольно, а у недовольных не обретается ни одного человека, способного управлять делами.

Скоро — но когда, еще не знаю — поеду на зимовье в Париж, по экономическим при— [Конца письма нет. *Л. К.*].

ПРИМЕЧАНИЯ

Т. — вероятно Тесье. Письма к нему Герцена в печати неизвестны.
Exempli gratia — например; дальше следуют названия газет.
Дамет — см. о нем прим. к № 4.

Internés — интернированы.

3-й том Гакстгаузена — первые два тома работы Гакстгаузена «Исследование внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России» вышли по-немецки и по-французски в 1847 г., третий — по-немецки — в 1852 г.; о Гакстгаузене см. прим. к № 10.

Старую Аугсбургскую — «Аугсбургская Всеобщая газета», одна из самых влиятельных и информированных немецких газет того времени.

Перовский Л. А. граф — министр внутренних дел Николая I с 1841 по 1852 г.; о его «либерализме» Энгельсон заговорил, вероятно, в связи с его уходом с этого поста; на деле это был один из самых последовательных крепостников и проводников полицейской системы николаевской монархии.

Соллогуб В. А. — беллетрист, автор ряда повестей, благожелательно встреченных прогрессивной критикой, и, в частности, «Тарантаса» (1845 г.), который горячо приветствовал Белинский. В связи с этим перевод Соллогуба в начале 50-х годов на службу на Кавказ рассматривался как замаскированная ссылка, чего на самом деле не было.

Бибиков Д. Г. — генерал-губернатор Юго-Западного края, прославившийся своей обрусительной политикой, один из самых типичных сатрапов николаевской эпохи; в 1852 г. сменил Перовского на посту министра внутренних дел.

En famille — близки.

Mal élevé — плохо воспитанный.

Фази Джемс — бывший революционер, возглавивший в 1846 г. переворот, поставивший во главе Женевской республики партию буржуазных радикалов. С этого момента Фази в течение 15 лет руководил политикой женевского правительства.

10

Париж, — à Beaujou, rue Fortunée 11—4 ноября (1852 г.).

Мы здесь — т. е. в Париже — с 30-го окт., а на квартире с 1-го числа. — Когда мы приехали к Марии Каспаровне, мы не застали ее дома и попросили горничную доложить Тате, что какие-то знакомые желают ее видеть; имени своего мы не сказали. Тата взошла в гостиную, и увидев нас, так переконфузилась, что тотчас же выбежала вон и спряталась за дверь. Как Олечка выросла! — я ее едва узнал. — У бедной Марии Касп. Саша трудно болен — зубами.

Я еще в Женеве собирался писать Вам об Гакстгаузене, но не нашел времени. Мне удивительно, как Вы так мирно приняли его 3-ий том, который, ведь, полнейшее опровержение всего Вами печатанного об России.

Вы сходитесь с ним только в одном пункте, savoir que la Russie a «la beauté du diable», молода и свежа, словом, кровь с молоком, тогда как Европа стара и дряхла. Но вот и все, в чем Вы согласны; во всем остальном Вы расходитесь. Вы опасаетесь, что Европа впадет в летаргический византийский сон, из которого ее пробудит разве только Донская нагайка; Гакстгаузен думает, что Европа рассыплется на песчинки, на атомы, — перемелется, без того чтоб мука вышла, — буде разве в предстоящей, по его словам, последней решительной борьбе между христиан-

ством и анти-христианством папская власть не одержит верх. Это бы еще ни по чем, но главное разногласие — в оценке русского народного характера.

По Гакстгаузену основная черта в нем — религиозность (вот Белинскому загвоздка!), религиозность, выражающаяся в администрации радушным расположением, детскою любовью, безграничным уважением со стороны мужичков ко всем властям. Вы, напротив того, извиняли лживость мужика перед судом, утверждая, что мужик смотрит на власть, как на врага своего, против которого aeterna auctoritas, что, впрочем, находит себе подтверждение в выноске Гакстгаузена на стр. 52 о поклонении Черемисов Земскому Суду, как зловредному божку. («Богу свечку, чорту две» — das ist durchgängig in dem gesegneten Lande, wo sich «alles (стр. 149) fröhlich und frei bewegt»!).

Вообще, внимательный читатель найдет в обмолвках Гакстгаузена множество доводов против него. Как, например, согласить это религиозное уважение, о котором он столько говорит, с его картиною исправников, вообще безнравственности чиновников, их взяточничества? — Как поверить, что староста считается отцом мира, когда автор говорит: «In vielen Dörfern herrscht noch jetzt die Sitte, dass der Starost nach 3 Jahren vor versammelter Gemeinde sein Amt aufgiebt und beschliesst, indem er niederkniet (!) seinen Stab vor sich legt und die Gemeinde um Verzeihung bittet wenn er ihr irgend Unrecht gethan». (Стр. 199). — Когда же отцы обращаются так с детьми? — Не только староста, но и подрядчик в артели заступает, по Гакстгаузену, место отца, — а смотришь, он называет этого подрядчика (стр. 572) Agent, (стр. 587) Schaffer. Да что это и за богопочитание, которое в течение тысяч лет, т. е. с эпохи обращения в христианство, еще не побудило народ ознакомиться с первыми догматами религии! (см. стр. 85).

Разгадка, почему Русский человек боится и Бога, и властей, кажется мне, в этих словах Гакстгаузена: der Russe verlangt von dem, was über ihn stehet, geradezu Strenge und Entschiedenheit (стр. 148). Да, русский человек — еще не лицо, не действительно человек, — Мишле в этом прав, так как он прав и в том, que de l'étoffe d'un seul anglais on ferait trois Russes; сам Гакстгаузен, несмотря на свои возгласы о юной силе и крепости русского народа, говорит то же самое: «Ein englischer Fabrikaufseher in der Gegend von Moskau behauptete, dass sich die Arbeit eines Russen zu der eines Engländers verhalte, wie 2 : 5» (стр. 587).

В России все еще в неопределенном виде, в массивном, ничто не разграничено, все сливается. Поэтому не видать там ни сословий, ни ремесл, ни разделения труда, ни собственности частной; поэтому нет там и ненавистного Гакст-

гаузену права, ибо сущность права есть определенность, точность; поэтому и люди там не имеют аутономии и за неимением в себе решимости, требуют ее извне. Помните, как Гоголь говорит, что приключись русскому человеку беда, вместо того, чтобы сосредоточиться, он спешит звать себе на помощь дядю Миняя да дядю Митяя. Это положение России имеет бесспорно свои преимущества: русский ум гибче европейского, — во Франции, в Англии специальность, определенность перешла в такой формализм, что тут взаправду c'est le style qui fait l'homme, что не выражено согласно всем правилам синтаксиса, то почитается бессмысленным, между тем как русский ум проникает дальше буквального смысла и понимает и то, что веет между строк. — Тем не менее, однакож, как Вы заметили в Вашей повести «Долг прежде всего», Русский не имеет характера; мы еще не оседлы, у нас все бродит. — Но все это — состояние переходное, временное, оно свойственно *всему* развивающемуся, а не только России; это первая степень развития, которая ниже степени, на которой Европа. Развитие и расчленение, определенность одно и то же. Weitere Entwickelung und weitere Bestimmtheit sind eins und dasselbe. Самая громадность России есть аттрибут такой степени развития; все древние государства — в Азии и Европе (Карла В., ex. gr.) были таковы. — Не поскучайте, если я позволю себе привести здесь слова Фейербаха:

„Jede Entwickelung beginnt damit, dass die Natur Individuen in Masse produzirt, in unbeschränkter Vielheit, und sie produzirt um so mehr Individuen, je niedriger die Art oder Gattung ist. Je niedriger die Art, desto geringfügiger, desto bedeutungsloser ist der Unterschied der Individuen von einander—ex uno disce omnes, desto indifferenter, gleichgültiger ist an sich selber die Individualität, und eben diese Unterschiedslosigkeit, diese Indifferenz ist die Quelle ihrer Vielheit — diese Gleichgültigkeit ist eben der Schmerz des individuellen Lebens, die Quelle seines Elends, seine πενια, aber eben darin auch der innere Impuls der Thätigkeit. Die Gleichgültigkeit unseres individuellen Daseins aufzuheben, ist der Zweck unseres Lebens, der Trieb unserer Handlungen, die Quelle unserer Tugenden, wie unserer Fehler und Mängel. Der Mensch will und soll etwas Distinktes werden. Er will und soll sich einen qualitativen Werth, eine wesentliche Bedeutung geben.— Verliert der Mensch die Interessen, die sein individuelles Dasein spezifiziren, kommt ihm di Gleichgültigkeit seiner entblössten Individualität zum Bewusstsein: so verliert er den Unterschied swischen S in und Nichtsein: das Dasein wird ihm zum Ekel; er endet mit Selbstmord, d. h. — er vernichtet sein Nichts".

Последний период может как раз служить эпиграфом к

истории русской литературы последних годов. В нем слышится и Дума Лермонтова, и слова Пушкина:

Цели нет передо мною,
Сердце пусто, празден ум,
И томит меня тоскою
Однобразный жизни шум.

Но с Гакстгаузеном не стоит труда пускаться в философию, хоть он и прикидывается знающим Гегеля. Что за бессмысленность его опасение о размельчении Европы на атомы! — Боязнь утраты единства, связи, общественного союза между людьми возникает во все те эпохи, когда люди начинают сознавать, что формы, дотоле выражавшие их союз, уже не соответственны ходячим понятиям об этом союзе. Те, которые ощущают преимущественно тесноту формы и хотят ее во что бы то ни стало сбросить, говоря: fiat justitia, pereat mundus — и si totus illabitur orbis, impavidum ferient ruinae, — назывались то еретиками, то протестантами, потом либералами*.

Те же, которые страшатся пуще всего неизвестного будущего, утверждают всегда, что с разрушением настоящей формы общества (группы) исчезнет всякое единство между неделимыми; они назывались католиками, теперь консерваторами. Причина образа мыслей последних — психологическая, эмпирическая, нефилософская: эта партия состоит из людей двух разрядов: одуренных от роскоши и одуренных от нищеты до такой степени, что они отродясь ни разу сами не мыслили. Притом же la question agitée — один из тех вопросов, которые всегда труднее даются уму, а именно: об отношении частного к общему, вопрос о генерализации.

Генеализация вообще стоит людям большого труда: сколько на свете добряков (именно я это видел в сельских жителях), которые не в состоянии составить себе ни малейшего сколько-нибудь общего понятия или даже представления, образа (Vorstellung). Почему? — Потому, что то, что есть общее, что составляет единство, не есть нечто осязаемое (palpable), а нечто чисто духовное: c'est tout

* К ним я причислял и социалистов à la Прудон, так как коммунистов отношу к противоположной партии. Я ничуть не вижу радикальной антитезы между коммунизмом, с одной стороны, и нынешним государственным устройством, с другой. Если они противоположны, то разве лишь как будущее к настоящему, настоящее к прошедшему, а не как разные начала. Уж Кабет в своей Икарийской поездке доказал, что коммунизм имеет семена в нынешней администрации; он говорит, что только этим общество и держится и приводит в пример законы о дорогах, каналах и т. п. А приведенные самим Гакстгаузеном Питтовы законы (стр. 524), разве не нарушают явно право частной собственности?

ce qu'il y a de spirituel, d'immateriel, d'intellectuel, — лишь осязаемое есть само по себе частное. Человек догадывается о существовании общего, но затруднение состоит в том: как определить, выразить, — как себе его представить. Первые приемы к решению этой задачи состоят обыкновенно в том, что из среды частных выбирают одно какое-либо для обозначения им, — для того, чтобы оно, это частное, служило знаком общего. Хотят ли, например, в естественной истории обозначить общее всему роду felis, берут одно из этого рода — кошку, которая вследствие сего должна обозначать в одно и то же время и себя, как частное, и весь тот род, к которому она причисляется. Хотят ли в общественном быту означить общее (единство) какого-либо народа? Берут одного кого-либо из этого народа и говорят ему: ты, вестимо, Людовик, но ты будешь означать и весь народ, к которому ты принадлежишь, и скажешь про себя: государство — это я! Хотят ли дальше обозначить единство, общее, племен индогерманских? Выбирают знаменателем епископа Рима.

Что по понятиям людей, так поступающих, общее или единство их не есть нечто чисто материальное, а духовное — это видно уже из того, что они почитают избранного ими знаменателя, как только-что он избран, за высшее прочих существо. В древнем мире языческие божества первоначально выражали, означали не что иное, как именно сознание единства их поклонников; — божество было только племенное, как Афина или Минерва, если поклонники его составляли лишь одно племя, или если оно выражало единство только одного племени; оно было народным, как Иегова, когда означало единство целого народа многоплеменного.

С соединением племен и народов идет рядом соединение их богов; мифология, Олимп обогащается, населяется постепенно, пока он, наконец, переходит в παν-θεον. Вот является Христос, который постигает единство народов, и потому старается сгладить народности (единицы народные), говоря: в моем царстве нет ни Эллинов, ни Евреев, — Христос, который говорит: Бог есть Дух, т. е. не нечто осязаемое, «не мира сего». — Напрасно! Понятие «дух» не под силу умам, говорит же Гакстгаузен: «ein Geistiges ist ein sinnloses Wort», — Богу Христа, единству, общему человечества дают воплощенную форму и представителя в Папе, да еще отделяют Бога христиан от язычников.

Так, мне кажется, человечество разрывает одну за другою формы (знаки воплощения, представления или представителей) своего единства — вовсе не потому, чтоб человечеству единство было противно, антипатично, а, напро-

тив — потому, что оно сознает эти формы не соответствующими их содержанию, не выражающими того, что они должны выражать.

Христос не мог убедить людей в единстве человеческого рода; теперь взялись за решение этой задачи, или за доказательство этого предложения, — пароходы и паровозы, развивая торговлю и с нею разделение труда. Laissez le commerce, сказал Мирабо, aller et venir: il fondera l'unité du genre humain.

Но для того, чтоб возникло, установилось, проявилось высшее, более обширное единство, — подчиненные, менее объемистые единства или группы, необходимо должны исчезнуть, стереться. — Всякое развитие начинается с массы, т. е. в виде нерасчлененном, коммунистской каши. Сначала, в туманной, как млечный путь (voie lactée), серовидной массе не различается ничто иначе, как геометрически, по местоположению, количественно. Но постепенно части, ее составляющие, начинают различаться одна от другой; по своим отличительным признакам или «сродствам» они сочетуются промеж себя. Это первое проявление в массе жизни, — в виде брожения. Это — формация групп. Чем качественные отличия частей массы становятся резче, определеннее, ярче, тем группы или кружки в недре массы стягиваются туже и туже, становятся более и более исключительными. Отсюда борьба между группами. Первобытная масса постепенно из-за образующихся в ней групп, теряется из виду. Vor lauter Bäumen sieht man nicht mehr den Wald, vor lauter Völkern nicht die Menschheit.

Но сужению групп есть предел, и именно там, где границы группы сводятся на единицу, монаду или неделимое. Тогда возникает плач великий и скрежет зубов о разрыве всяких союзов, что каждый лишь сам про себя (für sich), эгоизм, индивидуализм, словом, кончина миру. Но, как при возникновении групп в недрах массы, она из виду все более и более исчезала, так теперь, с уничтожением групп, с обрушением их заборов, масса снова выступает на вид, виднеется — и притом не в первобытном своем образе, а преображенною, лучезарною, многоизвестною, как луч солнца, который един, но в котором и все цвета радуги. — Как скоро в массе нет более групп, а (осязаемо) — только индивидуумы, так масса является родом.

Итак, стремление к обобщению и стремление к индивидуализации — совпадают, суть одно и то же. En dernier resultat, оно не что иное, как стремление монады, индивидуума, к целости — к дополнению или пополнению себя; для этого или к этому вело все предшествующее развитие, savoir: чтоб индивидуум стал целым (в группе он только пополнял себя). Как скоро индивидуальность стала замк-

нутою сама в себе, полною, ей раскрывается весь мир, по крайней мере, весь ее род. Древнему греку было чуждо все, что лежало за межою его Эллады, но тому римлянину (Лукиан?), который впервые сказал: Homo sum уже nihil humanum не было alienum. Тот римлянин был наверное хороший человек, но уже плохой гражданин и патриот. Под конец общее — не вне частного, а в самом частном, оттого общего и не видать; единство будет *в* людях, а не *над* нами; — будет едино стадо, но единого пастыря ему не будет на земле.

Об этом-то и сетуют такие люди, как Гакстгаузен, которые выдают себя за заклятых врагов материализма, но ничего собственно духовного, ничего далее материального не понимают. Отсюда и бредни о предстоящем Европе распадении на атомы, и желание, чтоб единство, союз общественный, был нечто совне данное. Но внешнее единство — лишь un expédient un faute-de-mieux; единство не может быть *устроено;* о нем и заботиться напрасно: если оно не в самих людях, то нечего им его навязывать, оно к ним не пристанет, они его сбросят; если же оно есть в них, то уж оно само собою проявится — помимо Папы и Маццини.

Но я слишком далеко забрел в моем монологе. Если б я «публиковался», я бы так не писал (да иначе-то, вот беда, я писать не умею). Недавно прочитал я в «Presse» несколько слов о романе американском: «La case de l'oncle Tom», — и нашел там эти справедливые слова: «les maximes philosophiques ne touchent que le petit nombre des esprits lettrés et cultivés; mais la peinture, mais le drame agissent sur la masse, sur tout le monde. — Les images sont ce qui instruit le plus vite».

Поэтому и Гакстгаузену возражать надобно бы картинами из русской жизни. Кто читал Гоголя повесть о ссоре Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем в Миргороде, тому картина уездного суда стоит более, чем целая диссертация и письмо Белинского к Гоголю насчет религиозности русского народа — особенно пред зерцалом суда. Но для этого надобно быть маэстром, как Вы. — Молчание с Вашей стороны на книгу Гакстгаузена будет походить на отказ с Вашей стороны, на peccavi во всех Ваших прежних сочинениях.

Разумеется, не только картины следует противуставлять фрейгерру. Надобно показать, что он шут гороховый. Как, например, возможно в буквальном смысле принимать легенду Нестора о призвании Варягов: почему же Новгородцы могли знать, если не по набегам, о существовании за морями, за горами, Рюрика с Синеусом и Трувором? — не по газетам же, не по славе о их миролюбии — Варяги

этим спокон веку не отличались. — А как Вам нравится, что Гакстгаузен не поженировался объявить Новгородскую республику (о существовании Псковской он уж и не напоминает) за заморскую штуку, за Ганзейское нововведение? — Потом, на что он дал реестр русских фрейгерров? — Должно быть, насмех, иначе зачем бы объявлять миру, что на Св. Руси водятся такие бояре, как Колотиловский (чисто новгородское произведение), Грязь (из Австрии), Фуников (из Пруссии)*. Наконец, автор, который берет за книгу 8⅓ талера, мог бы нанять корректора, чтобы не печатать Jakubow вместо Яковлев, Bartujonsky вместо Бортянский, Kaik вместо Яик и Kaza вместо казна. — Только за шутку, за насмешку, можно принять и все то, что он говорит об weltgeschichtlichen Beruf Russlands: на стр. 173 читаю: der Beruf Russlands ist, „als Vermittler zwischen Europa und Asien die Kultur des einen Welttheils dem anderen zuzuführen"; на стр. 224: „(England und Russland) beide haben von der Vorsehung in einer bestimmten Richtung eine und dieselbe Mission erhalten, nämlich Christenthum und Civilisation, jeder von seiner Seite und Stellung her, über Asien zu verbreiten, — Russland vom Landwege, England von Seewege her": а на стр. 214: „Für alle Civilisation aber sind die Meere die leichtesten und bequemsten Brücken und Wege, die Landwege sind zu (sic! zu) schwierig und unbequem".

Что книга Гакстгаузена запрещена в России, это я теперь понимаю почему. Во-первых, вся его философия — не в духе правительства: он не только бранит чиновничество, но и христолюбивое воинство называет die Soldateska (194), — [хотя и благодарит его за спасение в 48-м году общества от супостата (249)] — но он и все государственное устройство клеймит словами «heidnisch, atheistisch» (182, 195); плачет о секуляризации светской монархической власти, приписывает все это XIV веку и Пандектам, и уверен, что когда-нибудь Россия подчинится Папе. Но уж excusez!

Во-вторых, в книге Гакстгаузена есть отрывочные факты, куда-как не лестные. Например, он говорит, что не позже чем в 37-м году правительство имело в виду nur finanzielle Zwecke (стр. 473); in den grossrussischen Gouvernements wurden die Bauern zum Trunk verführt; in den privilegirten wurden sie dazu gezwungen (474). Это хоть бы автору Russland und die Gegenwart приписать можно. — А каков этот факт? стр. 475: «Bis 1837 war eine grosse Zahl armer und völlig verarmter Leute vorhanden, die, um ihre Gemeindeantheile meist durch Unterdrückung und Betrug

* А проповедь-то, приведенная стр. 100, в образец проповедей!!!

gekommen, obdachlos umherzogen. Man mittelte damals gegen 605 675 (!) Seelen aus».

Вот после этого и говорите об отсутствии пролетариев в России и что das russische Volksleben gleicht seinem Lande, es ist eine grosse freie Ebene, worin sich alles frei und fröhlich bewegt (149). На этой же 475-й стр. сказано die Bauern hatten beinahe gar keine Landrente, — и вообще он утверждает, что почва истощается (521), что дворянство беднеет (600).

Такие слова не выкупаются ни сравнением русских ревизоров с Missi dominici Карла Великого (148—9), ни бранью на Пальмерстона и Францию, ни даже этой забористою фразой (стр. 232): Russland — hat Dänemark geschützt, als 1848 der betrunkene deutsche Michel es überfiel und an dem Kleinen und Schwachen sein Muthchen kühlen wollte. Да кто же был главным поборником войны за Schleswig-Holstein? Кажется, монарх фрейгерра. — Каков?! ай, да барон!

Но довольно, я, чай, и без того уже Вам надоел Прощайте.

ПРИМЕЧАНИЯ

Мария Каспаровна — М. К. Эрн, по мужу Рейхель, старый и верный друг Герцена, вместе с ним приехавшая из России, вышедшая за границей замуж за музыканта А. Рейхель, — тоже друга Бакунина, Герцена и всего их круга, — и оставшаяся навсегда за границей. Она была самым деятельным корреспондентом Герцена, как бы его «агентом» на континенте. У нее в данный момент жили обе малолетние дочери Герцена — Тата (Наталья) и Ольга, которые ниже упоминаются Энгельсоном. *Саша* — сын Рейхелей.

Гакстгаузен барон — исследователь аграрных отношений Пруссии, совершивший в 1843 г. по предложению Николая I поездку по России, результатом которой явились три тома «Исследований внутренних отношений, народной жизни и в особенности сельских учреждений России». Работа эта в 1847—1852 гг. была напечатана по-немецки и по-французски. Перевод ее на русский язык был запрещен. Прусский юнкер и монархист, Гакстгаузен с этой именно точки зрения описал общественные отношения в России, выступив противником немедленной ликвидации крепостного права, рисуя помещиков патриархальными отцами своих крестьян и т. п. С этой же точки зрения Гакстгаузен выступил горячим апологетом общины, в сохранении которой он видел необходимую гарантию против возникновения в России «язвы пролетариата». Описание общины, данное в работе Гакстгаузена произвело сильнейшее впечатление среди оппозиционной интеллигенции и было ею воспринято как «величайшее открытие». На это описание ссылались в своей защите общины и Герцен и Чернышевский. Герцену принадлежит и удачная формула, вскрывающая самую сердцевину всего гакстгаузеновского построения. «Иезуит и патриархальный барон, — писал Герцен в 1859 г. — Гакстгаузен из рыцарских видов ненавидит бюрократию и централизацию, зато из католических — монархист. Он пленился в славянской общине возможностью самоуправления, допускающего николаевский деспотизм».

Savoir que — именно, что Россия обладает «красотой дьявола».

Белинскому загвоздка — намек на известные слова Белинского в его «Письме к Гоголю», в которых он отрицал религиозные чувства русского народа.

Das ist durchgängig... — это встречается всюду в благословенной стране, где «все движется радостно и свободно».

In vielen Dörfen... — Во многих деревнях еще до сих пор сохранился обычай, согласно которому староста по истечении трех лет слагает, стоя на коленях, перед собравшейся общиной свою должность и знаки своего достоинства и просит общину **простить** его за причиненные несправедливости.

Agent — агент, *Schaffer* — делец.

Der Russe verlangt... — Русский прямо-таки требует от того, кто стоит выше него, строгости и решимости.

Мишле (Michelet) — французский историк и публицист, республиканец и мелкобуржуазный демократ; в своих статьях «Россия и Польша. Легенда о Косцюшко» (1851 г.) Мишле из сочувствия утерянной Польше выступил с резкой отрицательной характеристикой не только русского правительства, но и русского народа, на который опирается это правительство. В главе «Все в России — призрак и ложь» Мишле говорит, между прочим: «Россия не существует, русские не люди, они лишены нравственного смысла». Эти слова Мишле и имеет в виду Энгельсон. Статьи Мишле вызвали возражение Герцена и переписку между ними, результатом которой было установление долголетних дружеских отношений.

Que d'etoffe... — из материала одного англичанина можно бы сделать трех русских.

Ein englischer Fabrikantseher... — один англичанин, фабричный надзиратель в Московской области, полагает, что производительность работы русского относится к таковой же англичанина как 2 : 5.

C'est le style... — стиль делает человека.

„Долг прежде всего" — повесть Герцена, впервые напечатанная им в сборнике «Прерванные рассказы», в 1854 г., но написанная значительно раньше. Энгельсон знал ее в рукописи.

Weitere Entwicklung... — дальнейшее развитие и бо́льшая определенность это — одно и то же.

Ex. gr. — например.

Слова Пушкина — они приведены Энгельсоном не точно; последняя строка в подлиннике читается: «Однозвучный жизни шум».

Fiat justitia... — да исполнится справедливость, хотя бы погиб мир.

Si totus illabitur... — «И если обрушится мир, его развалины найдут его (Августа) неустрашенным», стих Горация из оды к Августу.

Икарийская поездка — «Путешествие в Икарию», социалистическая утопия Кабэ (1840 г.), пользовавшаяся широкой популярностью в годы, предшествовавшие февральской революции.

Питтовы законы — т. е. законы, изданные в Англии во время борьбы ее с Наполеоном при правительстве Вильяма Питта.

La question agitée — поднятый вопрос.

C'est tout ce qu'il y a de spirituel... — это самое спиритуалистическое, нематериальное, умственное.

Felis — в зоологии термин для обозначения всего семейства кошачьих.

παν-θεών — здесь: собрание всех богов.

Rein Geistiges — чисто духовное — бессмысленное слово.

Laissez le commerce... — предоставьте торговле развиваться, она создаст единство человеческого рода.

Vor lauter Bäumen — из-за сплошных деревьев не видно леса, из-за народов не видно человечества.

En dernier resultat — в последнем счете.

Savoir — именно.

Homo sum... — Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо.

Un expedient — только уловка, за отсутствием лучшего.

Мацини — вождя национально-освободительного движения в Италии в политической литературе часто сопоставляли с римским папой — по авторитету, которым он в известной период пользовался, и — по прямой полярности отстаиваемых ими систем политического устройства Италии.

„Пресса" — «Presse», широко распространенная парижская газета, которой руководил Э. де-Жирарден.

La case de l'oncle Tom — «Хижина дяди Тома» Бичер-Стоу; знаменитый роман тогда только что появился в печати.

Les maximes philosophiques — философские истины затрагивают только небольшое число просвещенных и образованных умов, а картина, драма действуют на массу, на всех. Образы просвещают нас всего скорее.

Peccavi — покаяние. Герцен не придавал такого значения 3-му тому Гакстгаузена и не последовал совету Энгельсона. Он ограничился немногочисленными — но очень резкими — строками, посвященными Гакстгаузену в одной из своих ближайших статей: «Русское крепостничество», появившейся на английском языке.

Фрейгерр — барон.

Weltgeschichtlichen... — мировом призвании России.

Der Beruf... — Призвание России заключается в том, чтобы в качестве посредника между Европой и Азией перенести культуру из одной части света в другую.

England und Russland... — (Англия и Россия) получили от провидения в известном смысле одну и ту же миссию, именно распространить, каждая со своей стороны и исходя из своего положения, в Азии христианство и цивилизацию — **Россия по сухопутным,** а Англия по морским путям.

Für alle Civilisation... — для всякой культуры моря представляют самые легкие и удобные пути сообщения, в то время как **сухопутные дороги являются слишком** (так! слишком!) **тяжелыми и неудобными.**

Soldateska — солдатня.

Heidnisch — языческое, безбожное.

Пандекты — сборники римского права, пришедшие в Россию из Византии.

Excusez — извините!

Nur finanzielle Zwecke... — только финансовые цели — в великорусских губерниях крестьян соблазнили пьянством, в привилегированных их принудили к нему.

Bis 1837... — К 1837 г. существовало большое количество бедных и совершенно обнищавших людей, которые бродили бесприютными, лишившись главным образом в результате насилий и обмана своих наделов в общине. Их считалось около 605 675 (!) душ.

Das russische Volk... — русский народ похож на свою страну — это большая свободная равнина, где все движется свободно и радостно.

Die Bauern hatten... — крестьяне не получают почти никакого дохода с земли.

Missi dominici — царские посланцы.

Пальмерстон — министр иностранных дел Англии, считавшийся в широких общественных кругах врагом России.

Russland hat... — Россия спасла Данию, когда опьяневший немецкий Михель напал на нее и хотел на слабом и малом показать свои силенки.

Schleswig-Holstein — Шлезвиг-Гольштейн, пограничные области между Германией и Данией, из-за которых между ними в 1849 г. разразилась война.

11

[Париж,] 30-го ноября [1852].

Ну, полно нам с Вами хандрить, родной мой старик! — Увидим мы еще, как

— у гробового входа
Младая жизнь вновь играет.

Если Вам от того на сердце легче, что Вы все Европу хороните, так делайте это с Богом. Но только серьезно не думайте про себя, что все идет ко дну оттого, что не Осип, да не Кошут теперь мастерят. Э, Боже мой! баба как ни верти задом и передом, а дело идет своим чередом. Вот Вы теперь разлюбили Гегеля и меня браните за то, что я его почитываю. А я себе в утешение вот какую тираду в нем приискал (не любо, не слушайте, а я не могу противустоять искушению выписать ее Вам): Die Geschichte ist die Idee, die auf natürliche Weise, nicht mit dem Bewusstsein der Idee, vollbracht wird. Es wird freilich nach allgemeinen Gedanken des Rechts, des Sittlichen, Gottgefälligen gehandelt; man muss aber wissen, dass Handeln zugleich Treiben des Subjekts als solchen für besondere Zwecke ist. Die Verwirklichung Idee geschieht also durch eine Vermischung von Gedanken und Begriffen mit unmittelbaren, partikularen Zwecken; so dass dieselbe nur einerseits durch den Gedanken, anderseits durch die Umstände, durch die menschlichen Handlungen, als Mittel, produzirt wird. Diese Mittel scheinen oft der Idee entgegengesetzt zu sein, das schadet aber nichts; alle jene bestimmte Zwecke sind vielmehr nur Mittel, die Idee hervorzubringen, weil sie die absolute Macht. Die Idee kommt mithin zu Stande in der Welt, da hat es keine Noth; es ist aber nicht nöthig, dass die Regierenden die Idee haben».

Нет, с февральских дней разыгралось больше, чем только *увертюра*, как Вы говорите. Сыгран целый первый акт той оперы, при которой мы присутствуем и которая дается под названием: Карачун мещанству. — В самом деле, что же все-то это вместе было, как не драма, завязка которой — ссора семейная в мещанстве, entre frères ainés et frères cadets. Младшие, чтоб только напакостить старшим, опрометчиво пригласили к себе на помощь бесчисленный класс бедняков, людей голодных. Они забыли поговорку: сытый голодному не товарищ. Приглашение было сделано через suffrage universel. Беднякам за помощь насулили в Люксанбуре золотые горы; — только на первое время их попросили — еще потерпеть. Бедняки обещались положить на алтарь отечества «три месяца голода». — Когда этот срок пришел и бедняки приступили к мещанам, требуя исполнения данного обещания, — мещане (младшей линии) нашли, что такое требование —

дерзость, и в 1848 году ответили беднякам теми же словами, как в 1834: «oh! ils n'ont pas de pain à mettre sous la dent, eh bien! on leur donnera de la baïonnette dans le ventre». — Вот чем мне кажется, были незабвенные июньские дни. Мещане одержали победу и, чтоб ознаменовать свое торжество, принялись мстить рабочему классу за «наглость» его попытки, за причиненный им испуг: после убиения 12 тысяч людей, они издали законы об депортации и об избраниях (30-го мая).

На свете еще никакая власть не пала иначе, как самоубийством, как сама от себя: потому что сила не может быть одолена бессилием, немощными. Так и мещанство теперь падает от раздоров, в его собственных недрах возникших. Главная ошибка, которую они сделали против своих интересов, было отменение ценса, объявление suffrage universel. Когда они спохватились, уж было поздно — этот сюфраж поместил в главе правительства человека, не принадлежащего ни по чему к сословию мещан, — и выбранного в 49 году впервые, в 50 г. вторично и, наконец, теперь в третий раз — не мещанами, а крестьянами преимущественно (что явствует из огромного количества вотов). Как в 49 году, так и теперь, народ дал ему свои голоса в твердой надежде, что он через него получит облегчение в своем хозяйственном быте. — Первое время мещане думали, что новоизбранный будет их слушаться и им потворствовать так же покорно, как Луи-Филипп. Как скоро же они заметили иное, они заговорили о том, чтоб скрутить его и посадить в тюрьму. За это он сделал 2-ое декабря — против мещан; по народу не стреляли, — народ говорил, что этот день — отмщение за июньские дни. Теперь народ в восторге, это факт видимый, неоспоримый; мещане ходят, нос повеся, биржа дуется. — Народ вызван таким образом на поприще деятельности, он верит, что в лице президента он будет короноваться, — вот он стоит на сцене, полный надежд — надежд на то, что ему отныне будут обеспечены хорошая заработная плата и хлеб по дешевой цене. Тут занавес опускается.

Нельзя же сказать, чтоб в этом первом акте не было содержания, мысли и драматического интереса, что это не нечто целое! — Что будет содержанием следующего акта? — не знаю. Но достоверно, что главную роль отныне будет играть народ, а уже не мещане, — что народ не будет требовать себе письменных прав, ему еще не до них, он еще весь абсорбирован вопросом о пропитании. И хоть такой вопрос может многим по своему названию казаться прозаическим, он тем не менее исполнен интереса.

Мещане, которые преимущественно — либералы (как народ преимущественно занят вопросом хозяйственным), — поражены теперь не только во Франции, но и во всех прочих

странах Европейского материка. Кем они поражены? — ведь, прозой говоря, нельзя же утверждать, чтоб целые сословия были побеждаемы когда-либо частными лицами, врозь стоящими. Мещане, везде, где они в 48 году подняли голову, побеждены классом народа непосредственно под ними стоящим: в Венгрии революционеры опирались только на горожан, на муниципалитеты; это подтвердил сам Ко[шу]т в речах, произнесенных им в Англии. Что австрийский император теперь держит в узде мещан, опираясь на поселян, которых он задобрил в свою пользу значительным уменьшением барщины, — которые сделали ему за то, осенью радушный прием, — ведь, это тоже не выдумка. — В Ломбардии Радецкий опирается на contadini, — против него cit[t]adini. — В Пруссии последние, недавно кончившиеся, выборы доставили победу монархической власти над либеральною партиею — опять-таки единственно потому, что к этим выборам были допущены поселяне. — Остается привилегированною отчизною капиталистов Англия; вопрос о свободной торговле решен теперь в их пользу.

Разумеется, теперь на всем европейском материке диктатура. Да, ведь, о том в последнее время красные только и говорили, что для переворота необходима диктатура. Ну вот она и есть — только не в руках тех, которые об ней говорили, а в руках других. Ну, признаюсь, личности меня вовсе не интересуют, и если толковать об личностях, то смело можно предпочесть имеющего теперь здесь власть Ледрю-Роллену и Луи-Блану, от которых гениальности не видать было, выдержки тоже не видать, но от которых можно бы ожидать самохвальства бесконечного и кровопролития бессмысленного, такого, как они сочинили в июньские дни.

Весьма вероятно, что эти люди чувствуют теперь себя в весьма затруднительном положении, не зная, как им — им лично — сойти со сцены. — В старину бывало так (если вся история не простой пуф), что побежденные полководцы, не легшие костьми на поле брани, старались — после своего поражения — спасти остатки своих войск, и потому они делали такие отступления, как Ксенофонт. Посылать своих людей на верный убой — считалось постыдным, преступным. Нынешние пораженные полководцы, видно, иначе думают, судя по тому, что теперь происходит в Ломбардии. — Всегда войны имели следствием переселение побежденных в новые края; благодаря преимущественно этому, земной шар обселился — со времен Моисея, выведшего евреев из Египта, и Энея, приплывшего в Италию с Троянами. Быть основателем колоний — единственная роль остающаяся побежденным полководцам, чтоб без срама сойти с поприща политики европейской. Если бы они употребили на позторение в 19 веке того, что в древности римские плебеи не сделали, но попытались

сделать, покинув Рим и отступив на Святую Гору, — если б Осип да Ко[шу]т (которому об этом, впрочем, говорили уже в Америке) на это употребляли деньги, собираемые ими посредством займов, история им не поставила бы это в вину, тогда как за упорство их стены лбом прошибать она их проклинает.

Не раз говорил мне Медичи: «Будьте уверены: не сентиментальная привязанность к горам, озерам и рекам места родины, а невежество приковывает людей к почве отечества, невежество, полагающее, что за рубежом отчизны свет клином сошелся. Если б те, которые здесь страдают за неимением выгодной работы, знали, как я (он видел Америку), сколь легко жить в Монтевидео например, они почти все перебрались бы туда». — Против такого невежества есть средство: распространение географических и статистических сведений. — Неведение прикрепляет людей к известному пространству земли, а только потому, что человек прикреплен к земле, возможно обратить его в крепостное состояние; сам по себе человек — движимость, благодаря тому, что он — двуногое, и со дня на день он становится подвижнее благодаря пароходам. Хоть Вы и сильно бранили Александру за то, что она понимает свободу не иначе, как возможность ходить и разъезжать с места на место, согласитесь, однакоже, что подвижность есть основание человеческой свободы или вольности. — По причине неподвижности людей, происходящей в свою очередь большею частью от невежества, доселе дрались не за свободу людей, а за свободу камней, среди которых эти люди родились, не о том, кому быть или не быть свободным, но о том, *где* кому быть вольными. —

«Итак, полковник!» скажете Вы мне, — «Вы сатисфэ! поздравляю Вас: вот как выгодно почитывать афоризм: Alles, was wirklich, ist vernünftig! Со всем как раз примиришься. Так что же, скоро Вы и домой»?

Я не страдаю от голода, я утоляю его исправно, и потому мои требования переходят за черту желудочных потребностей; я не буду подличать из-за куска хлеба (может быть потому, что покамест он у меня есть... «почем знать, чего не знаешь!»). Но я не в состоянии порицать, клеймить моим презрением того бедняка, который возле меня день-денской работает из-за куска хлеба и несмотря на то не может выработать себе достаточно, чтоб не страдать от холода и голода, — я не в состоянии порицать его за то, что он не разделяет всех моих aspirations, что у него нет ни досуга, ни сил, ни охоты об них думать, что он все свои мысли и силы сосредоточивает на вопросе о заработке и делает abstraction всего прочего. Я не буду гневаться на бедный класс за то, что они свои ощутимые интересы ставят выше тех

интересов, которые пробуждаются в человеке лишь благодаря *досугу* от материальных забот. Вот почему я не презираю русских мужиков, среди которых я жил. Но как мне было посреди них, как всегда бывает сытому посреди голодных, то я поехал, чтоб быть среди людей столь же эмансипированных от неугомонного крика желудка, как я. Я думал, что в Европе все или большинство людей на моей степени развитости. Я ошибся; в Европе бесспорно больше достатка, чем в России, — во Франции, например, в пять раз больше *, но все-таки и здесь большинство людей — недостаточные. Мещане, припевая: je suis content, je suis heureux, — chacun doit l'être en ces lieux, — скрывали, маскировали нищету рабочих классов. Они сердились, когда об этом говорили; их король ежегодно утверждал в речах при открытии палат, что prospérité est croissante. Можно полагать что dans la grosse gaité de l'épaisse suffisance мещане сами верили в то, что нищета — только исключение из правила. — Ну, теперь *голая* истина выходит наружу, с тех пор как уже не меньшинство попрежнему тяготеет над большинством, а наоборот. Если я в состоянии принимать к сердцу интересы, участь большинства, мне будет не тяжело жить среди него; если же мне это будет противно, я не буду кричать, как флигель-адъютант Е. И. В. князь Меньщиков, и требовать, чтоб большинство снова подчинило свои интересы меньшинству; на это у меня нехватит наглости — или у меня будет слишком много гордости; я тогда уеду тихо, не ожидая, чтоб меня прославили высылкою.

Вот я Вас, я чай, уж заинтересовал не мною, а кн. Меньщиковым. Расскажу же Вам, без комментариев, которые предоставляю Вашей собственной догадливости, что я слышал. — Кн. Меньщиков, флигель-адъютант, сын бывшего морского министра (теперь — известно ли Вам? — Константин Николаевич морским министром), — кн. Меньщиков, знаменитый своими пруэссами в жалких петербургских борделях, тем, что он ругается и мучает блядей, которые за то его боятся, не пускают к себе — (почему князь является к ним иногда замаскированным: вместо своего флигель-адъютантского мундира он — экой милый остряк, подумаешь! — надевает черкесский) — это тот самый, о котором я вам рассказывал, что его светлейший отец хвалился за заутреней в Светлое Христово Воскресенье в Зимнем Дворце одному моему приятелю, что он (сын-то) не получил никакого образования.

---

* Сравните только бюджеты казны там и здесь; на казну можно полагать, что она высосет все что может, и что, если она в России не идет за известный предел, то только потому, что за этим пределом взятки гладки. Доходы казны в России 700 милл. франков с 65 милл. жителей, во Франции 1700 м. фр. с 35 милл. жителей. Пропорция: $\frac{700}{65} : \frac{1700}{35} = x : 1$; $x = 0{,}22$.

Министр говорил это, поддерживая à la Jean-Jacques тему о бесполезности наук и воспитания.

Флигель-адъютант теперь почтил Париж своим присутствием и — о чудо! — вот тут-то и прошу я дать Вашей догадливости разыграться: у Тортони или в каком-то другом кафэ стал громогласно кричать против здешнего порядка, называя его «деспотизмом». — Вследствие сего комиссар полиции пригласил князя к себе — «для собственной его пользы и блага», как выражается Леонтий Васильевич в своих пригласительных записках. Князь явился, но объявил, что он — флигель-адъютант русского императора. — Быть не может, сказал комиссар. — Я вам докажу, ответил князь, — пошел к себе домой, надел мундир (не черкесский, а флигель-адъютантский) и явился в нем к комиссару, надеясь, вероятно, фасцинировать его своим видом, как некогда Анфантин-отец хотел фасцинировать безмолвным взором своих судей. — Комиссар покачал головой и сказал: «Да, я не полагал, чтоб особа, так высоко стоящая, как вы, позволила себе здесь вести себя, как вы; знайте однакож, милостивый государь, что если вы будете продолжать ваше поведение, то мы в состоянии вас в *этом самом мундире* отправить в Каенну». — Получив такого красного феферу, князь поехал к Браницкому, бывшему своему товарищу по флигель-адъютантству, и, задыхаясь от бешенства, говорит ему: «Вообрази себе! от кварташки (sic!) получить нагоняй!» — «Да с чего *ты-то* вздумал здесь кричать?» — ответил ему Браницкий, — «вот то-то,* *посади свинью за стол, она и ноги на стол*».

Словом, если я буду выслан отсюда, то потому лишь, что я Русский, ибо наши господа, если верить слухам, здесь взапуски кричат против ныне существующего порядка. — А потому самому я надеюсь что Вам не затруднят приезд сюда, — и потому не еду я к Вам, несмотря на Ваше дружеское приглашение, которое ценю от души.

Я имею сказать Вам еще, что Масальский писал Вам *две недели тому назад* насчет журнала или обзора, о котором Вы начали с ним переписку. Не получая ответа от Вас, он в претензии на Вас.

Вчера получил я письмо от Гзеля, писанное 20-го ноября из Ниццы. Оно залежалось в Женеве, откуда Т. мне его переслал. Гзель просит меня просить Вас ссудить его 200-ми франками на 6 месяцев и рекомендовать его Авигдору, чтоб сей доставил ему уроки. — Гзель требует денег не позже 30-го ноября. Поздненько написал.

Прощайте. Отвечайте: сердитесь Вы на меня за мой образ мыслей? — Но прежде, чем мне, *ответьте* Масальскому, т. е. не МасОльскому, а Масальскому Донцу.

---

* Разговор был веден на русском языке.

Я болен — лихорадкой, и не выхожу из дома вот уж неделю.

Приезжайте-ка, а генерала отправьте с Богом в Фичи-Эйландс!

ПРИМЕЧАНИЯ

Осип — под этим именем в переписке Герцена и его друзей разумеется Маццини (Джузеппе, Иосиф).

Entre frères... — между старшими и младшими братьями.

Suffrage universel — всеобщее голосование.

Люксанбург — Комиссия по рабочему вопросу, организовавшаяся в первые дни февральской революции в Париже и заседавшая под председательством Луи Блана в Люксанбургском дворце.

Oh! ils n'ont pas... — «А, у них нет хлеба для еды, ладно! мы им направим штыки в живот» — слова, приписываемые одному из генералов, усмирявших парижское восстание 1834 года.

Законы о депортациях и об избирателях — закон о ссылке политических преступников на один из убийственных по климату Маркизских островов (в Тихом океане, между Южной Америкой и Австралией), принятый 8 июня, и закон об отмене всеобщего избирательного права, принятый 30 мая 1850 г. Оба закона были местью рассвирепевшей буржуазии революционному пролетариату.

Кошут — руководитель революционного движения Венгрии против австрийского владычества в 1848—1849 гг.; после поражения революции он совершил агитационную поездку по Америке.

Радецкий — австрийский фельдмаршал, правитель итальянских областей, подвластных Австрии, подавивший в них революционное движение 1848 г.

Contadini — крестьяне, *cittadini* — горожане.

Ксенофонт — греческий военачальник (IV—V в. до н. эры), руководивший отступлением греческих войск из Малой Азии и описавший это отступление в своем «Анабазисе».

Что теперь происходит в Ломбардии — Энгельсон имеет в виду революционную деятельность мацциниетов в принадлежавших Австрии областях Северной Италии, вылившуюся вскоре в неудачное миланское восстание 6 февраля 1853 г.

Александра — жена Энгельсона.

Вы сатисфэ — вы удовлетворены.

Alles, was... — «все действительное разумно», формула Гегеля, на изучение которого Энгельсоном в последнее время намекает эта фраза.

Aspirations — пожеланий.

Делает abstraction — отвлекается.

Je suis content... — я доволен, я счастлив, — каждый должен быть им в этой стране.

Prosperité... — благосостояние растет.

Dans la grosse gaité... — в большой радости жирного благополучия.

Кн. Меньчиков В. А. — сын бывшего морского министра и любимца Николая I, «человек совершенно неспособный и известный лишь своею распутной жизнью», как характеризовал его в 1860 г. тов. министра гос. имуществ Д. А. Хрущев. Эта характеристика делает анекдот, рассказанный Энгельсоном, весьма правдоподобным.

Константин Николаевич — Романов, вел. князь, брат Александра II.

à la Jean-Jaques — в духе Руссо.

Анфантин-отец — Enfantin; один из ближайших учеников Сен-Симона, организатор сенсимонистской общины, давшей предлог к громкому судебному процессу (1832 г.), на который и намекает Энгельсон. В этой общине Анфантэна называли «отцом».

Браницкий К. В. — потомок знатной польской фамилии, флигель-адъютант Николая I; в 1848 г. эмигрировал, поддерживал польское национальное движение.

Масальский — кличка Прудона в переписке Герцена того времени. Слова «не МасОльский» употреблены, вероятно, только для того, чтобы напомнить Герцену условный смысл клички «Масальский», а не для обозначения какой-либо реальной личности.

Авигдор — банкир в Ницце, с которым у Герцена были денежные дела.

Генерала отправьте... в Фичи Эйландс — т. е. пусть себе Гауг (сожитель Герцена, который в это время начал уже к Гаугу охладевать и, быть может, писал об этом Энгельсону) уезжает на острова Фиджи; Гауг собирался ехать в Австралию.

12

[Париж,] 8-го декабря [1852], вечером.

Вы говорите мне, писать Вам часто. Благодарю Вас за это приглашение, и поверьте, что если я не пользуюсь им чаще, то только потому, что у меня редко есть что сказать. Я занят, читаю, читаю и историю химии, и философию пресловутого Канта, но я еще далеко не fertig с моими мыслишками. Не француз я, ох, нет. Француз както все решает сразу, за что бы он ни взялся, и уверен в своей непогрешительности более, чем папа. Для французов ничто не вопрос мыслительный, у них дело стоит только за приложением практическим. Я, разумеется, говорю не о всех обитателях Франции, а только об тех, которые здесь занимают тот же чин, какой в царстве небесном дан серафимам, т. е. о народе ученом, пишущем. — Скромность невероятная! Но оставим это; у меня что-то желчи накопилось, того и гляди заврусь. Скажу только — и то Вам одним, по секрету, что я останусь здесь лишь доколе я буду в состоянии, — не погрешая против законов учтивости, — жить поодаль от всякого кружка туземцев. Я этим очень много потеряю, это мне известно, — уже в Петербурге бывший мой опекун бранил меня за то, что он называл моею дикостью. «Эх, Влад. Ар.!» — говаривал он — «как это? Вы умный человек, а не понимаете, что без знакомства нет протекции, а без протекции пропадешь». — Вот я и уехал из Петербурга в края, где я думал, и еще до сих пор думаю, что не необходимо прибавлять себе к протекции законов и правительств еще протекцию кружков приятельских. Когда я увижу, что нельзя так жить, уеду отсюда. Пропасть! — разумеется, это неприятно, но, ведь, одной смерти не миновать, а по мне, коли умирать, так лучше уж разом, от какого-нибудь слепого случая, да на вольном воздухе, чем медленно задыхаться в удушливой, тесной, замкнутой сфере.

Так Вы уж, пожалуйста, вычеркните из Вашей памяти, что в предыдущем письме я Вас звал сюда. Это было сказано

мною больше по сердцу, чем по уму. Приедете, хорошо; не приедете, может быть еще лучше.

И этот народ, подумаешь, играет первую роль в истории Европы, и все прочие по его дудке пляшут! — Да, в истории народов, как в судьбе частных людей, важнейшее — случай, место случайно занятое в обществе; характер нравственный — почти ничего не значит. Отчего во Франции вопросы общественные раньше, чем в других странах, возникают и решаются? Преимущественно, если не исключительно, оттого, что эта земля составляет уютный уголок Европы, огороженный резкими границами, имеющий на небольшом пространстве разнообразную почву. Это дает возможность поселившемуся здесь племени жить про себя, не разбрасываясь во все стороны, как Англия и Россия. Qui trop embrasse, mal étreint.

Французам *нужнее,* чем другим, уладиться промеж себя, потому что у них покамест нет ressources, пособий совне, как у Англии ее колонии и все народы, покупающие ее произведения, как у России — бесконечные пустоши. Хотя я считаю колонизацию благим делом, полагая, что земной шар должен быть заселен для того, чтобы человечество окончательно, и где бы то ни было, достигло предела возможного для него развития, — хотя я и считаю переселение в известных случаях и для известных людей обязанностью, я тем не менее вижу, что для народов, взятых порознь, расширение пространственное есть препятствие к переходу с одной степени гражданственности на более высшую; колонизация — громовой отвод для социальных вопросов. Это поняли те, которые решили завоевание Алжира. Да Алжирия-то оказалась на поверку не Индией и не Австралией; а не то французы бы как-раз бросили заниматься вопросами об распределении произведений или выгод труда, а стали бы вместо этого эксплуатировать свою колонию по старой рутине.

Именно потому, что в моих глазах материальный быт народа имеет главное влияние на его значение в истории прогресса, — я и не предвижу, чтобы Россия могла вскоре стать поприщем прогресса. Пока у нас будет хватать пустопорожних плодороднейших пустырей, в которых стоит только легко поцарапать землю, чтобы получить 30-е зерно, — до тех пор мы не будем серьезно озабочены вопросами политической экономии, которые не только связаны с юридическими, политическими и нравственными, но которые — тот корень, из которого эти последние развиваются. Хозяйственный быт есть содержание законодательства, определяющее в политике и морали.

Посмотрите, какое сходство поразительное между нравственным бытом тех штатов Северной Америки, где суще-

ствует невольничество, и между нравственным бытом России: Читали ли Вы Uncle Tom's cabin? Я читаю его в фельетоне «Прессы» и каждый день вспоминаю родину. Том напоминает мне русских благородных староверов; мамзель Офелия — остзейскую немку среднего сословия, а Saint-Clair! Да, это образованный русский помещик нашего времени! В нем все русское; простое благородство, себе на уме, дебонарность, нерешительность или леность, а главное — это *отсутствие* всякого *домогательства* (черты исчезнувшей на западе). Он слишком горд, чтобы домогаться богатства или роли, и слишком много имеет чувства собственного достоинства, т. е. стыда, скромности, чтобы для достижения целей быть навязчивым и пройдохой. Зато жена его, Marie, настоящая княгиня Трубецкая, называет его бесчувственным, неряхою, мешком. Во всем доме Сен-Клера по-русски: дети его *любят* слуг и слуги *любят* детей, и эти слуги, между тем, расточительны, беспорядочны; баловень камердинер не умеет различать барское добро от своего. Если Вы не читали этот роман, прочтите его, в переводе de Léon Pilatte. — Я теперь на 30-х главах; предомною в лице Legrée явился Собакевич. При истории miss Cassy Вы, вероятно, вспомните, как я, написанный Вами рассказ: Сорока-Воровка.

Отчего же такое сходство в нравах у двух племен — антиподов? — Не доказательство ли это, что в племенах так же мало врожденных идей, как в индивидуумах? — А если нет врожденных идей, то характер народов должен изменяться вместе с их материальным положением, — и гораздо более, чем это видно в частных лицах, потому что народы, живя долее, чем индивидуумы, попадают в большее число разных положений. Но характер, изменяющийся — это contradictio in adjecto. Вот почему для меня национальности походят на fictions, когда их хотят принимать в расчет в философских речах.

Давно уже тому назад я сличал то, что Карамзин в 1-м томе своей истории выдает за отличительные качества Славян, с тем, что Штеффенс объявляет характеристическими чертами древних Германцев. И что же? Что один выдает за исключительность своего племени, то другой слово в слово révendique как особенность своего.

Гизо в своем курсе истории цивилизации сделал такое же сравнение между текстом Тацита De moribus germanorum и текстом описания — кажется, Робертсона — нравов американских индейцев.

Итак, что считается принадлежащим народам, собственно принадлежит или свойственно той степени общественного (и en premier lieu экономического) развития, на котором каждый из них находится. При тех самых экономи-

ческих данных, которые теперь здесь, и Русские были бы и будут как две капли воды похожи на Французов.

Если Вам странно, что, сравнивая Соединенные Штаты с Россией, я упускаю из виду разность в формах правления, — то на это я отвечал бы Вам словами Туссенеля (Les Juifs rois de l'époque); «Il y a longtemps que les Etats-Unis d'Amérique seraient constitués en monarchie, s'ils avaient dans leur voisinage de puissants rivaux à combattre».

Такими для России были Татары, Поляки, Шведы; московская централизация сделалась необходимою именно для свержения татарского ига. Итак, и форма правления определяется прежде всего географическим положением, т. е. внешним, а не нравственным фактом.

Все это написал я Вам в объяснение того, что я, как Вы заметили мне в последнем письме от 2-го числа, никогда не был согласен с Вами касательно призвания России. Это происходило не от какой-нибудь особенной ненависти во мне к России, а оттого, что я вообще никакую национальность не понимаю, как самобытную творческую силу.

Прощайте.

Известно ли Вам, что Эдм[он] поместил к нам свою дочь провизуарно?

ПРИМЕЧАНИЯ

Fertig — готов.

Qui trop... — кто слишком много затевает, плохо выполняет.

Ressources — источников.

Uncle Tom's cabin — Хижина дяди Тома.

Де[б]онарность — благодушие.

Княгиня Трубецкая — орловская помещица, прославившаяся в конце 40-х годов зверскими истязаниями крепостных. Как раз в эти же дни, в декабре 1852 г., Герцен писал о ее зверствах в своей статье «Русское крепостничество», напечатанной год спустя в одной из английских газет (П. с. с., VII, 377). Повидимому, статья или план статьи Герцена был уже известен Энгельсону.

Сен-Клер — герой «Хижины дяди Тома».

Сорока-Воровка — повесть Герцена, напечатанная в 1848 г. в «Современнике».

Contradictio in adjecto — противоречие в самой основе.

Fictions — фикции.

Штеффенс — Steffens (1773—1845), немецкий философ — шеллингианец, историк и публицист реакционного направления. Энгельсон имеет в виду его «Антропологию» (1824 г.).

Revendique — требует.

De moribus germanorum — «О нравах германцев», сочинение римского историка I—II в. Тацита.

Робертсон — английский историк XVIII в., автор «Истории Америки» (1777 г.).

En premier lieu — на первом месте.

Туссенель (Toussenel) — французский публицист, в 1840-х гг. редактор газеты «Democratie pacifique» («Мирная демократия»). Энгельсон имеет в виду его книгу «Les juifs rois de l'époque, — histoire de la

féodalité financiére» — «Евреи — цари эпохи, история финансового феодализма», вышедшую в 1844 г.

Il y a longtemps... — Соединенные штаты Америки давно бы уже превратились в монархию, если бы им пришлось бороться с могущественными соседями.

Эдмон поместил к нам свою дочь — этот эпизод сыграл известную роль в отношениях Герцена и Энгельсона. Вот что рассказывает по этому поводу Герцен: «У одного из наших близких знакомых (Эд. Хоецкого) была дочь, родившаяся от одной молодой вдовы. В видах замужества матери, ребенка хотели увезти и украли во время отсутствия отца. После долгих розысков девочку нашли; но отец, изгнанный из Франции, не мог за ней приехать в Париж, да и к тому же не имел денег. Не зная, куда деть ее, он попросил Энгельсона взять ее на первое время... Энгельсон знал очень хорошо, что отец девочки **не выбрал** его жену воспитательницей, а был приведен материальной нуждой в необходимость прибегнуть к ее помощи». Несколько слов, посвященных этому в письме Энгельсона, Герцен воспринял как укоризненный намек на его нежелание поручить жене Энгельсона воспитание своих детей. «В этом замечании — писал он — было столько жестокого не великодушного, что у меня перевернулось сердце».

13

[Париж,] 2 февраля 1853 г.

Слухи носятся, что Вы решились ехать сюда; здоровье Марии Касп., кажется, восстанавливается (по крайней мере, на прошедшей неделе она стала пободрее духом, встает с постели минут на пять, имеет аппетит); о поручении, данном Вами мне к Т., имею только то сказать, что вещи, которые генерал просит его приготовить, не у Т., а оставлены им у Фоки в Женеве, что мадам Т. находит «peu gracieux» Ваше молчание против них и прибавляет, что переписка с Вами не могла бы причинить им неприятностей.

Словом, до Вашего приезда я мог бы и не писать Вам, если б мне не пришло на ум, что молчание часто может быть принято за знак согласия. Я не хочу вводить или продержать Вас в заблуждении насчет меня: я не согласен с тем что сказано в последнем Вашем письме ко мне (от 28 янв.).

Вот Ваши слова: «Ну, скажите, стоило ли так расходиться — и биби — и младенец — и уж ай, ай, ай, и уж Боже мой. Ну, подумайте, достойно ли это Вас. И что нового! Вы людей знали и видели. Я становлюсь с каждым днем снисходительнее и дальше от людей».

На это отвечаю, не вдаваясь нынешний раз в диссертацию о респектабельности вообще и даже не поздравляя Вас с Вашим довольством самим собою, что разумеется, смешон человек, который, облепленный комарами или клопами, впадает в ярость и бешенство, но что еще смешнее тот, который, страдая от нападений таких насекомых, усиливается придать себе вид равнодушия стоического.

Вы, может быть, с этим не согласны, потому, что *Вы*

ставите роль выше всего. Не сердитесь! Погодите! Дайте договорить. В первой главе Вашего «Vom andern Ufer», в русском и немецком текстах, следующие Ваши слова: «Человек любит эффект, роль, особенно трагическую; страдать хорошо, благородно, предполагает несчастие; страдание отвлекает, утешает... да, да, утешает». — Как я уже в Ницце Вам говорил, я сначала принял, было, это Ваше изречение за обмолвку, хотя и не хорошую. Тогда Вы мне возразили, что Вы не помните этих слов, что, должно быть, в немецком тексте Ваша мысль искажена переводчиком. Нет, перевод верен: я сличил оба текста.

Нисколько не относя исключительно к Вам эти слова, то есть не полагая, чтоб Вы о людях, вообще, судили в этом случае по самому себе, я до сих пор думал, что это Ваше изречение, как большая часть des Réflexions de la Rochefoucauld, — на которые оно очень похоже, как мастерски однажды сделанная Белинским характеристика талантливых людей нашего времени, — ипербола, шутка. И потому, когда я узнал, что Эдм. в Швейцарии вознегодовал на генерала за его образ действия в Вашем деле, я принял это его негодование не за роль, а за чувство и написал Вам: «Да, я вижу, Эдм. — мне брат».

Когда Т. (при свидетеле) объявлял, что он осужден «на вечность + два года», я тоже поверил этому и даже пересказал это некоторым людям. Вчера мне г-жа Т. сказала, что ее муж никогда не был осужден. Ergo, я в глазах тех, кому я пересказал его ложь, такой же благёр, как он. Это мне неприятно. Кто виноват? Разумеется, я, потому что я был «молод», легковерен; но и они виноваты, потому что они лгали. Нет, таких благёров, как я увидел в Ницце, я ни на Руси, ни инде еще не видал. В письме моем к Вам от 19 января я сказал Вам, что я хочу без эскландра удалиться от этих людей, они бо мне антипатичны. Написал же я Вам это потому, что с Вами я хочу играть в открытую. *Но, погруженный в себя,* Вы не поняли этой весьма простой мысли, иначе Вы, вероятно, не дали бы мне и самого пустого поручения к Т. — Вы тоже говорили, что Вы удаляетесь от людей, но вместе с тем просите их Вам писать. Я не умею таким образом удаляться.

Полагая, что в серьезных делах откровенность есть необходимое условие честности, я имею еще следующее сказать Вам, не теряя времени: Вы пишете мне, что, отправив генерала в Австралию и дав бессрочный отпуск всем, Вы останетесь при мне и при врагах, и что, если б к тому же я поустоялся и меньше зависел от своих и не своих нервных тревог и капризцев, то Вы со мною сделали бы un bout de chemin *в цюрихском деле.* Я должен на это Вам ответить, что, не чувствуя в себе ни охоты, ни таланта к ро-

лям, и особенно трагическим, я готов, если Вам угодно, служить Вам моим советом, но не делом, тем более, что, по моему убеждению, всякое дальнейшее дело для Вас и для детей Ваших было бы пагубно. А потому, если Вам нужно помощников, то, рассчитывая на меня напрасно, не давайте отпусков людям, более меня готовым принимать дальнейшее участие в цюрихском деле. Мне больно это Вам написать, но нужно — для моей чести».

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо это послужило поводом к разрыву Герцена с Энгельсоном и к длительному перерыву в их переписке. Ни предыдущее письмо Энгельсона (от 19 января 1853 г.), ни ответное письмо Герцена, вызвавшее комментируемое письмо, к сожалению, не сохранились. Герцен рассказывает, что в письме своем Энгельсон, жалуясь на шалости девочки Хоецкого, поселенной у него (см. предыдущее письмо и последнее примечание к нему), между прочим писал: «Не странно ли, что Хоецкий, соглашавшийся когда-то с Вами, что жена моя неспособна воспитывать Ваших детей, поручил ей свою собственную дочь?». «Дав волю своему раздражению, — продолжает Герцен свое изложение, — Энгельсон в письме своем по дороге оборвал и Тесье, и других приятелей, даже самого Прудона, которого очень уважал... Я написал Энгельсону, что стыдно так бранить людей, с которыми жизнь нас свела, что, несмотря на их недостатки, все же они люди хорошие, как он сам знает. В заключение я говорил, что стыдно так преувеличивать всякое дело и ахать, и охать, и приходить в отчаяние от шалостей пятилетнего ребенка» («Былое и Думы», III, 38). Ответом на это письмо Герцена от 28 января и было комментируемое письмо Энгельсона. Герцен же и опубликовал его в своем очерке, посвященном Энгельсону. Оно произвело на Герцена сильное впечатление. «Я не предполагал, — писал он в своем очерке, посвященном Энгельсону, — чтобы человек, который слезами, рыданием вызвал меня на трудно произносимые доверия, человек, так близко подошедший ко мне и на которого я опирался как на брата, в минуты слабости и бессилия, когда боль переходила человеческую емкость, — что очевидец, свидетель всего, что было, примет мои несчастия за котурны и декорации, которыми я воспользуюсь, чтоб играть трагическую роль... Больно мне было это письмо, очень больно. Я отвечал ему грустно, сквозь затаенные слезы, я прощался с ним и просил его прекратить переписку. Затем наступило между нами совершеннейшее молчание...»

Т. — Тесье; *генерал* — Гауг; *Фока* — Фохт.

Peu gracieux — нелюбезным.

До вашего приезда — Герцен в этот период собирался съездить в Париж, но поездка не состоялась.

Vom andern Ufer — «С того берега» по-немецки появилось в 1850 г.

Réflexions ... — «Размышления» де-Ларошфуко, французского писателя-моралиста XVII в.

Ergo — следовательно.

Без эскландра — без шума.

Отправив генерала в Австралию — Гауг собирался тогда в Австралию, но уехал туда только год спустя.

Un bout de chemin — часть дороги.

Цюрихское дело — дело с Гервегом. К сожалению, неизвестно, какие именно шаги предполагал Герцен нужным и возможным предпринять в этот момент (январь 1853 г.) по отношению к Гервегу. Во вся-

ком случае о них ничего неизвестно. Но весьма возможно, что именно эта, заключительная часть письма Энгельсона, в которой он отказывается от дальнейшего содействия Герцену в «цюрихском деле», всего болезненнее подействовала на последнего: рана, нанесенная Герцену Гервегом, еще кровоточила.

14

[Лондон,] 19 мая 1854 г.

Кончимте, кончимте! Вы правы, полагая, что Вы можете требовать, чтоб друзья обходились с Вами деликатно. *Прошу Вас извинить меня в том, что я, не желая, Вас оскорбил.* Но Вы не правы, говоря, что я *плевал* на Вас когда-либо.

Вам известно, что сгоряча вчерне написанное и недописанное мое письмо не отослано в Париж именно потому, что я вспомнил (до отправления), что письма распечатываются.

Вы не правы, по-моему мнению, приписывая мне намерение уязвить Вас «приказным слогом» моей записки и просьбою на *мой* счет напечатать 2-е письмо Пугачева, в котором мнения высказаны не вполне согласные с слышанными мною от Вас.

Благодарю Вас, что Вы «во всяком случае считали на меня в общем и частном деле». Так и я на Вас считаю.

Но в *дружбе* моей к Вам я Вас уверять не буду, потому что я иначе понимаю дружбу, чем Вы: я друзьям многое всегда готов был бы прощать, не требуя даже от них просьб о прощении. Если б предо мною друг стал извиняться, показал бы только желание это сделать, я бы остановил его, не дал бы договорить.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это первое из сохранившихся писем Энгельсона к Герцену после их примирения. Инициатором последнего был Герцен. Он сильно чувствовал свое одиночество, любил Энгельсона и испытывал потребность в сотруднике для устроенной им «Вольной русской типографии» в Лондоне. За границей не было никого из русских, который мог быть так полезен ему в этом новом деле, как Энгельсон. Стремился к примирению и Энгельсон. В результате предпринятых с обеих сторон шагов Энгельсон покинул Париж и поселился в Лондоне, рядом с Герценом. Вскоре, однако, вновь начались недоразумения. (Подробнее см. в вводной статье).

Непосредственным поводом к письму послужила, вероятно, сцена, разыгравшаяся между Герценом и Энгельсоном в связи со спором последнего на квартире у Герцена с французским эмигрантом Доманже по поводу военных изобретений Энгельсона (см. о них в прим. к № 16). Герцен рассказывает («Былое и Думы», III, 42), что в озлоблении на критически относившегося к его планам Доманже Энгельсон готов был объявить последнего шпионом, написав в этом духе неконспиративное письмо в Париж и страшно рассердился на Герцена, когда он указал

ему на это. Видимо, об этом «вчерне написанном» и не отосланном письме в Париж и упоминает Энгельсон в комментируемом письме.

2-ое письо о Пугачева — т. е. четвертая из прокламаций Энгельсона, напечатанных выше, во II отделе. Эти строки — единственное указание на существовавшие по поводу этой прокламации между Герценом и Энгельсоном разногласия; они же указывают, что прокламация, датированная «апрелем», к середине мая еще не была напечатана.

15

[Лондон,] Пятница 26 мая 1854 г.

Препровождая при сем корректурные листы, прошу Вас, Александр Иванович, потрудиться прислать мне следующие листы Вашей рукописи «Тюрьма и ссылка». Я исправил бы в них нечетко писанные слова и ошибки грамматические, — тогда легче корректуру будет держать.

Вообще я думаю, что в нашем общем интересе вести дела типографии, как мы их вели доселе, несмотря на размолвку, происшедшую между нами. Я сделал, что мог, чтоб отнять у этой размолвки характер ссоры: я написал в ответ Мейзенбуг, что я не желал Вас оскорбить ни словами, ни тоном; потом я пришел к Вам, но не застал Вас, просил вторично Мейзенбуг сказать Вам от меня, что я очень сожалею, что я те же самые мысли не высказал Вам с большей учтивостью. Я уверен, что Мейзенбуг Вам все это сказала, и потому, если Вы после того не сделали ни одного шага, чтоб положить конец размолвке, то это значит, что Вам не довольно сделанных мною ходов. Жалею, что больше для примирения я ничего не могу сделать с моей стороны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Корректурные листы — книги «Тюрьма и ссылка», к печатанию которой приступил тогда Герцен. В чем, сверх этой работы, заключалось участие Энгельсона в «делах типографии», о чем он упоминает несколькими строками ниже, установить трудно. В типографии Герцена в 1854 г. ничего, кроме произведений самого Герцена и Энгельсона (а так же «Юмора» Огарева), не печаталось.

Мейзенбуг — немецкая эмигрантка, писательница, переводчица, мемуаристка; жила в это время в доме Герцена, взяв на себя воспитание его детей. Оставила обширные мемуары о Герцене и его окружении (рус. перевод в изд. «Academia», 1933 г.).

16

[Ричмонд,] 8 июля 1854 г.

Сегодня, союзник мой Герцен, имел я удовольствие узнать две вещи, перечитывая «Times». Во-первых, что не только направление, но и сила ветра ежедневно наблюдается, *измеряется,* именно г-ом Lowe в High-Field-

House Observatory. Я этого доселе не знал. А для моего аэростатического изобретения это — клад. Во-вторых, я узнал, что в пятницу, 14-го числа, Baraguay-d'Hilliers отправляется с *первой* дивизией (в 12 000 человек) на север России.

Tout bien pris, я думаю, что война не шуточная и что Наполеон III более уважил мою глупую мысль о применении аэростатов к пропаганде бомб и печатных листов по России, чем благоволили это сделать другие люди. Вам известно, сколько я односторонен в моей ненависти к Е. И. В. Николаю Павловичу и сколько я, увы! — обуреваем самолюбием. Поэтому не удивляйтесь, что я возымел мысль написать (вчерне покамест) следующее письмо к французскому морскому министру.

Потрудитесь, прошу Вас, по приязни ко мне, прочесть это письмо. Вы увидите, что я предлагаю в нем доставить французскому правительству сколько угодно экземпляров моих (реакционных?) писаний au prix de revient. Но прежде, чем я отправлю это письмо к министру, мне надобно положительно знать, согласны ли Вы, — Вы, который учредили здесь русскую типографию, которому она принадлежит, — согласны ли Вы, в случае получения мною заказа от французского правительства, позволить мне печатать немедленно «Емельяна Пугачева» 1-е письмо и 1-ю часть «Видения св. Кондратия»?

Пожалуйста, не принимайте эти строки за «пику». Нет, нет! Я не хочу Вас колоть, мой добрый Герцен, которому я многим обязан по части русской революции. Но, видите ли, теперь наступило такое времячко, что большая часть людей ne sont pas à la hauteur des circonstances по-нашему — сбились с панталыка. Я верю в Ваше сердце, но не верю в Вашу логику. И потому при серьезном деле моем с французским правительством, — деле, которое Вы, вероятно, осуждаете, я прошу Вас, дать мне *снова* ответ: позволите ли Вы *перервать* какие бы то ни было печатания в типографии 38, Regent Square, для печатания моих élucubrations? В ожидании ответа остаюсь весь Ваш *Воля Ангелов,*

т. е. *Владимир Энгельсон.*

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ваше Превосходительство, 23 мая я взял на себя смелость представить Его Императорскому Величеству письмо, в котором набросал проект употребления аэростатов для обслуживания артиллерии. Я имел честь быть извещенным уведомлением Комиссии прошений Государственного Совета от 26-го июня за № 10039, за подписью г. секретаря комиссии, в котором говорится, что мое прошение к импе-

ратору передано Вашему Превосходительству, и чтобы с последующими моими прошениями и записками по тому же предмету я обращался к Вам, г. министр.

Заключая из этого, что набросанный мною проект не окончательно отвергнут, я позволяю себе обратиться к Вам со следующей просьбой:

В вышепоименованном письме Его Величеству я говорил, что аэростатический аппарат мог бы служить также для распространения в центральных губерниях России листков, которые объяснили бы русскому народу, введенному в заблуждение манифестами его правительства, истинные причины нынешней войны.

Если для «торжества дела закона и цивилизации» в войне против России французское правительство пожелало бы употребить помянутые мною листки, я предлагаю ему приготовить столько листков на русском языке, сколько оно потребует, вроде тех, что я имею честь приложить в переводе на французский Вашему Превосходительству.

Будучи автором приложенного листка, я рассчитываю представить французскому правительству такое количество экземпляров, какое оно у меня потребует, за ту в точности цену, во сколько мне самому обойдется бумага и перепечатание экземпляров. Я говорю — «перепечатание», так как первое издание уже разошлось.

Эти статьи, написанные с целью противовеса манифестам царя к русскому народу, могли бы быть, как мне кажется, распространены при помощи аэростатического аппарата, о котором говорится в моем вышепоименованном письме к Его Императорскому Величеству, — если бы их поместить в трубки, непроницаемые для сырости, или если сами листы бумаги, на которых они напечатаны, сделать непроницаемыми.

Свою надежду на пропаганду листков я возлагаю на то впечатление, которое произведет на такой суеверный народ, каким является русский народ, зрелище падения листков с высоты аэростата, воспламеняющегося в воздухе.

Благоволите, г. министр, при чтении этого письма и прилагаемого перевода, не составить невыгодного для моих идей впечатления из-за ошибок слога, которые, конечно, встречаются у меня, вследствие того, что я не имел счастья родиться во Франции и не имел времени найти корректоров. Зато я имею смелость гарантировать Вам чистоту русского народного слога, которым написаны мои статьи.

В надежде быть удостоенным каким-нибудь ответом с Вашей стороны, имею честь, господин министр, быть Вашего Превосходительства покорнейшим и нижайшим слугою.

Подпись: *Владимир Энгельсон.*

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо это целиком посвящено тому «изобретению» Энгельсона, о котором упоминалось уже в примечаниях к предыдущим его письмам, и выясняет суть его. Рассказ Герцена по этому поводу приведен в вводной статье.

Приложенный к письму к Герцену проект письма к французскому морскому министру, после исправлений, был, повидимому, отправлен Энгельсоном по назначению. Дальнейшая переписка его с французским правительством неизвестна. Но, во всяком случае, его идея никакого практического осуществления не получила.

Times — руководящая английская буржуазная газета.

High Field-House Observatory — Гайфильдская обсерватория в Англии.

Baraguay-d'Hilliers (1795—1878) — французский маршал, стоявший во главе отряда французских войск, направленного в Балтийское море. Этот отряд участвовал в занятии Бомарсунда, см. № 19.

Tous bien pr's — приняв все в соображение.

Реакци нных писан й — т. е. прокламаций Энгельсона, выпущенных уже «Вольной русской типографией». Они названы здесь Энгельсоном «реакционными» (с вопросительным знаком), вероятно, в виде намека на какие-то споры между автором и Герценом по их поводу, при котором Герцен мог указать их действительно реакционные элементы (религиозная окраска и т. п.)

Au prix de revient — по себестоимости.

Elucubrations — трудов.

Приложение — подлинник по-французски. На письме сохранился написанный Энгельсоном адрес Герцена: Herzen, Esq., 3, St. Helene Terrace. — Richmond. Из этого письма явствует, между прочим, что основным в своем «изобретении» Энгельсон считал не распространение при помощи аэростатов революционных листков, а именно использование их для обслуживания артиллерии, и что он уже в мае обратился с соответствующим предложением к французскому императору.

17

Ричмонд, 10 июля 1854 г.

Очень, очень опечалило меня вчера Ваше письмо.

Как! я пишу Вам впопыхах и радостях о двух новостях, прочтенных мною в газете, о запавшей мне в голову мысли, а Вы отвечаете мне радостью о том, что Вы полагаете, что Вы изрядно-таки меня ранили в самолюбие, что Вы метко попали в цель? Господи, Боже мой! я никогда не думал, что Вы стреляли, что Вы целились в меня... Так это было *умышленно* все с Вашей стороны? т. е. обескураживание-то меня? т. е. пропажа без плода моих писаний, посланных еще осенью 1851 г. к Michelet о Петрашевском, о книгах «Russland und Gegenwart» и Тенгоборского? Умышленны даже опечатки в моих статьях?.. Не верю. Вы клевещете на себя. Я ничем не заслужил такой злобы с Вашей стороны, Вы же и вообще не злой человек. Итак, оставим это, как нечто, писанное сгоряча.

Советам Вашим насчет письма моего к французскому министру, я последовал, опустил фразу о моем несчастии

не быть рожденным во Франции, опустил некоторые «онеры», ничего не сказал в извинение о солецизмах. Благодарю Вас, особенно за последний совет, весьма дельный.

Но к этим добрым советам присовокуплена приписочка-заковычка, которую я не могу пропустить без обдуманной, серьезной протестации. «Вы *должны* подумать,—пишете Вы,— что по милости Головина имя Ваше замешано в Русское революционное дело и что надобно быть осторожным в выражениях».

Эге, батюшка, я подобных нахлобучек не привык спускать даром. Нет, голубчик, хоть я и имел несчастие встретить в Вашем доме доносчика Головина, я тем не менее не признаю за ним поповского права совершать бракосочетания. Как? я обязан, обвязан по рукам и ногам, подчинен Вам потому, что какому-то Гаврилову вздумалось *печатно* спросить *Вас:* кого *ему* следует разуметь под именем Вольной Русской общины, — Вас ли одних или Вас и Енгельсона? Excusez. На этом и тому подобном меня не поддеть. Чтоб я из-за чести быть Головиным совокупленным с Вами отказался от самостоятельности от свободы, от личности? — Дудки! Я явился к Вам — и остаюсь — «представителем» партии честного друга моего Петрашевского, которого Вы очестили «безрассудным» и по-французски и по-русски. Мысли партии Петрашевского я останусь верен и потому, если Вы всякий союз, всякую общину способны понимать только в смысле иерархическом или эротическом, во всяком случае — абсолютном, то советую Вам с моей стороны поспешить придать славы имени моему, напечатав, что Вы ничего не имеете общего со мною.

Владимир Энгельсон.

ПРИМЕЧАНИЯ

Ваше письмо — т. е. ответ Герцена на № 16.

Ранили меня — какие выражения письма Герцена мог истолковать в этом смысле Энгельсон, неизвестно. Всего, однако, вероятнее, что здесь действовала его болезненная подозрительность и раздраженное возражениями Герцена против его планов самолюбие. Нельзя, конечно, допустить и мысли, чтобы Герцен имел какое-нибудь отношение к пропаже перечисляемых ниже Энгельсоном его статей. Они были отосланы «осенью 1851 г.», т. е. еще из Ниццы, во время совместной жизни там Энгельсона и Герцена, Мишле, с которым Герцен состоял тогда в оживленной переписке. Рукописи дошли до Мишле, он пытался пристроить их в какую-нибудь газету или журнал, целиком или в извлечениях, — и не успел в этом. Подробнее см. в вводной заметке к статье «Петрашевский».

Солецизм — нарушение правил языка.

По милости Головина имя ваше замешано — Энгельсон выехал за границу по легально выданному паспорту, своей заграничной деятельностью не привлекал к себе внимания русского правительства и потому, теоретически говоря, мог считаться легальным российским гражданином. И хотя о возвращении в Россию Энгельсон ни минуты не

думал, но ни в каких революционных делах он под своим именем не выступал. Между тем И. Г. Головин, эмигрант, вздорный и нелепый человек, доставивший много хлопот Герцену (см. о нем в «Былом и Думах», III, 50—67 и 267—274), выступил в марте 1854 г. с публичным заявлением — протестом против деятельности «Вольной русской общины» в Лондоне. В этом заявлении, между прочим, сказано: «Для меня загадка состоит ли эта община из Вас и Энгельсона, или из Вас одного?» (см. заявление полностью там же, стр. 57). Этим *печатным* заявлением Головин не только нарушал конспирацию, но и, действительно, устанавливал для всех интересующихся связь Энгельсона с русским революционным движением.

Цитата, приводимая Энгельсоном из письма Герцена от 9 июня показывает, что последний не только давал ему советы по поводу его письма французскому министру, но и предостерегал его, указывая, что своими обращениями к правительству Наполеона III он компрометирует не только себя лично, но и русское революционное движение, — и был, конечно, прав.

Гаврилов — Головин Иван Гаврилович.

Excuser — прошу прощения.

Вы очестили „безрассудным" — эти слова намекают на выражение, употребленное Герценом в листовке «Юрьев день! Юрьев день!», одном из первых изданий герценовской типографии (датировано 20 июля 1853 г.; французское издание ее, на которое как будто указывает Энгельсон, — неизвестно). В ней дело Петрашевского упомянуто как акт спасительный, как «юношеская, полная отваги и безрассудства история Петрашевского» (П. соб. соч. VII, 250).

18

[Ричмонд, середина августа 1854 г.]

Ответ

Вы пишете: «Нет любви, нет, и проч. Есть самолюбия, которые кричат вечно, однажды затронутые».

Правда! правда! Эти подлейшие самолюбия, стоящие крови тысячам, это — Маццини, это — Coeur de Roi и компания. Это — люди, которые думают, как Маццини сказал честному (но не на шутку, а серьезно честному) Медичи: «Да если мы перестанем жертвы приносить, *нас* забудут».

Я пожал руку этому *подлецу* в надежде через него сделать что-нибудь против Николая. Он надул меня, как надул, как *украл* у меня труд (английский перевод) Ворцель, закадычный друг Маццини.

И да не будет любви, а да будет, наконец, Суд и Расправа. Да столкнемся мы, — мы, люди мелкие как Петрашевский, Спешнев, Кашкин да и я, с представителями и начальниками комитетов, с раздателями дипломов. О! если б я не думал, что моя жизнь может быть еще полезна *моей* партии, — партии людей не тщеславных, не знающих за собою ничего, о чем бы им краснеть, ни изрезанного носа, как великий Пианчани, ни писем к Меньщикову, как Головин, ни... ну, да что перечень делать! — сегодня же бы я *принудил*

бы к поединку (затронув за тщеславие) оскорбившего меня друга Вашего, Доманже.

Он первый, при Рейхеле и Тесье, захотел оскорбить сына моего, сказав (по всем правилам французской грамматики), что, если я говорю ему que «je ne puis pas lui *tenir tête*», то он боится моей «угрозы» лишь потому, дескать, *что я женат, а посему, вероятно, рогат.* (Помните?).

Честно! благородно! Ай, да социалист! Если не я, то сын мой ему это вспомянет. *Клянусь* или пусть он докажет справедливость своей клеветы.

Месть! Месть! Это — принцип справедливости, справедливость ничто, как месть. Я был бы рад, если б Вы его снова привели ко мне, — я кончил бы с ним дело. Довольно ему дано повадки.

«Нет любви». Вы правы, *если говорите обо мне.* Нет ее во мне к людям, которые из-за самолюбия готовы продать все свои принципы, все свое прошедшее. Этим людям всегда все дурно, когда *не* они на первом плане. А *нам,* а для *нас* все равно, *кто* орудие, была бы лишь цель достигнута.

Об Головине Вы спрашиваете меня. Это доказывает Ваше добродушие ко мне, и на добродушие я всегда буду отвечать искренно, и всегда за добродушие я буду благодарен.

Вот что бы я сделал на Вашем месте:

Я написал бы Головину 2 записки: в 1-й известил бы его, что я посылаю ему десять ливров, но с условием, чтоб он (подлец) подписал и возвратил 2-ую записку, сиречь: во 2-й я сказал бы, что, невзирая на все козни и ругательства, особенно пройдошества Головина, я посылаю ему 10 ливров, по просьбе его, и с просьбою впредь не считать меня *расположенным* ссужать деньгами авторов писем к Николаю, Константину и Менщикову.

А расписку от него Вам бы нужно иметь, иначе он же Вас одурачит.

Простите тон.

Посылаю при сем еще не просмотренные мною листы оригинала для Чернецкого.

ПРИМЕЧАНИЯ

Какое именно из многочисленных столкновений Энгельсона с Герценом и друзьями последнего послужило непосредственным поводом для этого письма — выяснить не удалось.

Coeur de Roi — Кердеруа, французский эмигрант, вступивший в 1851 г. в резкую полемику с признанными вождями демократического движения (Маццини, Луи Бланом и т. д.). Он находился в переписке с Герценом. Подробнее см. «Былое и Думы», III, 394.

Ворцель — польский эмигрант, руководитель левой части польской эмиграции, член «Центрального европейского демократического комитета», друг Герцена, которому он помог организовать лондонскую типографию и который посвятил ему ряд проникнутых глубокой симпатией страниц в «Былом и Думах». Умер в 1857 г.

Спешнев Н. А. — один из крупнейших петрашевцев, товарищ Энгельсона по лицею, с которым они в Петербурге жили на одной квартире. Был осужден на каторгу.

Кашкин Н. С. — петрашевец, близкий Спешневу; у него на квартире происходил ряд собраний петрашевцев; был осужден на ссылку в кавказские войска рядовым.

Пиан ани (Pianciani) — деятель итальянского национального освободительного движения, участник революционных событий 1848 г., во время которых командовал одним из итальянских отрядов, боровшихся с австрийцами; эмигрантом жил в Англии.

Доманже — французский эмигрант, близко стоявший к Герцену в Лондоне; одно время давал уроки его детям.

Рейхель — музыкант-композитор, друг Бакунина и Герцена, муж М. К. Рейхель. Он приезжал в Лондон к Герцену в июле 1854 г.

Je ne puis pas lui tenir tête — Я не могу дать ему отпор; в буквальном переводе, объясняющем дальнейшую игру слов: «не могу против него держать голову».

Об Головине вы спрашиваете — в это время произошел окончательный разрыв между Герценом и Головиным, к которому давно стремился Герцен и который со стороны Головина сопровождался всякого рода шантажем, угрозами, требованиями денег и т. д. В Герцене поведение Головина не только вызывало негодование, но и сильно волновало его: Головин забрасывал Герцена оскорбительными письмами, явно провоцировал дуэль, угрожал публичным нападением и т. п. Все это описано в «Былом и Думах», III, 50—67; к эпизоду, получившему отклик в письме Энгельсона, относятся стр. 60—61.

Чернецкий — польский эмигрант, заведывавший герценовской типографией.

19

[Ричмонд,] ¼ 3-го [Начало сентября 1854 г.]

Сожалею, что я не могу доставить Вам статей, о которых говорил вчера Голынский. — Он назвал, если не ошибаюсь: 1) Chamber's Journal и 2) Westminster Review.

Последнего книгопродавец мой — Hiscoke — не получает.

А в двух последних нумерах Chamber's Journal'а нет ни слова о России, как Вы сами можете удостовериться из посылаемых мною Вам экземпляров.

Мы все здравы и невредимы, — несмотря даже на — или, быть может, именно по причине — объявления Гарибальди в Corriere Mercantile и занятия Бомарсунда.

Согласитесь, Гарибальди не глупее и не трусливее Кёра де Роа, как же он *смеет* говорить: «untimely attempts»? — Должно быть, что он не хочет восстанием в эту минуту примирить воюющие державы и заставить их возвратиться к statu quo ante bellum. Иначе я не могу понять его объявления. Вот когда одною деспотическою силою (Николаевскою) будет меньше на земле, ну тогда — приняться можно за остальные, а пока дело идет изрядно, до тех пор

зачем соваться портить его! — «От добра добра не ищут» — так, воображаю я, рассуждает Гарибальди.

Ну — боюсь я за его жизнь: Coeur de Roi et C° покажут ему себя. — Бедный Гарибальди! Честного имени попытаются лишить его монополисты честности, здравого смысла и Энергии — это верно.

Прощайте и извините за болтовню.

ПРИМЕЧАНИЯ

Публикуется впервые по подлиннику, обнаруженному Н. М. Мендельсоном в Гос. библиотеке имени Ленина. Датировано по содержанию.

Голынский — польский эмигрант, публицист, дружески связанный с Герценом.

Chamber's journal — «Журнал Чемберса» (фамилия издателя); *Westminster Review* — «Вестминстерское обозрение»; английские журналы.

Занятие Бомарсунда — 30 августа 1854 г. войска союзников заняли принадлежавшее России Бомарсундское укрепление на Аландских островах в Балтийском море.

Объявление Гарибальди — Энгельсон имеет в виду напечатанную во многих газетах (между прочим и в «Corriere Mercantile», «Торговом Вестнике») декларацию Гарибальди, в которой последний заявлял о своем несочувствии повстанческим движениям, о их «несвоевременности» во время войны союзников с Россией («untimely attempts» — «несвоевременные попытки»; Энгельсон цитирует это выражение Гарибальди по английскому переводу его декларации) и тем самым рвал с возглавлявшимся Маццини итальянским революционным движением. Энгельсон справедливо предвидел, что это заявление Гарибальди вызовет негодование среди революционеров, образчиком которых он в данном случае берет *Кер де Рои Coeur de Roi* (о нем. см. прим. к № 18). Для настроения Энгельсона, конечно, очень характерно, что, из ненависти к Николаю I и, одновременно, к буржуазным революционерам типа Маццини, он сам благожелательно отнесся к антиреволюционному шагу Гарибальди.

20

[Ричмонд, 25 сентября 1854 г.] Понедельник, 4-й час.

И еще будет статья об Вас в Revue de Paris. В субботу приходил ко мне Боке и просил меня сообщить ему — для пересылки в Париж — несколько данных, — материалов — о Вашей роли в русской литературе. Я не отказался потому что в моем интересе, чтоб все Реву ревели об Вас. Сроку мне дано две недели. Не знаю, как справлюсь с этой задачей; к разрешению которой — как Вам известно — я готовился лишь после смерти Вашей (в дерзновенной надежде оказаться более живучим, чем Вы). Хотелось бы мне сказать что-нибудь дельное, и притом — гм! гм! — покритикнуть Вас, при сей верной оказии, с моей (Петрашевично-Спешневской) точки зрения. Разумеется, что я не попытаюсь написать статью — об этом и не просят меня — но и «деловую доклад-

ную записку» об Вас составить мне нелегко. Боке обратился ко мне с этим запросом, женируясь, как он говорит, обратиться с ним прямо к Вам.

Проезжая через Лондон, купите пожалуйста — если не для себя, то хоть для меня — книжку Revue de[s] deux mondes, в которой разбор о «Тюрьме и Ссылке». И дайте мне, наконец, и livraison, в которой статья Henry Delaveaux. Мне нужно теперь «принять к сведению» эти статьи, ибо и я

Arma virumque cano,
Mosquae qui primus ab oris
Tamisiae venit littora.

Да не напишете ли Вы хоть с острова Вейта добряку Delaveaux? хоть две строчки — ради вежливости? Повторяю здесь Вам его адрес: 24, rue du Vieux Colombier, Paris.

Теперь о другого рода делах:

Вот новых 6 корректурных листов и письмо для Г-жи Мейзенбуг. Я был у Каина. Нет с его стороны ни малейшего препятствия к Вашему въезду в субботу 30 сент. в ново-нанятый Вами дом — милости просят. Но 1) вещи по инвентарю должны быть в таком случае приняты в субботу *утром*. — Доверите ли Вы Фанни и Франсуа принять их? Каин просит его уведомить — да или нет — чтобы быть готовым притти сдавать дом. 2) *NB*. Если дом не будет сдан по инвентарию в субботу, то у Каина до *вторника* (3 окт.) не найдется свободной минуты для операции сдачи.

А впустить Вас в дом *прежде* сдачи Вам вещей надлежащим порядком — Каин морщится.

Вот и все. О политике мне не приходится говорить — сколько раз Вы закаивались об ней вести речь со мною, — а смотришь, с Вейта — vom Weiten her — прописываете мне, что де французов в Крым поехало лишь 22 тысячи. Ах, старик, старик! все это я пропишу в статье об Вас в Revue de Paris.

А Головин все себе «сикает» статьи в Leader.

Если Вы пробудете несколько часов в Лондоне, не может ли Мейзенбуг взять с собою ноты Александрины? — si cela ne lui fait pas d'embarras.

Вот Вы, «прищурив глаз», кланяетесь и «Сарре». А я ей этого уж и передать не посмел — перед совестью моей; она и того уже помешана на Вас. С тех пор, как она перестала питать надежду, что мы будем жить в одном доме с Вами, она оченно уж стала печально и небрежно служить нам, так что Александра ее отпускает в субботу. Сарра отказу этому рада, потому что она нашла, что в новом Вашем доме Вам необходимо иметь еще одну слугу, и что этой слугою она должна быть. Пристала к Александре,

ходатайствуй-де перед Вами о ее приеме. Александра отказалась наотрез, сказав ей: «Не стыдно ли вам еще раз о вашем помещении заводить речь, когда вам отказали? Мне не желательно вторично рекомендовать лицо, однажды моим мужем рекомендованное и отвергнутое». — Ответом на это был смех и объявление что она лично поведет на Вас атаку. Я от ревности взбешен. До свиданья.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо датировано Гершензоном «лето 1854 г.»; дата уточнена на основании отметок Герцена о своей поездке на остров White (Вайт, или Вейт, как пишет Энгельсон). Это была прогулка, занявшая у Герцена немногим больше недели и из которой он вернулся в Ричмонд к 1 октября.

Статья в „Revue de Paris" — мы не имели возможности просмотреть этот парижский журнал и лично убедиться, появилась ли там статья о Герцене, которую должен был составить Бокэ по материалам Энгельсона; в русской литературе о Герцене она не упоминается. Во всяком случае свою долю работы Энгельсон сделал. Герцен просматривал последнюю в рукописи. 21 ноября он писал М. К. Рейхель: «Бокэ просил у Энгельсона материалов, и Энгельсон дал большую статью и очень хорошую; чего же он хочет? разве не пропала ли статья» (П. с. с., VIII, 117). Здесь Герцен имеет в виду младшего из братьев Бокэ, жившего в Париже. Старший брат, о котором в своем письме упоминает Энгельсон, — участник событий 1848 г. в Париже, жил в это время эмигрантом в Лондоне и был близок с Герценом.

Revus des deux Mondes — известный, очень авторитетный парижский журнал. В двух книжках его (livraisons) от 15 июля и 1 сентября 1854 г. были напечатаны статьи о Герцене Henry Delaveau, французского писателя, побывавшего в России, знакомого Герцену, впоследствии переводчика «Былого и Дум» на фр. язык.

Arma virumque cano .. — пародическое воспроизведение первых строк вергилиевой «Энеиды»: «Пою оружие и мужа, который первым прибыл из Москвы к берегам Темзы».

Кан — шутливое наименование хозяина вновь снятого Герценом в Ричмонде дома.

Wom Weiten her — издали.

Leader — английская радикальная газета, в которой одно время сотрудничал Герцен; после перемены редакции она стала помещать статьи враждебного Герцену Головина.

Si cela... — если это не затруднит ее.

21

[Ричмонд,] 28 сентября [1854 г.] 3-й час.

Нет ни единого письма к Вам, — ну, что же! Pas de nouvelles — bonnes nouvelles. И я пишу только, чтоб сообщить Вам эту bonne nouvelle и чтобы, едучи по железной дороге, Вы не думали, что весь Ричмонд и мы, Ваши покорнейшие слуги, в нем сгорели.

Радуюсь, что Вы сделали хорошую прогулку; верю, что на острове Вейт природа изящна; желал бы только знать, est-elle belle ou plutôt charmante, «Io penso,

io credo, ch'ellè bella, maestosa,
Inspiratrice — miraculosa,
perché... perché вам
Чудится там
То, что я гневен,
То, что я строг
В письмах моих!
Господи помилуй, с чего это вы взяли?
Оба раза, что я к вам писал,
Меня луч солнца озарял
И «Times» вестями восхищал.
За что мне гневаться? в особенности
За что с тех пор,
Что Ричмонд ты покинул
И я не вижу больше Доманже,
За что, скажи мне, Герцен, вообще
Я мог бы строг и гневен быть к тебе!

Скажи, когда ж и в чем ты преступил,
Скажи, когда кого ты оскорбил?
Не ты ли в горести нас утешаешь,
Не ты ли радость в горе превращаешь?

Придешь ли ты к родильнице счастливой,
Ты ей речешь лишь слово мудреца:
«Поверьте, барыня моя,
Что дети — просто наказанье».

Придет ли беглый к тебе в дом
И скажет: «Богу слава,
Друзья наши отомщены,
Царя-тирана ныне бьют,
Падет его держава», —

Ты скажешь: «Ну, не *стыдно ль* вам
«С Наполеонами *брататься!?*
«Все это пуф, все это вздор
«И лишь союзникам позор.

«Друзья тогда лишь будут вольны,
«Когда *весь* мир станет вверх дном
Да Осип сочинит Содом».
— «Когда же мир станет вверх дном?» —
Вас бедный спрашивает робко.
— «Когда Николая покорит
Париж и Лондон, *и Мадрид*...

Чего же гневаться за это?
Все это смело, горячо,
Глубокомысленнно, остро, —
Зачем людей щадить для слова?..
Слова, станок тебе покорны,
А люди уж куда презорны.

...И как посметь,
Когда я вспомню,
Что ваше имя — легион,
Мое же просто
«*Енгельсон*», —
Как Головин, гремучей славы,
Меня изволил прописать
И с вами *брачно* сочетать».

ПРИМЕЧАНИЯ

В стихотворной части этого письма автор намекает, конечно, на собственные свои беседы с Герценом — все о том же изобретении Энгельсона — и на беседы последнего с его женой, у которой не задолго родился сын Исаак.

Pas de nouvelles... — Нет вестей — значит, хорошие вести.

Est-elle belle... — прекрасна ли она или, скорее, очаровательна.—«Я думаю, я верю, что она прекрасна, величественна, чудесная вдохновительница, ибо..... ибо

Один сочинит Содом — Маццини произведет революцию.

Мое же просто „Енгельсон" — намек на эпизод с опубликованием фамилии автора Головина. См. о нем прим. к № 17.

22.

[Ричмонд, 7 октября 1854 г.,
11-ый час вечера.

Мне кажется, что мои нервы теперь успокоились и что поэтому могу теперь разумное слово вымолвить Вам на данные мне Вами вопросы. Обо всем серьезном для меня легче с Вами говорить письменно, чем изустно. Изустно — Вы кричите, сбиваете меня, я не сосредоточен, устаю возражать; а письменно я весь свой... А что меня успокоило? Огонь в камине спальной, спокойный храп ребенка в постели, тихий говор Александры, штопавшей подле меня салфетки какие-то...

Мы перебирали с нею последние годы всех нам близких покойников, — моего отца, ее отца, ее матери. И вывели мы, как общий факт, что все нам знакомые люди, весьма впрочем, разные между собою, в последние годы их жизни удивительно, — нет, заметно, — были в постоянном раздражении, мозговом, умственном, т. е. в разного рода delirium. Я не хочу сказать Вам этим обиняком, что, по моему мнению, *Вы* близки к гробу. Нет, Вы имеете еще, кажется, много жиз-

ненной силы, но Вы, действительно, сломаны, поломаны или надломлены — цюрихским делом. Это я теперь только вижу из Вашего психического состояния. Все в мозгу Вашем, кажется мне, обстоит благополучно, за исключением одного образа, одного разряда мыслей, — именно мыслей о возможности для Вас обесчещения, опозорения. Это у Вас стало больным пунктом, нарывом в мозгу. Дайте мне от доброй души, с беспощадностью, без малейших опасений Вам рану растравить, высказаться. Оговорка эта нужна для того, чтоб Вы не подумали, что я намерен обращаться с Вами, как с больным, с поврежденным неизлечимо.

Не торопитесь сказать обо мне, что я, — действительно, немец, если я осмелюсь выставить Вам на вид, что, по мне, честный человек не может быть превращен в подлеца, и наоборот: подлец не может в самом деле стать когда-либо честным. «Du bist nun einmal was du bist». («Фауст»).

Характер человека — нечто данное, une donnée, от природы, и свобода воли наша не так широка, чтоб изменить наш характер.

Что я теперь имел смелость (да! да! смелость) написать — не немецкая развратность Штирнера и К°, а скорее изложение русской поговорки: «брань на вороту не виснет».

Я не понимаю, как человек сколько-нибудь самостоятельный, мог бы бояться обесчещения, лишения чести. Честь, как чувство уважения к самому себе, как совесть, — вещь неотъемлемая, и каждый может взять себе — на вид столь гордый — девиз Витгенштейна: «чести своей никому не отдам». — Вы можете наделать ошибок, прегрешений против себя, — настолько есть в человеке свободы воли, — но стать бесчестным Вы не можете, — настолько нет у Вас liberi arbitrii. — Гете пошел дальше и написал об себе: «Hätte ich einen Fehler begangen, so könnte es keiner sagen».

Я боюсь побоев, ран, как я боюсь холода, холеры, — и в этом я прав, разумен.

Но, признаюсь, я боюсь и насмешек, и брани. Это доказывает только, что я еще не вполне свободный человек, сам на себя опирающийся, само-державный, а что во мне есть доля *холопства*, зависимости *безотчетной*, несознательной от мнения мне посторонних.

За мнением людей не угоняешься. «Доброе имя» — глупость. Это зачаток понятия о *кредите,* но только зачаток, а не самое понятие. Честь и кредит — одно и то же, пожалуй, но я вовсе не все делаю на кредит, мне он не во всем нужен. Я понял, что по природе вещей я не могу, а вследствие того я теперь и не хочу, иметь всесторонние, неопределенные, безусловные связи с моими ближними. Я имею с ними дела, отношения определенные, это все — договоры уговоры с более или менее частными целями, более или менее explicit'ные.

Быть верным этим уговорам — вот в чем мой кредит, моя честь или честность.

У дворян, т. е. победителей, был тацитный уговор (которого весь смысл политический) *внушать* всем и каждому неопределенное уважение к их якобы священным особам. Вот почему они считали каждое бранное слово, им или об них сказанное, за святотатство и старались наказывать, т.-е. мстить, за него.

Я не дворянин и потому готов предать себя на поругание, лишь бы я сам собою был доволен. При поругании что мне прискорбно, это — вид, это факт, что я внушаю антипатии, тогда как мне, как человеку, «животному общительному» par excelence, хотелось бы встречать повсюду лишь симпатию, быть со всеми в ладу. Касательно же дурного мнения, которое брань обо мне в себе содержит, — это мнение — дело, подлежащее суду и рассуждению, моему собственному рассуждению avant tout.

Не как лекцию о нравственной философии написал я Вам это, а чтоб изложить Вам, до какой степени я «развратен», как сказал бы обо мне, например, Погодин, если б он читал эти строки, — чтоб Вы знали меня и не принимали меня за нечто лучшее, чем каков я на самом деле, — чтоб Вы извинили мне, если я «вопросы чести» беру неглубоко, а поверхностно, потому что они таковы сами по себе.

Я был бы совершенно рад и доволен, я видел бы признак Вашего выздоровления, если б Вы мне сказали, что для Вас, как для меня, вопрос головинский сводится не на избежание или предупреждение изустных или печатных ругательств против Вас (для отпора на них есть и у Вас язык и перо), но на избежание просто нападений на Вас с кулаком или ножом. Вопрос для меня таков: стыдно ли или нет для Ивана, Петра, n'importe qui, избегать встречи с бешеной собакой?

Если *не* стыдно избегать, так не стыдно и говорить всем желающим знать, что Вы не ходите туда-то и туда-то, чтоб не наткнуться на Гол[овина].

Но как известно, что по Лондону ходит эта бешеная собака, то благоразумие требует от Вас, не ходить без оружия. Пистолет — *не* лучшее оружие в таких случаях; лучшее — трость со свинцом или копьем.

После стычки, я не на дуэль пошел бы, а пропечатал бы сам историю и записку о десяти ливрах.

В. Энгельсон.

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо вызвано просьбой о совете со стороны Герцена, сильно взволнованного наглым поведением по отношению к нему со стороны Головина.

Delirium—лихорадка.

Du bist... — Ты раз навсегда то, что ты есть.

Штирнер — о нем см. в прим. к «Что такое государство?» Повидимому, в несохранившемся письме Герцен характеризовал крайний индивидуализм Штирнера, позволяющий человеку пренебрегать общественным мнением о нем, как «немецкую развратность» и отказался руководствоваться подобным правилом в своем столкновении с Головиным.

Liberi arbitrii — свободного выбора.

Hätte ich... — Даже если бы я сделал ошибку, никто не мог бы отметить ее.

Explicite — ясный.

Тацитный — молчаливый.

Par excelence — по преимуществу.

Avant tout — прежде всего.

По один М. . . — историк и публицист реакционно-патриархальных взглядов, вызывавший неоднократные насмешки прогрессивной журналистики.

Головинский вопрос — т. е. вопрос о поведении, которое следовало усвоить себе Герцену по отношению к Головину. Шантажные выходки Головина сильно нервировали Герцена: он придавал слишком большое значение «разоблачениями», которыми угрожал Головин. Эта-то чрезмерная «чувствительность» Герцена и дала Энгельсону повод противопоставить его «дворянской» психологии психологию людей, не связывающих свою «честь» с дворянскими представлениями об оскорблении ее. Следует заметить, что аргументы Энгельсона, видимо, подействовали на Герцена: он почти буквально повторил их в своем рассказе о том столкновении с Головиным, о котором как раз идет речь в комментируемом письме. Головин — рассказывает здесь Герцен — «ждал, что вслед за его письмом, в котором он говорит о трусости, я пришлю секундантов. Мои понятия о чести были, действительно, странны и не совпадали с его понятиями. Что за милость убить кандидата в Бисетр [1], в смирительный дом или быть им убитым, искалеченным и наверное попасть под суд, бросить свои занятия, — и все это для того, чтобы доказать, что я его не боюсь... Как будто одни бешеные собаки имеют привилегию вселять ужас, не лишая чести боявшегося?»

23

Ричмонд, 10 февраля 1855 г.

Принимаю, Герцен, и бриллианты назад и восемь шиллингов за урок. Но именно, чтоб не говорить никогда больше о финансах, позвольте мне тотчас же свести счет моих долгов.

990 франков, занятых в Ницце, я отдам, как скоро получу часть моего капитала.

50 фунтов (занятых, было, под залог, теперь без залога), также как 5 ф. (взятых под булавку, которую Вы мне также возвратили), выплачу частью уроками, частью из ожидаемых мною доходов из дома.

5 ф. последних взятых уже выплачены уроками; доселе я имею за Вами 22 урока по 4 шил., это = 4 ф. 8 шил., сегодня даю урок в 8 шил. Вот мы и квиты.

500 фр., взятых у г-жи Фосс, я обязан отдать не раньше 1-го янв. 1856 г.

[1] Больница для душевнобольных близ Парижа.

Вы просите меня не сказать ни слова о вчерашнем. Тяжело мне обойти молчанием одно лишь обстоятельство: я виноват, что обчелся в моих доходах или во времени их прихода ко мне. Вдруг переменить мне образ жизни нельзя — кредит мой лопнет, а я на кредит теперь живу. Вот почему я все забираю, забираю, где могу. Я не сказал Вам в четверг, что мне нужно более 5 ф., говорите Вы. Я сказал Вам, что мне хотелось бы быть обеспеченным на месяц времени, а в месяц по образу житья моего доселе, я издерживаю более 5 фунтов. Вы при этом посоветовали мне еще скорее обратиться к Хоецкому, чем к Рейхелю, предложив от себя 5 ф. У меня нехватило духа просить больше от Вас. Но когда жена моя узнала это, она вспомнила, что я не дорожил для Вас ничем, когда готовился ехать в Америку. Извините, пожалуйста, извините это напоминание. Но мне нельзя не сказать этого. Тогда Вы готовы были мне вознаградить мое состояние, если б я его лишился, и спросили у меня его стоимость.

Все бы это осталось у нас на уме, и не пришло бы на язык, если бы Вы не осыпали меня упреками за то, что я часто призываю доктора, а об уроках жена помянула, найдя жестокостью с Вашей стороны, что Вы пошутили недавно, когда я манкировал, за болезнью, сказав мне зачем я лишаюсь 8 шиллингов. Я кончил.

В. Энгельсон

ПРИМЕЧАНИЯ

Письмо это вызвано столкновением с Герценом, которое описано последним и которое следует привести, чтобы уяснить смысл отдельных фраз и намеков Энгельсона. Заметим предварительно, что в рассказе Герцена это столкновение отнесено на два месяца позже того, когда оно действительно имело место: у Герцена оно приурочено к апрелю, тогда как из письма Энгельсона ясно, что оно произошло 9 февраля.

«Энгельсоны вряд ли имели право — пишет Герцен — себя включать в категорию бедных людей. Они получали из России десять тысяч франков в год, и пять он легко мог выработать переводами, обозрениями, учебными книгами; Энгельсон занимался лингвистикой. Книгопродавец Трюбнер требовал от него лексикон русского корнесловия и грамматику; он мог давать уроки, как Пьер Леру, как Кинкель, как Эскирос. Но в качестве русского, он брался за все: и за корнесловие, и за переводы, и за уроки, — ничего не кончал, ничем не стеснялся и не вырабатывал ни одной копейки... Что Энгельсон не вывернется с своими десятью тысячами, было очевидно, что он не сумеет, с другой стороны, ограничить себя, и это было ясно, — ему оставалось работать или занимать. Сначала, после приезда в Лондон, он взял у меня около сорока фунтов... Через некоторое время попросил опять... Я имел с ним серьезный дружеский разговор об этом и сказал ему, что готов ссужать его, но решительно больше десяти фунтов в месяц ему взаймы не дам. Нахмурился Энгельсон, однако, раза два взял по десятифунтовой бумажке и вдруг написал мне, что ему нужны пятьдесят фунтов и, если я не хочу ему их дать или не верю, то просит меня занять их под заклад каких-то брильянтов. Все это очень походило на шутку; если он, в самом деле, хотел заложить брильянты, то их следовало бы

снести к какому-нибудь pawnbroker'у*, а не ко мне... Зная его и жалея, я написал ему, что брильянты заложу в 50 фунтов, если дадут, и деньги пришлю. На другой день я послал ему чек, а брильянты, которые он непременно бы продал или заложил, спрятал, чтоб их сохранить ему. Он не обратил внимания на то, что пятьдесят фунтов была без процентов, и поверил, что я брильянты заложил.

Второй пункт, относящийся к урокам, еще проще. В Лондоне С[авич] давал у меня уроки русского языка и брал 4 шил. за час. В Ричмонде Энгельсон предложил заменить С. Я спросил его о цене; он ответил, что ему со мной считаться мудрено, но так как у него нет денег, то он возьмет то же, что брал С.

Пришедши домой, я написал Энгельсону письмо, напомнил ему, что цену за уроки он назначил сам, но что я прошу его принять за все прошлые уроки вдвое. Затем я написал ему, что заставило меня удержать его брильянты, и отослал ему их».

Комментируемым письмом Энгельсон отвечал Герцену на эту посылку.

Готовился ехать в Америку — после смерти жены Герцен не сразу остановился на решении поселиться в Англии. Первоначально, под тяжелым впечатлением этой смерти и сопутствовавших ей столкновений с Гервегом, Герцен собирался, побывав в Англии, переехать в Америку. Были, повидимому, предположения, что Энгельсон поедет с ним. Эта поездка могла угрожать Энгельсону потерей легальности и в связи с этим конфискацией имевшегося у него в России имущества.

24

[Ричмонд,] 22 мая [1855 г.]

У меня открылось кровотечение, которое не позволяет мне удаляться надолго из дома, — каждые полчаса мне нужно мыться. Но как при этом я не страдаю ничем, а напротив того, чувствую себя здоровее, чем доселе, то я весьма был бы в состоянии дать урок, если б не Саша, то по крайней мере г-жа Мейзенбуг и Тата, пожаловали ко мне. Теперь у меня есть комната порожняя для уроков. Я пишу о моем предложении г-же Мейз. и прошу Вас удостоить меня ответа.

Если б вообще уроки брались на моей квартире, то от учеников зависела бы аккуратность более, чем от меня.

ПРИМЕЧАНИЯ

Это последнее из писем, которыми обменялись Герцен и Энгельсон. Ему предшествовала «сцена», устроенная Энгельсоном в квартире Герцена в отсутствие последнего и описанная Герценом в письме к М. К. Рейхель, приведенном в вводной статье. Повторив это описание в своем очерке, Герцен продолжает:

«Энгельсон ушел; письма не присылал, а через день написал мне записку; в ней, *не упоминая* ни одним словом о происшедшем, он писал, что у него открылся геморой, что он ходить ко мне не может, а просит посылать детей к нему. Я сказал, что ответа не будет, и снова дипломатические сношения были прерваны...»

На этот раз навсегда. После этого Энгельсон с Герценом не встречались и не переписывались.

---

* Содержателю ссудной кассы.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

А

Абердин лорд, 107.
Август, 100.
Августин, 61.
Авигдор, 164, 165, 166.
Агриппа Менений, 53.
Александр I, 30, 143.
Антонелли, 36.
Анфантэн Бертелеми-Проспер, 164, 165.

Б

Бабёф Гракх, 69.
Байрон, Джордж-Гордон, 73.
Бакунин Михаил Александрович, 26, 36, 156.
Baraguay-d'Hilliers, 175, 177.
Барбес Арман, 36, 43.
Барбье Огюст, 28, 42.
Баррюэль, 31, 42.
Бауэр Бруно, 94, 98, 100.
Бауэр Эдгар, 58, 99, 100.
Белинский Виссарион Григорьевич, 44, 47, 61, 149, 154, 157, 171.
Беранже Пьер-Жан, 33.
Бернгарди, 74, 99.
Бертани А., 141.
Бибиков Дмитрий Гаврилович, 147, 148.
Бичер-Стоу, 158.
Блан Луи, 13, 15, 32, 161, 165, 180.
Бланки Огюст, 43, 47.
Богданович, жанд. ген., 105.
Боке, 182, 184.
Больдони А., 139, 141.
Бонапарт Луи — см. Наполеон III.
Бонфис, 134, 136, 137 139, 140.
Браницкий К. В., 165, 166.
Брюлов, 142.
Будде́ус А., 26, 35, 42, 95.
Булгарин Фаддей Венедиктович, 31, 42.

В

Вейсгаупт, 31.
Веллингтон Артур, 141, 142, 143.
Вико Джованни, 93.
Вильгельм Завоеватель, 70.
Виргилий, 54.
Витгенштейн, 187.
Волконский Петр Михайлович, 141, 142, 143.
Вольтер Франсуа-Мари, 31.
Ворцель Станислав, 3, 8, 125, 181.
Вронченко Федор Павлович, 142, 143.

Г

Гаврилов, 178.
Гагарин, князь Иван Сергеевич, 103.
Гакстгаузен Август, 5, 26, 46, 48, 143, 144, 148, 149, 151, 154, 155, 156, 158.
Гарибальди Джузеппе, 133, 136, 181, 182.
Гарринг Гари, 10.
Гауг, 6, 131, 132, 133, 136, 137, 139, 140, 141, 143, 165, 166, 170, 171, 172.
Гегель Георг-Вильгельм-Фридрих, 5, 19, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 165.
Гедеонов Александр Михайл., 142, 143.
Гервег Георг Фридрих, 4, 9, 47, 48, 125, 127, 128, 129, 132, 133, 135, 136—141, 172, 173.
Гервег Эмма, жена Гервега, 132, 134, 138—141.
Гервег Марсель, сын Гервега, 133, 139.
Гервинус Георг Фридрих, 98.
Геродот, 47.
Герцен Александр Иванович, 3—14, 16, 18—21, 25—27, 36, 43, 47—49, 99—100, 125, 127—129, 132—191.

Герцен Александр Александрович, сын А. И. Герцена, 134, 145, 191.
Герцен Наталья Александровна, жена А. И. Герцена, 4, 6, 47, 48, 127—129, 132, 133, 136, 139, 148.
Герцен Наталья Александровна, дочь А. И. Герцена, 148, 156.
Гершензон Михаил Осипович, 26, 125, 138, 184.
Гизо Франсуа-Пьер-Гильом, 15, 16, 50, 64, 71, 95, 99, 168.
Гзель, 137—140, 164.
Гоголь Николай Васильевич, 94, 142, 150, 154, 157.
Головин Иван Гаврилович, 7, 103, 135 137, 178—181, 183, 185, 188, 189
Гольбах Поль-Анри, бар, 32.
Голынский, 181, 182.
Гомер, 93.
Гораций, 94, 100.
Грабя-Горский, подполковник, 105
Греч, генерал, 41, 96.
Григорович Дмитрий Васильевич 76, 99.

Д

Дашет, 134, 136, 137, 139, 140, 146, 147, 182, 184.
Delaveau Henry, 183, 184.
Демулен Камил, 5.
Добролюбов Никол. Александр., 20.
Доманже, 173, 180, 181.
Доминик, 35.
Достоевский Федор Михайлович 8.
Дубельт Леонтий Васильевич, 28 29, 37, 105, 142, 143, 164.
Дюгесклин, 68.

Е

Екатерина II, 93, 111. 116—118.

Ж

Жирарден Эмиль, 70, 99, 158.

З

Занд Жорж, 17, 82, 91.

И

Иаков, библейский персонаж, 91.
Ивельстром, 118.
Издер, 35.
Иисус, 58, 60, 64, 93, 152, 153.
Иноземцев Федор Иванович, 38.
Иоанн, апостол, 93.
Иоанн, креститель, 59.
Иов, библейский персонаж, 58.
Иуда Искариот, 60.

К

Кабэ Этьен, 17, 32, 65, 151, 157.
Кавелин Константин Дмитриевич, 18.
Кавеньяк Луи Эжен, 36, 43.
Канкрин граф Егор Францевич, 35, 99, 116.
Кант Иммануил, 166.
Карамзин Николай Михайлович, 168.
Карл Великий, 156.
Карл V, 99.
Карлье Пьер, 35, 43.
Кашкин Николай Сергеевич, 3, 179, 181.
Квинтилиан, 71, 99.
Кельсиев Василий Иванович, 11, 20.
Кердеруа, 180—182.
Кинкель, 190.
Кириллов Ник. Серг., 32, 100.
Киселев граф Павел Дмитриевич, 48.
Козенец, 139, 141.
Кольбер, 69, 99.
Константин Николаевич, вел. кн., 163, 165, 180
Константин Павлович, вел. кн., 106.
Конт Огюст, 68. 96, 98.
Косцюшко, 48, 157.
Кошут Людвиг, 13, 16, 159, 161, 162, 165.
Крылов, цензор, 33.
Ксенофонт, 161, 165.
Кулаков, генерал, 46.

Л

Лавуазье Антуан, 82.
Лазарь, библ. персонаж, 58, 110.
Леве, 144, 146,
Ликург, 64.
Липранди Иван Петрович, 37, 38, 42.
Лорамберт, 96.

Ледрю-Роллен Александр Огюст, 13, 15, 161.
Лемке Михаил Константинович, 21, 25, 26, 43, 125.
Ленин Владимир Ильич, 8, 15, 16.
Лермонтов Михаил Юрьевич, 151.
Леру Пьер, 10, 17, 18, 82, 125, 190.
Lowe, 174.
Луи-Филипп, 43, 160.
Лука, евангелист, 93.
Любецкий, князь, 34.
Людовик XI, 69.
Людовик XIV, 69.
Людовик XVI, 69.

М

Марк, евангелист, 60, 93,
Маркс Карл, 99.
Марраст Арман, 36, 43.
Масальский, см. Прудон.
Матвей евангелист, 60, 92, 93, 94.
Маццини Джузеппе, 3, 8, 13, 16, 125, 132, 133, 154, 158, 159, 162, 165, 179, 180, 182, 185.
Медичи, итальянский революционер, 125, 136, 139—141, 162.
Мейзенбуг Мальвида, 9, 10, 183, 191.
Мейэ, 191.
Мендельсон Н. М., 21, 125, 182.
Меншиков князь Александр Сергеевич, 34.
Меншиков князь Владим. Александрович, 163, 164, 165, 179, 180.
Меньшиковы, князья, 116.
Меттерних Клеменс-Венцель, 35.
Меццокоппо, 141.
Мирабо Оноре-Габриэль, 79.
Михаил Павлович, вел. кн. 32, 35.
Мишле Жюль, 21, 26, 47, 48, 125, 157, 177, 178.
Модзалевский Б. Л., 43.
Моисей, 161.
Момбелли Николай Андреевич, 42.
Монморанси Генрих, 68, 99.
Моно Габриэль, 26.
Мордини, 134, 136, 140, 141.
Муравьев-Апостол Сергей Иванович, 106.

Н

Набоков, генерал, 41, 42, 142.
Наполеон I, 70—72, 96, 143, 185.
Наполеон III, 7, 8, 13, 15, 43, 70—72, 143, 175, 177, 179.
Неволин Константин Алексеевич, 80, 99.
Неемия, пророк, 95.
Нессельроде граф Карл Васильевич, 35, 43, 142.
Нестор летописец, 154.
Николай I, 9, 30, 32, 43, 49, 104, 106—108, 111, 113—121, 143, 156, 165, 175, 179, 185.

О

Огарев Николай Платонович, 19.
Огарева Тучкова Наталья Алексеевна, жена Н. П. Огарева, 11.
Орлов граф Алексей Федорович, 36—38, 41, 42, 104, 116, 142, 143.
Орлов Михаил Федорович, 37.
Орсини Феличе, 10, 125, 132—134, 136, 137, 138, 140, 141.

П

Павел, апостол, 60.
Пальмерстон Генри-Джон, 158.
Паради, 96.
Паскевич граф Ив. Федор., 40, 41, 43.
Пачелли, 134, 136, 139, 141.
Перовский Василий Алексеевич, генерал, 37, 39.
Перовский граф Лев Алексеевич, 36—38, 42, 147, 148.
Петр I, 47.
Петр, апостол, 93.
Петрашевский Михаил Васильевич, 3, 21, 25—34, 36, 38—41, 100, 177—179.
Пианчани, 179, 131,
Пизакане К., 141.
Питт Вильям, 151, 157.
Плеханов Георгий Валентинович, 15.
Погодин Михаил Петрович, 188, 189.
Полозов Д. П., 38, 43.
Прудон Пьер-Жозеф, 13, 17, 36, 43, 65, 98, 99, 144, 146, 151—164, 165, 172.
Пугачев Емельян, 7, 104, 111, 117, 174, 175.
Пушкин Александр Сергеевич, 30, 99, 151, 157.

Р

Радецкий Иосиф, 161, 165.
Разумовский граф Алексей Кириллович, 37.
Рейф, 96.
Рейхель Адольф, 4, 9, 156, 180, 181, 190.

Рейхель Александр, сын А. Рейхеля, 148, 156.
Рейхель Мария Каспаровна, урожден. Эри, жена Ад. Рейхеля, 5, 6, 103, 128, 148, 156, 170, 184, 191.
Рейхель Ольга Адольфовна, дочь Ад. Рейхеля, 148.
Ричард Львиное сердце, 96.
Ришелье, 68.
Робертсон, 168—170.
Робеспьер Максимилиан, 5, 31.
Рок-Купневский, польск. эмигр., 10.
Romieu, 47, 48.
Ростовцев Иаков Иванович, 40.
Рошфуко, 172.
Руссо Жан Жак, 31, 58, 69, 70, 164, 165.
Р. Ч., псевдоним Н. П. Огарева (см.).
Рюрик, 154.

С

Савич, 191.
Сазонов Николай Иванович, 4, 127, 128.
Сагтынский, 35.
Сарра, прислуга Энгельсона, 183.
Семевский Василий Иванович, 11, 27.
Серно-Соловьевич Александр Александрович, 20, 21.
Симон, 93.
Синеус, 154.
Слепцов Александр Александрович, 11, 20.
Соловьев Сергей Михайлович, 7.
Сологуб Владимир Александрович, 147, 148.
Солон, 64.
Спешнев Николай Андреевич, 3, 25, 179, 181.
Струве Петр Бернгардович, 125.
Сю Эжен, 130.

Т

Тацит, 95, 168.
Тенгоборский, 21, 26, 177.
Тертуллиан, 61.
Тесье, 125, 136—141, 146, 147, 170, 172, 180.
Толстой Лев Николаевич, 17.
Толстой Яков Николаевич, 41, 43.
Тортони, 164.
Трубецкая княгиня, 169, 170.
Трувор, 154.
Трюбнер, 190.
Тургенев Иван Сергеевич, 49.
Туссенель, 169, 170.
Тьер Луи-Адольф, 35, 43.

Ф

Фази Джемс, 48, 148.
Фейербах Людвиг, 5, 17, 19, 33, 98, 150.
Фосс, 190.
Фохт Карл, 92, 100, 125, 132, 143, 144, 170, 172.
Фукидит, 56.
Фурье Шарль, 17, 32, 65, 99.

Х

Хоецкий Эдмонд, 134, 136, 144, 146, 169—172, 190.
Хрущев Дмитр. Александр., 165.

Ч

Чемберс, 182.
Чернецкий Людвиг, 180, 181.
Чернышевский Николай Гаврилович, 7, 14—16, 20, 21, 156.
Черняк Я. З., 21, 104.
Чичерин Борис Николаевич, 7, 18.
Чумиков А. А., 26.

Ш

Шарпантье, 91.
Швальбе Ф. П., 21.
Шиллер Фридрих, 96, 100.
Шопенгауэр Артур, 49, 98, 100.
Штеффенс, 168, 169.
Штирнер Макс, 98, 100, 187—189.
Штокпрюгель барон, 46.
Штраус Давид, 93.

Э

Энгельс Фридрих, 16.
Энгельсон Александра Христофоровна, урожденная Штевен, жена В. А. Энгельсона, 3, 7, 10, 162, 165, 183, 186.
Энгельсон Арист Павлович, отец В. А. Энгельсона, 3.
Энгельсон Исаак, сын В. А. Энгельсона, 186.
Эскирос Альфонс-Генри, 190.

Ю

Юлий Цезарь, 58.

ОГЛАВЛЕНИЕ

В. А. Энгельсон. Вводная статья Л. Б. Каменева 3

I. Статьи

Петрашевский (1851 г.) 25
Посвящение книги „Анархия“ (1852 г.) . . . 44
Что такое государство? (1855 г.) 49
Примечания к статье „Что такое государство?“ 85

II. Прокламации (1854 г.)

1. Первое видение св. отца Кондратия . . . 106
2. Второе видение св. отца Кондратия . . . 108
3. Первое письмо Ем. Пугачева 111
4. Второе письмо Ем. Пугачева 117

III. Письма (1852—1855 гг.)

Письма Г. Гервегу 127
1. 28 января . . . . . 1852 г. . . . 127
2. 18 февраля . . . . . 1852 г. . . . 128
3. 30 марта . . . . . 1852 г. . . . 129
Письма А. И. Герцену 134
4. 11 июля . . . . . 1852 г. . . . 134
5. 13 июля . . . . . 1852 г. . . . 137
6. 24—30 июля . . . . . 1852 г. . . . 138
7. 22 сентября . . . . . 1852 г. . . . 141
8. 1 октября . . . . . 1852 г. . . . 144
9. 20 октября . . . . . 1852 г. . . . 146
10. 4 ноября . . . . . 1852 г. . . . 148
11. 30 ноября . . . . . 1852 г. . . . 159
12. 8 декабря . . . . . 1852 г. . . . 166
13. 2 февраля . . . . . 1853 г. . . . 170
14. 19 мая . . . . . 1854 г. . . . 173
15. 26 мая . . . . . 1854 г. . . . 174
16. 8 июля . . . . . 1854 г. . . . 174
17. 10 июля . . . . . 1854 г. . . . 177
18. Середина августа . . . . 1854 г. . . . 179
19. Начало сентября . . . . . 1854 г. . . . 181
20 25 сентября . . . . . 1854 г. . . . 182
21. 28 сентября . . . . . 1854 г. . . . 184
22. 7 октября . . . . . 1854 г. . . . 186
23. 10 февраля . . . . . 1855 г. . . . 189
24. 22 мая . . . . . 1855 г. . . . 191

Указатель имен 192

Цена 3 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА ПОЛИТИЧЕСКИХ КАТОРЖАН И ССЫЛЬНО-ПОСЕЛЕНЦЕВ

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1. Правлению издательства Политкаторжан — Москва 2, ГСП — 12, Лопухинский пер., 5; телефоны 3-64-73; 1-31-26

2. Магазину изд-ства Политкаторжан — Москва центр, Петровка, 7; телефоны 4-18-12 и 3-63-20